

RŪTA VANAGAITĖ

MŪSIŠKIAI

Alma littera

Исак Аноликас

Родился в 1903 году.

Убит в 1943 году в IX форте Каунаса.

Один из талантливейших евреев спортсменов Литвы, велосипедист – чемпион Литвы в гонках на 10 километров в 1925 и 1926 годах. Представлял Литву на олимпиадах в 1924 году в Париже и в 1928 году в Амстердаме.

Балис Норвайша

Родился в 1908 году. Лейтенант, командир

Особого отряда. В 1941-1943 годах руководил операциями по ликвидации людей во многих местах Литвы. Особый отряд только в Понарах (Паняряй) убил 70 000 людей, в 1943 году Балис

Норвайша перешел в батальон самообороны, дальнейшая судьба неизвестна. Предполагается, что

Норвайша в 1944 году эмигрировал в Соединённые Штаты или Англию.

Согласно другим источникам, он погиб при бомбардировке Дрездена.

Мы – Александр, или Витаутас, милостью Божьей Великий Князь Литовский, [...] дали права и свободы всем евреям, которые живут в нашей стране [...], если какой еврей, попавший в беду, попросит помощь ночью, и христианин не придет ему на помощь, то все соседи, а также и евреи, должны будут заплатить тридцать шиллингов [...].

Привилегии для еврейской общины Бреста
от Князя Витаутаса Великого, 1388 год.*

* *Евреи Швенчёнского края. Книга памяти. Швянчёнис, 2004, стр. 6.*

Рута Ванагайте

Наши

Алма литтера

Вильнюс

2016

Рута Ванагайте

Наши

Издательство «Алма литтера», 2016 г.

Перевод с литовского: Лев Шкловский

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ТЬМУ.....	7
I. Опять о евреях?	8
Как всё началось	8
Моя семья - жертвы или нет?	13
«Быть евреем». Игра с продолжением.....	17
Евреи – кто они?.....	23
Очная ставка с врагом	29
А мы ответственны за нашу историю?	34
II. Наши. Дети, которые видели.....	37
Лаймонас Нореика	37
Юлиус Шмультис.....	41
Антанас Кмеляускас	43
Марцелиус Мартинайтис	45
III. Наши. Политики.....	47
Литовские активисты.....	50
Литовское временное правительство.....	59
Советники и советчики.....	69
IV. Наши. Убийцы евреев.....	75
Национальная трудовая охрана	75
Зубной техник и Ко.....	78
Летающие убийцы	87
Особые мужчины	91
Понары: показания свидетелей	93
Свидетельства ученика.....	99
Свидетельства почтальона	101
Через тридцать лет: сны убийцы.....	107
Свидетельства убитых.....	110
Не сгоревшие в аду: свидетельство сжигателя.....	116
Судьбы членов Особого отряда	119
Командированные убивать	121

Убийцы с человеческим лицом	133
V. Литва обогатилась	139
VI. Наши. Спасатели	144
VII. Сегодняшний взгляд. Интервью с историком	148
<i>Постскриптум</i> первой части.....	155
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПУТЕШЕСТВИЕ С ВРАГОМ	158
Эфраим Зурофф. Литва в моей жизни	161
Миссия возможна? Разговор перед поездкой	167
ПОЕЗДКИ	174
Линкменис / Лингмян	174
Швянчёнис / Свенцяи	183
Каварскас / Коварск	191
Укмерге / Вилкомир.....	200
Шедува / Шадово	211
Тельшай / Телз.....	220
Плунге / Плунгян	225
Плателяй / Плотель	230
Таураге / Тавриг	236
Бутримонис / Бутриманты.....	240
Паневежис / Понивеж	246
Каунас / Ковно.....	257
Вильнюс / Вильно	264
Белоруссия / Беларусь	269
Прощание с врагом. Дорога в аэропорт.....	276
Эпилог. Где был Бог?	281
Разговор с Томасом Шернасом.....	281
Разговор со священником Ричардом Довейкой.....	285
Ресурсы и литература.....	291

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ТЬМУ

I. Опять о евреях?

Как всё началось

Ну, Гитлер ненавидел евреев и привез их в Германию. Затем типа загнал в ямы и пустил газ. Так их не стало.

Мой друг Дайнюкас, 15 лет.

Я типичная простая литовка. Жила, зная о Холокосте столько, сколько знает большинство из нас, простых людей. Может быть, больше, чем Дайнюкас, словами которого я начинаю эту главу, но не намного. Являюсь типичным продуктом лжи советской власти и молчания свободной Литвы. *Homo sovieticus lituanus* (человек советский литовец).

Когда я работала в газете, я стала понимать, какое сообщение для читателя будет самым неинтересным. Самым неинтересным в мире названием будет: «Небольшое землетрясение в Чили, погибших немного». Все признаки неинтересного известия: далеко, случилось с незнакомыми людьми, жертв немного.

Разве это не так с гибелью евреев? Это случилось давно, с незнакомыми людьми и, возможно, с многочисленными жертвами, но что мы знаем о них? Шесть миллионов жертв в мире, 200 000 в Литве. Это просто статистика, много нулей и нулей, которые ничего не сообщают нашему

сердцу и уму. Как сказал Сталин: «Смерть одного человека – это трагедия, смерть миллионов – только статистика».

15 лет назад – тогда я была директором фестиваля LIFE – в моей жизни случилась одна, казалось бы, незначительная вещь, и это меня очень потрясло. От сталинской статистики и литовского поля безразличия я подошла на один шаг к человечности. Только на один, но никто не поддержал его и тема Холокоста меня больше не беспокоила, как и других.

В 1998 году я написала первый текст о евреях в своей жизни, он был опубликован в еженедельнике «Ekstra žinos» (Экстра новости).

Вот он.

РИСК ИНФЕКЦИИ В ЛИТВЕ ОСТАЕТСЯ

Не поехать ли в Понары? – спрашивает мой гость, французский художник Кристоф Бертонно (всемирно известный мастер огненного шоу в парке Vingis, где состоялось открытие LIFE, в котором приняли участие 100 000 человек). Место гибели евреев в 12 километрах от Вильнюса, 100 000 убитых («Вильнюс в кармане»). Хорошо, я отвечаю, но мы так и не едем. Я не знаю дорогу. На другой день уклоняюсь от прогулок по Вильнюсскому гетто. Я не знаю его границ. Еврейское кладбище в городском парке? Разве мы, литовцы, не имеем собственных трагедий и мемориалов, почему он о них не расспрашивает? А может быть, взгляните на него, он вовсе не француз, а сам еврей?

Нет, он просто человек Запада, который умеет читать.

Наше поколение получило образование в здоровом советском духе. Что касается еврейского Холокоста, то мы ничего не знали об его истории, зато мы знали много хороших анекдотов о евреях, и умели их, затаившихся, сразу распознавать. Наши дети также воспитываются в здоровом, то есть литовском духе. Трагедия литовского народа велика, страдание является самым важным, потому что оно – наше. В учебнике пятого класса помещён небольшой раздел о еврейском Холокосте в 1941 году. Хватит – в конце концов, они даже не говорили по-литовски.

У меня есть культурные знакомые – они знают больше. В их глазах священный огонь ненависти возбуждается сразу после того, как произносится слово «еврей».

Известные актёры Молодёжного театра были вынуждены играть в пьесе с еврейскими мотивами, однако их не заставили идти в музей Модильяни в Париже, зная, что... Знаменитый путешественник Литвы и

покровитель исчезающих народов неожиданно почувствовал: они, они управляют миром, я их... Насколько у нашего интеллигента есть проблемы с поиском чистых впечатлений – даже в кино не пойдешь: есть Чаплин, Хоффман и Спилберг. На воротах гетто Вильнюса было написано: «Осторожно: евреи. Инфекционная опасность».

Интересно, как всё изменилось в Литве в течение 20 лет независимости. А согласно статье «Евреи и литовцы», написанной Томом Венцловой в 1978 году, ничего не изменилось. Только евреев не осталось – почти.

Крупнейшей бойней в Европе было ликвидировано 95% евреев, которые до войны составляли более трети населения Вильнюса. Позже – огромная волна эмиграции. В Литве было 5000 евреев. Кого мы будем обвинять в том, кого презирать после нескольких десятилетий? Что, братья, мы будем дезинфицировать?

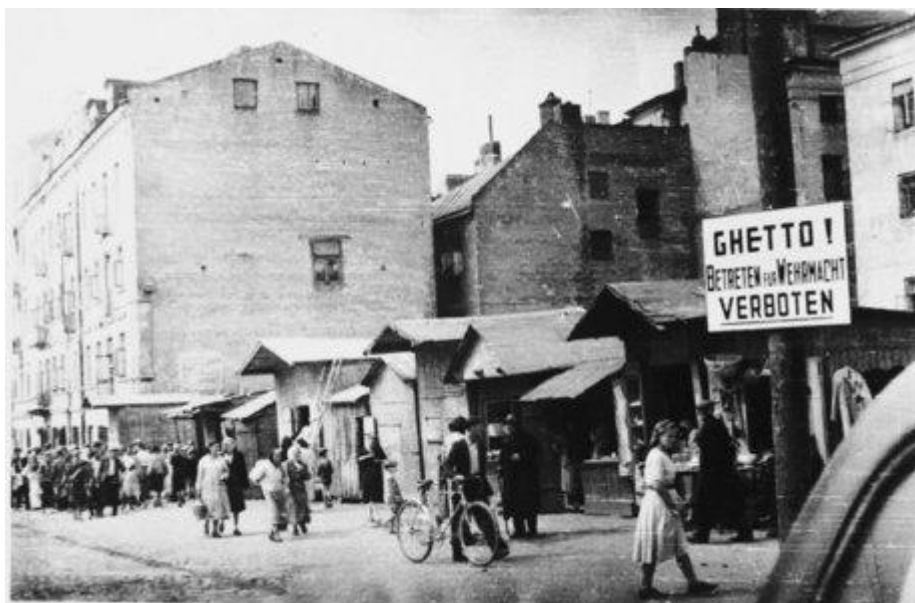
В Вильнюсе ни мои предки, ни мои родители не жили. За несколько лет я здесь три раза переселялась из одной квартиры в другую – и все три я купила у евреев, которые бежали отсюда. Купила их дешево. Я воспользовалась их паникой и сделала себе хорошо. И кто же из нас был евреем?

«Литовское правительство не антисемитское» – заявил писатель Григорий Канович на одном телешоу. Нет, действительно нет. И деньги были даны к юбилею Гаона, и президент Бразаускас каялся в Израиле, и вице-мэр Вильнюса согласился разрешить перенести еврейские могилы с территории Дворца спорта в более спокойное место, если это будет сделано не на средства города.

Политики должны действовать разумно, т.е. чтобы избиратели их переизбрали. Как бы мы ни выглядели снаружи. Но мы выглядим так: никто из военных преступников, участвовавших в убийстве евреев, ещё не был осужден в Литве, поэтому празднование Гаона должно быть бойкотировано, говорит Центр Симона Визенталя. 700 жертв Тускуленай более важны для Литвы, чем 100 000 погибших в Понарах – пишут „US News“ (новости США).

В Вашингтоне, округ Колумбия, состоялась выставка «Тайная история Каунасского гетто» – 200 фотографий, сделанных Джорджем Каддишо его камерой собственного изготовления через отверстие пуговицы пальто. Кто будет платить за доставку этой выставки в Литву? Что такое Холокост? Кто продвинет издание 15 000 экземпляров

образовательного проекта «Дневник Анны Франк» и еврейские учебники истории для школ Литвы? Кому нужно 5000 голосов? Нужно для Зингера (еврей – депутат Сейма Литвы) – пусть он и заботится.

И если не для избирателей, и не ради человеческих ценностей, но только с прагматической точки мы рассмотрим: какие будут преимущества у государства, если мы сделаем больше, потому что мы вынуждены, но, возможно, этого не хочет большинство избирателей... Если останки евреев были бы перевезены за счёт фонда города Вильнюса. В конце концов, управляют ли они миром или нет, а тысячи тех правящих происходят из Литвы. Даже в Южной Африке литваки – это 85 процентов евреев. Нет – ответит мне настоящий литовец – образ Литвы в мире будет основан на репродукциях Чюрлёниса и бросках баскетболистов. И вы сами подумаете: может быть, вы сами, если можно так выразиться, если вы уже поднимаете этот вопрос?

Да. Мой дед со стороны матери был Серадзинскис, рижский сапожник.

Моя семья - жертвы или нет?

Я должна разочаровать подозрительных читателей – я простая литовка, еврейской крови не имею. Я не только литовка, но я примерная литовка, потому что отец моего отца Йонаса Ванагаса, старый отец Ванагас, политический заключенный, был осуждён за антисоветскую деятельность и умер, замёрзнув через полгода в Карлаге. Вся его семья – депортированные, которые были изгнаны в Красноярский край. Я всегда гордилась своим дедом, который в 1941 году спилил дерево в Каварскасе, чтобы преградить путь отступающей Красной Армии. И он сорвал портрет Сталина со школьной стены. Соседи литовцы, конечно, впоследствии донесли, и он был арестован.

Я прочитала секретный файл 96-страничного архива моего деда в Литовском специальном архиве, вместе с показаниями арестованного Советами соседа, об этом свидетельствуют допросы и показания протоколов. Подвиг Йонаса Ванагаса был несколько омрачён – нашла сведения о том, что во время немецкой оккупации он был комиссаром, который составлял еврейские списки. Он не принимал участия в массовых убийствах евреев, он не делил еврейскую собственность, потому что был достаточно богат. Свидетели, которые были допрошены, показали, что все десять зарегистрированных евреев Каварскаса в августе 1941 года были отвезены в Укмерге. Сосед Балис, арестованный и допрошенный вместе с моим дедом,

конвоировал этих евреев на место экзекуции и за это получил награду – еврейский дом и 4,5 гектара земли. Так написано в деле.

Я не только литовка, я литовка, вынесшая советскую годину. В годы зрелого социализма четыре двоюродных сестры, молодых барышни, мы хотели украшаться, чтобы быть стильными, но у нас не было ни джинсов, ни пластинок. Но у нас была тётя, сестра отца, в Америке, и её невероятно хороший муж Антанас. Мы писали им письма со списками пожеланий. Тётя была очень занята, работала зубным врачом, а её муж отправлял нам джинсы в коробках всё советское время, с пластинками, и даже с зубными пломбами. Он писал красивые и тёплые письма. По какой-то причине письма были подписаны не Антанасом, а Антоселе. Родители сказали нам, что дядю Антанаса ищут Советы, поэтому он предпочитает, чтобы его имя и фамилия нигде не были упомянуты (письма из-за границы могли быть прочитаны советской госбезопасностью). Моя тётя была довольна своим мужем, потому что он был великим, честным человеком, настоящим офицером, полковником Независимой литовской армии, а при немцах командиром полиции безопасности Паневежиса.

Теперь, когда все джинсы, отправленные Антоселе, уже давно сношены, они ушли в мир иной. И нет ни его, ни тётки, ни Советов, когда я пишу эту книгу, я уже знаю, что такое была в годы немецкой оккупации литовская полиция в Паневежисе и других городах, и почему дядю Антанаса Советы так интенсивно искали. Не нашли. Антоселе умер во Флориде, в красивом доме недалеко от океана, с садами, в которых росли большие манго. Ему был поставлен памятник в одном из литовских городов. К сожалению, его фамилия упоминается в известном списке 5000 литовских палачей, который составили евреи.

Так кто же я, Рута Ванагайте, – хороший потомок хороших литовских героев или представитель народа презренных убийц евреев, в семье которой есть пятно преступления против человечества?

Но у меня тоже была мать. Она родилась и выросла в Паневежисе, в большом прекрасном доме с жильцами, где она была воспитана не только её строгой матерью, но и её квартиросъемщицей тётей Цилей, которая работала в Паневежской женской семинарии, преподавала немецкий. Циля была немецкой еврейкой. Она убежала от нацистов сюда? Возможно. Моей матери было 14 лет, когда началась война, в Литву вступили немцы, и Танте, как ее мама называла, быстро убежала из Литвы. Куда? Никогда, несмотря на все поиски прежних адресов Танте, мать не смогла найти её следов. В какую яму вы были сброшены, тётя Циля, в какую печь?

Bundesarchiv, Bild 183-B10160
Foto: Schmidt-Schaumburg | Juli 1941

Моя мать потеряла не только Танту Цилю. Паневежис, улица А. Сметоны, дом мамы, номер 47, всё ещё стоит. По соседству жила семья еврейских интеллигентов. У неё был только один ребенок, Ицик, на год моложе моей матери. В детстве они двое играли в саду мамы. Затем наступил 1941 год, немецкая оккупация, и семья соседей однажды исчезла. Люди в этот день видели евреев, гонимых из гетто. В тот день в Зелёной пуще недалеко от Паневежиса были застрелены 8 000 евреев. 1609 детей кладут в отдельную яму и стреляют (или стреляют и кладут?). Там, не очень глубоко, среди других детей Паневежиса лежат и кости Ицика.

Так кто я? Может быть тоже своеобразная жертва, если моя мама в Холокосте потеряла двух близких людей?

Я просто литовка, чьи дедушка и бабушка и родители пережили как советскую, так и нацистскую оккупацию. И я принимаю все трагедии своего народа, не разделяя их на свои и чужие, большие и малые. Я принимаю ошибки и потери моей семьи, не обвиняя, и не желая повторять то, что было. Я хочу понять, что случилось, почему это случилось с ними и со всеми моими людьми. С моими литовцами и моими евреями в моей стране. Чтобы поняли, знали и помнили мои дети.

Если никто из ваших родственников в этом не участвовал и не знал евреев, то подумайте просто о статистических данных: во время войны уничтожено более чем 200 000 евреев Литвы. Это 50 000 домов, но ещё и магазины, синагоги, школы, кафе и библиотеки, аптеки и больницы... Немцы брали еврейское золото, выдирали зубы. И сколько в других еврейских домах, хозяева которых были убиты в Литве, осталось добра: шкафы, кровати, часы, простыни, подушки, обувь, блузки. Конечно, это не ваши бабушки и дедушки хватали и везли на тележках, когда всё это было брошено через окна или продавалось дёшево на площадях городков. Точно не ваши, а другие, худшие, литовские бабушки и дедушки. Но, может быть, вы знаете, хорошие литовцы, где эти антикварные кровати убитых? Кто на них спит? Что им снится?

«Быть евреем».

Игра с продолжением

В пятьдесят семь лет и я впервые в своей жизни заработала деньги на Холокосте. Я заработала немного – минимальную полугодичную зарплату. Я сделала много. Проект «Panerių lopšinė» (Паняряйская колыбельная) получил финансирование от Европейской комиссии, и это позволило нам сделать десять замечательных мероприятий в Вильнюсе. Их идея была простой: собрать группу из 40 человек и позволить им почувствовать себя в один прекрасный день евреями: узнать в синагоге, что такое иудаизм (в конце концов, вильнюсец встречается там редко). Пойти в гетто, побывать в укрытиях, послушать еврейскую музыку. Изучать еврейскую песню и танцы, есть то, что они едят. И только потом, после хорошего полдника, заняться, подтянуться, разобраться и идти туда, где были убиты евреи. В Понары. И это ещё не всё: отправляясь в Понары, мы выучили песню «Паняряйская колыбельная», созданную 11-летним мальчиком Тамилем из гетто. Тамил был в гетто в 1942 году. Участвовал в конкурсе песни и выиграл.

В 2012 году я в первый раз читала, говорила и пела на идиш вместе с сорока другими.

Shtiler, shtiler

*S'htiler shtiler, lomir shvaygn kvorim vaksn do.
Shobn zey farflantst di sonim: grinen zey tsum blo.
S'firn vegn tsu Ponar tsu, s'firt keyn veg tsurik.
Iz der tate vu farshvundn un mit im dos glik.*

*Shtiler, kind mayns, veyn nit oytser, s'helft nit keyn geveyn
Undzer umglik veln sonim zay vi nit farshteyn.
S'hobn breges oykh di yamen. S'hobn tfises oykhet tsamen,
Nor tsu undzer payn keyn bisl shayn.*

Tyliai tyliai

*Tyliai tyliai, patylėkim, mirusieji čia auga.
Juos pasodino tironas, pažiūrėk, kaip jie žydi.
Visi keliai veda į Panerius, nėra kelių sugrįžti.
Ir mūsų tėvas pražuvo, o su juo mūsų laimė.*

*Bet neverk, mano mielas, ašaros nepadės.
Mūsų skausmo žiaurūs žmonės niekad nesupras.
Jūros ir okeanai niekam nepaklūsta, kalėjimas irgi kažkur baigiasi,
Bet mūsų skausme nėra šviesos.*

Tuxo muxo

*Тихо, тихо пойдём, здесь мёртвые растут.
Они были посажены тираном, видно, как они цветут.
Все дороги ведут в Понары, нет возможности вернуться.
И наш отец погиб, и с ним наше счастье.*

*Но не плачь, мой дорогой, слёзы не помогут.
Жестокие люди нашей боли никогда не поймут.
Море и океаны никому не подчинятся,
 тюрьма также заканчивается где-то,
Но в нашей боли нет света.*

Архивная фотография: устройство, на которое загружались и сжигались трупы.
1943-1944 г.г.

Первый визит в Понары. Проект «Быть евреем». 2015 г.
Фото Кестутиса Куриниса.

В лесу Панярай, где большинство из нас было в первый раз, куда несут розы и камни, мы стояли и слушали про убийства. И мы пели. Затем мы тихо понесли розы на снег, где одна из шести ям смерти, которая была переполнена мёртвыми. На дне самой большой ямы следы на снегу. По-видимому, недавно над тысячами разбитых черепов пробежал панярайский кролик.

И это ещё не всё. Поездка из Понаров в Вильнюс также была смелым экспериментом. Должны ли мы вернуться в Вильнюс молча, достаточно ли мы увидели в Понарах? Или наоборот – возвращаться вдохновлёнными, объединёнными? После Понаров, после очной ставки с Холокостом. В автобусе открываем кошерное вино, полученное из Израиля, домашние сладости – имберлех, и Михаил, музыкант еврейского ансамбля, заиграл для нас «Тумбалалайку». Это было невероятно, как будто ехать по Северному Иерусалиму в воскресенье днём, по пустому городу без евреев, без литовцев, и петь во всё горло: «Тумбала, тумбала, тумбалалайка!» Или хором: «Ле-Хаим» – «Да здравствует!». Петь вместе с сорока другими. Сорок литовцев, которые сегодня утром не знали о евреях практически ничего, а сейчас, вечером, возбуждённые, вдохновлённые, грустные и очень радостные...

Приехав в Вильнюс, участники не могли разойтись, мучили нашего гида Симона вопросами, попросили прийти в следующее воскресенье,

позволить привести чью-то мать, брата, тетю, подругу... Потом рассказывали дома, что они слышали о евреях, что увидели. Не одна подруга сомневалась и подозрительно качала головой: ну, они тебя охмурили, разговариваешь как сектант. Вы видите, как их надо остерегаться... Дадите им мизинец, всего утащат...

Прошёл год. Мероприятие «Быть евреем» прошло в Каунасе и в других европейских городах, в некоторых, к сожалению, всё было казённым, только поглощение фондов ЕС. Но Каунас... Каунас потряс меня. Час, проведенный в Слободке, теперь в Вильямполе, очень потряс.

Вот картина бывшего одного из крупнейших гетто в Литве, где жили десятки тысяч каунасских евреев и где за несколько «акций» (одна из них детская) – все были убиты...

Тридцать учителей в Каунасе во главе с евреем Симоном стоят в середине прежнего Каунасского гетто. Дома, кладовые-сарай, где были

тысячи во время войны, куда нацисты согнали евреев, во дворах играли дети, а затем все они были доставлены на какую-нибудь площадь или в Каунасский форт и расстреляны. Дома и кладовые, перестроенные, отремонтированные, там живут каунасцы, которые не знают, где они живут, и кто пришёл сюда к ним. Откуда знать – ничего не написано, не сохранено, просто камень у входа. Отремонтированный дом – бывший магазин, в окне которого было выставлена отрубленная голова раввина гетто. Раввину отрубили голову, когда он молился, и положили на Талмуд. Около нас останавливается «Ауди». Бритоголовый открывает окно и кричит: «Ну, евреи? Куда вы лезете? Что вы ищете?» Получив вежливый ответ от нашего гида, почти извинение за то, что мы здесь, человек поехал по улице гетто, но после нескольких минут разворачивается и на всей скорости подъезжает к нам. Визжат тормоза, машина останавливается, чуть не въехав в нашу группу. Я вижу, что будет плохо, я иду к машине и пытаюсь смягчить ситуацию. На сиденье недопитая бутылка пива. Я говорю мужчине: «Не бойся, понимаешь, мы не евреи, это экскурсия, в конце концов, оно было здесь. Гетто, не знал наверно?» Я вижу, что для него это новость, он не знает, что это за гетто такое. «Вы не можете ехать – вы выпили и попадёте в полицию». «Я сам полицейский» – признаётся он. В итоге он не причиняет нам вреда.

И самой замечательной частью акции «Быть евреем» была лекция Симона об иудаизме в Вильнюсской хоральной синагоге, где почти все участники были впервые в жизни.

Многие читатели, вероятно, не были в синагоге и мало что знают об этом. Мы услышали по-настоящему литvakский рассказ Симона о евреях и иудаизме, рассказ мудрый, грустный и ироничный. Его содержание далее.

Евреи – кто они?

Симон: По еврейскому календарю теперь 5776 год. Почему? Наш календарь преподносит несколько иные ценности. Мы рассчитывали его не от рождения Иисуса как христиане, а от первого человека Адама. Мы – народ Книги, поэтому, читая внимательно Книгу Тора, то есть Ветхий Завет, мы изучаем её со времени рождения Адама. Это очень хорошо для нас. Ведя отсчёт календаря от первого человека, а не от первого еврея, пророка Авраама, мы словно показываем, что самым важным является человек, и только потом его вера и так далее.

Среди десяти заповедей Бога есть заповедь праздновать воскресенье – это день воскресения Иисуса. Седьмой день для нас – суббота, старый вариант, который находится в Ветхом Завете. Новый Завет мы не читаем.

Почему вы, евреи, отвергаете Иисуса?

Нельзя сказать, что евреи не приняли Иисуса. Его ученики были евреями, они принимали Иисуса, назывались христиане и отделились. Но мы читаем Тору и там написано, что Мессия будет тот, кто войдёт в Иерусалим, и тогда придут живые и мёртвые. Тогда Иисус ожил, его ученики, но мёртвые не пришли... Самое главное, почему мы не признавали Иисуса, это его слова: «Поверь мне, я Сын Божий». Евреи верят в Бога, а не во что-то ещё. Если бы Иисус сказал бы: «Верь в Бога, потому что я Сын Божий» – мы, вероятно, поняли бы это. И из-за рождения Иисуса. В древнем арамейском языке слово «невинная» пишется так же, как и «молодая». Мы можем интерпретировать предложение двумя способами: «молодая Мария родила

ребёнка» и «невинная женщина Мария родила ребёнка». Вторая интерпретация, которую мы получили от христиан, кажется нам странной...

Что такое суббота?

Наша суббота начинается в пятницу вечером, когда садится солнце и заканчивается в субботу вечером, когда садится солнце. Это снова показывает, что значит быть народом Книги. Вы должны внимательно прочитать первую страницу Торы, где написано, что в первый день было создание мира: «Был вечер, и было утро», и второй День: «и это был вечер, и было утро». Что это значит? Это означает, что наш каждый день в календаре начинается с вечера и заканчивается на следующий вечер.

Для обеда в Шабат все одеты в самую лучшую одежду, готовят самые вкусные блюда и вино, женщины семьи зажигают свечи. В этот день мы не используем технику, телефоны, телевизоры, компьютеры. Мы не ездим на машинах, мы не готовим. Просто отдыхаем: разговариваем, молимся, гуляем, играем с детьми, читаем, едим, радуемся. И так 24 часа в неделю всю жизнь. Чем более человечество становится зависимым от технологий, тем более значима для евреев Суббота.

Похоже, что ваша суббота похожа на наше Рождество, только раз в год, не каждую неделю... Вы избранный народ?

Многие люди думают, что евреи, называющие себя избранным народом, кажутся глупыми. Слово «избран» на иврите означает «избранный делать больше». Это не привилегия, а обязанность. Мы передаём ценности нашим детям через определённые рассказы. Одна история такова: когда Бог выбирал, какой народ был бы им избранным, евреям не предложили первыми принять Тору. Люди спрашивали: что будет с нами, если мы возьмем Тору, потому что Тора – это набор обязанностей. Увидев, сколько обязанностей записано в Торе, все отказались. А евреи Тору приняли – поняли её смысл. Таким образом, евреи выбраны для выполнения долга по улучшению мира (*Тикун Олам*).

Тора – это универсальный набор советов. В ней написано 613 заповедей, что делать и что не делать. Бог говорит Моисею, Бог говорит Аврааму – и мы читаем пристально. Христиане скажут, что есть десять заповедей Бога, а мы имеем их 613.

Почему Тора не книга, а рулон?

Евреи покинули Египет и бродили в пустыне, ища свою родину. С ними брели и животные. В то время книг ещё не было, и Тора была написана на коже, как это делалось в те дни. Тора переписывается вручную, и если тот, кто переписывает Тору, делает одну ошибку, переписывает огромный рулон.

Один молящийся в синагоге читает Тору, а двое стоят рядом с ним и следят, чтобы прочитано было правильно.

Как вы искупаете свои грехи?

Иудаизм – это не вера, а большая реализация того, что написано. Это, во-первых, образ жизни. Классическим примером здесь было бы понятие греха. Если вы спросите христианина, как искупить грех, он ответит, что нужно пойти к священнику на исповедь, возможно, пожертвовать церкви, возможно, помолиться, и получишь отпущение грехов. В иудаизме по другому – никакого отпущения никто не даёт. Раввин не является посредником между Богом и человеком. Он скорее учитель. Если я совершил грех, я должен понять, что я совершил грех, затем идти, извиниться, исправить свой проступок и возместить моральный ущерб, а четвёртое, что я должен сделать, это обещать, что никогда не согрешу.

Почему евреи качаются в молитве?

В книге говорится, что во время молитвы человек должен быть сосредоточен и молиться всем телом. Евреи не преклоняют колени. Для молитвы в синагоге требуется кворум – десять человек, это называется миньян. Мы молимся вместе, чувствуя друг друга. Мы учимся не по одному, но не менее двух. Ещё одна важная вещь, связанная с еврейским обучением – это не только чтение ответов, но и задавание вопросов.

Правда ли, что евреи учатся иначе, чем наши дети, то есть, не пытаясь запомнить, а всегда споря и задавая вопросы?

Что действительно важно, так это то, как христианство учит, как смотреть на авторитеты, и чему учит Иудаизм. Обратите внимание, что все наши пророки спорят с Богом. Мы спорим не потому, что нам это нравится, а потому, что мы обнаруживаем в споре истину. Евреи составляют всего 3 процента человечества, а среди лауреатов Нобелевской премии более 20 процентов – евреи. Одного лауреата Нобелевской премии, кстати, происходящего из Литвы, спросили, почему он так умён. Он ответил: это заслуга моей матери. Когда я возвращался из школы, мама спрашивала совсем не то, что другие матери. Она не спрашивала, что произошло и какую я получил оценку. Она спрашивала меня: ты задал хоть один хороший вопрос? Хотя все знают, что два плюс два – четыре, мы можем думать, что есть два котенка и две мыши, тогда у нас будет вопрос, действительно ли два и два будет четыре. Эйнштейн однажды сказал, что если нормальному человеку скажешь искать иголки в стоге сена, он не ищет, потому что он прекрасно знает эту пословицу. Но успех исходит от тех людей, которые ищут иглы в стоге сена. И находят. Согласно Эйнштейну, если я найду одну

иглу, я знаю, что их будет всё больше и больше. И я ищу больше. Я нахожу вторую и третью. Это то, чем я отличаюсь от многих людей. Иудаизм учит вас искать истины, не останавливаясь.

Скажи мне, откуда традиция обрезания мальчиков.

Это происходит из той же книги. Авраам, первый еврей, со своей женой Сарой не мог иметь детей в течение долгого времени. Бог сказал ему: только в союзе с Богом он может родить ребёнка. Эта часть тела человека несёт ответственность за рождение ребёнка, поэтому ребёнок должен быть зачат в союзе с Богом. Каждый еврейский мальчик обрезан на восьмой день его жизни. Теперь все это понимают, что это делается также по соображениям гигиены.

Какая пища у вас кошерная?

Одна из 613 заповедей Бога, которую мы находим в Торе, звучит так: «Не варите телёнка в молоке его матери». Скажем, караимы, которые не имеют Талмуд по толкованию Торы, это предложение понимают непосредственно. А для евреев «Не вари ягнёнка в молоке» означает, что мясопродукты не следует смешивать с молочными продуктами. Другое дело, что есть мясо, которое мы не едим. Мы можем есть мясо парнокопытных животных. Говорят, что евреи не едят свинину из-за того, что свинья является грязным животным. Свинья не более грязная, чем другие животные. Современная наука доказала, что свинина не является здоровой пищей для людей. Чтобы мясо было кошерным, животное должно быть убито определённым образом, чтобы ему было доставлено как можно меньше боли. Это делает специальный человек – резник с особым ритуалом. То, что мы читаем в Торе, сейчас, по прошествии столетий, доказала наука – если страдает животное, в мясо попадают токсины. Есть много вещей в Торе, которых раньше не понимали, но сейчас наука доказала, что это правильно.

А как насчет мифов о маце? Кажется, вы в неё кладете кровь детей христиан.

Этот миф был популяризирован в средние века, во времена инквизиции, вместе с охотой на ведьм. Наша пища вообще не может быть с кровью. Маца религиозный продукт, мы едим её все восемь праздничных дней Пейсаха. Евреи бежали из Египта, и не было времени, чтобы положить закваску в тесто хлеба, так маца и получилась – мука с водой, запечённая на солнце. Во время праздника Пейсаха все, как богатые, так и бедные, вспоминая своих предков, которые пришли из Египта, ничего не ели, кроме мацы.

Почему евреи в шапочках – кипах?

Есть детское объяснение и есть серьёзное. Мама сказала, что мы носили кипу, чтобы Бог свыше мог видеть, какой человек – еврей. В раннем христианстве все священники были с шапочками – кипами, а теперь их носят только высокие христианские церковные иерархи. А евреи все носят кипу. Для нас носить кипу – знак уважения, в отличие от христианского мира, где в знак уважения или в святом месте мужчины снимают шапки.

Как вы провожаете своих мертвецов?

Покойного человека хоронят в тот же самый, или на следующий день. Он не одевается в костюм или красивую одежду. Тело обернуто простой тканью. И кем в этом мире был тот человек, неважно, мы все идём в другой мир одинаково. После похорон – семидневный траур, семья скорбит у себя дома, друзья и родственники приходят в гости. В современной традиции семья готовит скорбный обед, в то время как в иудаизме – наоборот – друзья и родственники приносят пищу скорбящей семье. Тридцать дней спустя разрешено ставить мемориальный камень, памятник. К могиле мы приносим не цветы, а камень как знак вечности и в то же время символ печали. Это словно часть Иерусалима, разрушенный Храм. Воспоминания об его уничтожении вызывают у нас печаль. Мы верим, что в приход Мессии Храм будет восстановлен, а затем мёртвые оживут и вступят туда вместе с живыми.

Как иудеи представляют Бога? Это старец на небесах, это сила – что это?

Когда вы придете в синагогу, вы не найдете никаких изображений – ни Бога, ни святых. Мы не молимся кому-то. Бог всеобъемлющий. Мы не думаем о нём как о чём-то осязаемом. Я сравниваю это так: мы похожи на муравьёв, которые копошатся на земле, и мы внезапно видим гигантский Боинг (самолёт). Наше восприятие Бога точно такого же уровня: что могут понять муравьи, видя летящий Боинг? Они видели летающих птиц, поэтому некоторые муравьи могут сказать, что это летающая очень большая птица. Другие скажут, что это как гром, третьи – много лампочек, четвёртые даже не поймут, что это. Это примитивное сравнение, но оно точное. Мы должны делать то, что нам по силам, но в то же время мы должны понимать, что наше восприятие ограничено.

В конце беседы Симон рассказывает две короткие истории.

МОТЫЛЁК

Дети задумали посмеяться над раввином, который, казалось, знал всё. Один взял в руку маленькую бабочку – мотылька. Они решили спросить раввина, жива ли бабочка или нет. Если раввин скажет, что она жива, ребёнок раздавит её; если он скажет, что она мёртвая, ребёнок откроет ладонь, и бабочка улетит. У рабби просто нет шансов.

Они пришли к раввину и спросили, жив ли мотылек или нет, и раввин ответил: «Я не знаю, жив ли он или нет. Я знаю одно: всё это в твоих руках».

ДВА ЗВЕРЯ

В каждом из нас есть два зверя: один злой, другой добрый. Злой – это ненависть, ложь, ревность, жестокость. Хороший – это лучшие качества: щедрость, благородство, любовь. Молодой человек спрашивает старшего: «И какой из этих зверей побеждает?» Старший ответил: «Я не знаю, кто из зверей побеждает в каждом человеке. Одна вещь, которую я знаю: побеждает зверь, которого вы кормите».

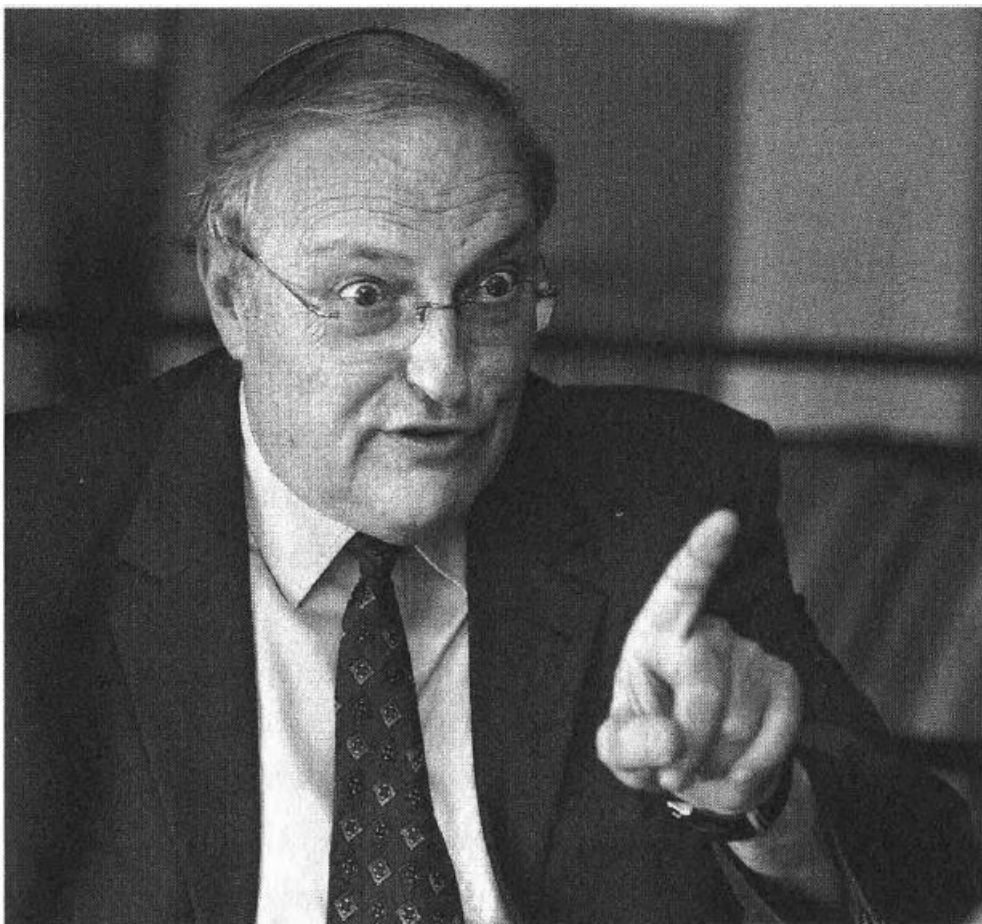
Какого зверя в себе кормили в 1941 году «наши»? Те, которые составляли списки евреев, конвоировали, охраняли... И те, которые стреляли. А может они уже стали зверями?

Очная ставка с врагом

Конференция по Холокосту должна была состояться по завершении проекта «Быть евреем».

Я ненавижу слово «конференция». Слово «проект». И слово «образование». Я не организовала ни одной конференции, и избежала многих. Что меня ждёт? Макетирование приглашений, организация участников, раздаточные материалы, перевод сообщений, а затем – скучные типы на трибуне, зевающая публика, может, мне повезёт, и я буду играть роль модератора... Брррр... Ну, может, еврейский обед с музыкой в перерыве даст немного веселья? Может быть, будет кошерное вино?

Кого пригласить? Я должна полагаться на учёных – я часто пью кофе со многими разными специалистами по Холокосту... Они предлагают, помимо литовских историков, пригласить на конференцию двух зарубежных литовцев: Саулюса Сужиделиса (я впервые слышу о таком), Томаса Венцлова (ладно, если он согласится), кого-то ещё из нового Еврейского музея в Варшаве. Но не дай Бог, вот кого не следует приглашать – это очернителя Литвы Давида Каца и охотника за нацистами Эфраима Зуроффа. Если вы действительно хотите пригласить сейчас кого-нибудь «спорного», это только не Зурофф. Недавно он в Иерусалиме обидел делегацию литовских учительниц, обозвав женщин убийцами евреев. Хм... Ничего. Вы думаете, если будет кто-то из них или оба, то будет скандал? Да нет, не в этом дело. С Зуроффом ещё можно договориться, чтобы он не нападал на всех, ведь он умный человек. Но если будут Кац и Зурофф, представители академического сообщества не будут присутствовать на вашей конференции только потому, что они оба работают на Путина. Он финансирует их.

Охотник за нацистами Эфраим Зурофф.
Из семейного альбома Э. Зуроффа.

Ну, я думаю про себя, это очень плохо. Я не хочу, чтобы в Литве были агенты Путина, а меня обвинят, если я их приглашу. Я только уточнила: откуда консультанты знают о деньгах Путина для этих двух злых людей? Один знает, потому что ему сказал кто-то из посольства США. Другой тоже не сомневался насчёт Зуроффа: нашёл в списке друзей на его учётной записи в Фейсбуке Альгирдаса Палецкиса. А где Палецкис, там и Путин, как вы знаете...

Я уже получаю удовольствие... Когда я возвращаюсь домой, я нахожу литовскую информацию о тех врагах Литвы. Да, они очерняют нас по всему миру в течение многих лет, так же, как Путин дает взятки... Они изображают нас палачами Холокоста, чтобы привлечь к ответственности, они по-прежнему призывают не допускать ультраправые марши в Каунасе или Вильнюсе. Зурофф, по-видимому, особенно воинственен, пишут, как он своими грязными руками шарит по нашим архивам. Затем я смотрю на нелитовские источники: тот же страшный Зурофф, кажется, приглашён

читать лекции по всему миру, написал три книги, они переведены на 18 языков. За усилия по ловле сербских нацистов был представлен к Нобелевской премии мира. Но не получил, её в тот раз дали Бараку Обаме.

Итак, в тот же вечер я написала электронные письма обоим очернителям Литвы. Это будет тем более интересно – не нужно покупать вино... И какая конференция без евреев... На следующий день я получаю ответы – оба спрашивают, на каких условиях приглашаются. Условия, как и всем участникам конференции: оплачиваются полеты, отель, и мы предлагаем оплату в размере пятисот евро.

Только позже я узнала, что у обоих очернителей Литвы был шок: ещё никто другой в независимой Литве не приглашал их на такое официальное мероприятие, да ещё в муниципалитете Вильнюса, и всё оплачивается, да ещё и нормальный гонорар. Я не знала этого, я бы позвонила, но я бы не предлагала гонорар, эх, было уже слишком поздно...

Эфраим Зурофф объявил, что скоро будет в Литве, будет наблюдать за неонацистским маршем 11 марта, чтобы мы могли встретиться на короткое время. Я подумала, может, в общественном месте меня он как литовку бить не будет, но, вероятно, традиционно прибудет на крест за все грехи Литвы. Я выдержу, я не буду уподобляться этим вышеупомянутым учительницам.

Когда я вошла в кафе, я увидела этого монстра и сразу поняла, почему его так боятся, и не только в Литве. Мы привыкли к тому, что евреи не высокие, часто мелкие или упитанные (Сколько уж евреев мы видели?) И вот гигант заполнил всё пространство передо мной. (Я позже прочитала в одной газете, что Зурофф похож на мамонта). Хочется сидеть подальше от него. Сидим за большим столом. Пронзительные голубые глаза исследуют меня, представителя убийц еврейской нации, с нескрываемым недоверием. Первый вопрос Зуроффа мне прямолинеен: «Почему вы делаете этот проект? За деньги, которые заплатил Европейский Союз?» – «Нет, – отвечаю, – из-за того, что я нашла людей в своей семье, которые, вероятно, внесли свой вклад в Холокост. И я чувствую, что, отдавая дань памяти убитым евреям, я как-то могу искупить возможную вину этих людей». Я говорю о муже своей тети и дедушке.

«Вы, наверное, первый человек в Литве, от которого я услышал признание вины своих родственников, – говорит Зурофф. – За двадцать лет моей деятельности в Литве я не встречал никого, кто бы так сказал. Литва – самая трудная, самая недоброжелательная страна, здесь истина наиболее скрыта». Пью минеральную воду. Мой следующий шаг – нанести удар: «Скажите, правда, что вы работаете на Путина? Ведь Путину полезно, чтобы

литовцы были известны во всём мире как нацисты. А вы так и говорите. Сколько вам платит Путин?»

Зурофф не взрывается. Рассказывает долго. О своей антисоветской деятельности, своими отношениями с русскими Путина, которые пытались использовать его в своих целях. И говорит, что Палецкис, вероятно, один из пяти тысяч его друзей в Фейсбуке. Поэтому после взаимного нападения мы, наконец, начинаем говорить как обычные люди. Зурофф говорит, что на конференции очень хочет присутствовать, но, к сожалению, в это время у него будет серия лекций в США. Предлагает мне другие фамилии. Интересуюсь, а о чём бы вы говорили, если бы участвовали.

«Я хотел бы рассказать о том, как трудно Литве и Восточной Европе открыто говорить о Холокосте. Причин две. Только в Восточной Европе сотрудничество с нацистами подразумевало активное участие местных жителей в убийстве евреев. В Западной Европе евреи были изолированы, но не убиты. Западных евреев привозили в Восточную Европу, чтобы их там убивать – прежде всего в польские концентрационные лагеря, а также в Литву. Во-вторых, после Второй мировой войны страны Восточной Европы были либо оккупированы, либо попали в сферу влияния советского режима. В советскую эпоху правда о Холокосте была заглушена или искажена. Я не фанатик и не идиот, чтобы думать, что Литва за несколько лет независимости могла созреть, чтобы смело смотреть на чёрные пятна своей истории. Франция сделала это только через пятьдесят лет после войны. Однако рано или поздно литовцам придётся это делать».

Ну, я думаю, нет ничего страшного в этом Зуроффе, жаль, что этого мамонта на нашей конференции не будет. Я предлагаю ему простое решение – записать на видео его доклад сейчас, пока он находится в Литве, и показать на конференции. На этом и сошлись: у нас будет мамонт, и литовские историки не будут бойкотировать, и мы избежим скандала.

Так началось знакомство с литовским очернителем и обзывателем учительниц, с кем-то, кто упорно охотится на нацистов четверть века по всему миру, практически один охотится за ними, с каким-то таким маленьким финансированием из Соединенных Штатов, но без государственной поддержки Израиля. Пока Зурофф был в Вильнюсе, посол Израиля в Литве практически «отрёкся» от него, дескать, везде ездит и портит людям настроение...

Доклад охотника за нацистами был снят в отеле рядом со станцией, в лобби, на фоне громко говорящих русскоязычных туристов. После съёмки попрощались. Сильно пожали друг другу руки. Я сказала Зуроффу: «Ты

знаешь, какая моя мечта? Чтобы я могла бы попросить на такой конференции по Холокосту тебя и мистера Каца покинуть зал и закрыть дверь с другой стороны. Пришло время, я бы сказала вам, и мы сами, литовцы, без вашей помощи, выясним чёрные или серые пятна своего прошлого». – «Отлично, это также и моя мечта», – ответил он.

Когда я вернулась домой, я подумала о том, что сказал Эфраим Зурофф о восточно-европейских убийцах евреев. О вине людей из народа Литвы выступают докладчиками литовцы. И ещё одна мысль: должно быть интересным вместе с Эфраимом Зуроффом проехать по местам массовых убийств евреев в Литве в поисках живых свидетелей, в поисках правды. Начнём с Линкмениса, где жили его предки, погибшие от пуль в Понарах. Может появиться документальный фильм с прекрасным именем – «Путешествие с врагом». Что мы, враги, литовка и еврей, приобрели в этом путешествии? Чья версия Холокоста в Литве окажется правдивой: версия учёных Литвы, или есть что-то ещё, ужасное и поэтому замалчиваемое? А что, если Зурофф не монстр? Кто же тогда монстр?

А мы ответственны за нашу историю?

Удивительный вопрос, вы согласны? Это невероятно, но правда: так назван раздел о Холокосте в учебнике, рекомендованном Министерством образования и науки. Это «Время», учебник истории для 10 класса, издательство «Бриедис», 2007 г.

Я внимательно читаю.

*«Жертвами литовских евреев и их сторонников, **некоторых литовских подонков**, стали более 130 тысяч человек» (стр. 118).*

Раздел «А мы ответственны за нашу историю?»

*«Сейчас на Западе литовцам часто приклеивают ярлык убийц евреев, считается, что литовский антисемитизм имеет глубокие исторические корни, некоторые местные жители были готовы участвовать в массовых убийствах евреев. На самом деле всё было по-другому. [...] Первоначально народ был обозлён большевиками, а затем нацистами. Во время Второй мировой войны преследование и истребление евреев было организовано и осуществлено нацистской Германией, которой была оккупирована Литва. Очевидно, что **без сотрудничества литовских властей с нацистами** не удалось бы убить так много наших евреев. **Несколько тысяч участников убийств отметили Литву несмываемым кровавым пятном.***

*А литовский народ несёт ответственность за Холокост? Профессор Александр Штормас, бывший узник каунасского гетто, сказал: «Возможно, худшее наследие Холокоста – это взаимное стремление взвалить ответственность на определённые народы и группы людей и рост нежелания – также взаимного – различать **виновных, невинных и самых***

благородных, которые были во всех народах. [...] В 1994 году Сейм Литовской Республики объявил День памяти о геноциде евреев Литвы 23 сентября, в день ликвидации Вильнюсского гетто» (стр. 121).

Конец раздела.

Я читала, и у меня не сходились концы. Или иудеи убили «некоторых литовских подонков», как это было на стр. 118, или всё-таки убийства, тем не менее, поддерживало «сотрудничавшее с нацистами правительство Литвы», как указано на стр. 121, кроме того, даже «несколько тысяч участников массовых убийств отметили Литву несмываемым кровавым пятном»? Правильно ли я понимаю, что если тогдашнее правительство Литвы поддержало подонков, так само оно и было таким? Сколько было тысяч подонков? Многие... Или, может быть, те несколько тысяч, поддерживаемые литовскими властями, были не так уж плохи, но... кто они были? И если в учебнике предлагается отделить преступников от невинных и самых благородных, давайте сделаем это.

Виновны в гибели 96 процентов евреев Литвы (не считая нацистов).
Три варианта:

Подонки.

Правительство Литвы.

Тысячи литовцев.

Какой вариант правильный? А может все три?

Поэтому я начала искать ответы. Меня вдохновила статья историка Нериуса Шепетиса, которая после проекта «Быть евреем» была перепечатана даже тремя литовскими порталами (сайтами). Историк рассматривает вопрос о том, не был ли этот проект просто «шоу полезных идиотов»: «Те, кто участвовал в убийстве наших евреев в Литве – в основном литовцы. И что? Давайте сделаем их списки, ещё лучше – потихоньку напишем их биографии, показывая (если таковые вообще есть) типичные черты, но просто не будем отдавать наших евреев на откуп тем, которые в соответствии с личностью являются охотниками за нацистами (такими как Зурофф) или защитниками истории (такими как Кац). Потому что евреи, живущие и убитые у нас – всего лишь инструмент».*

Слова «И что?» подсказали мне начать эту книгу – путешествие одной женщины к истине. Самое важное правило для этого моего путешествия – углубить только то, что написано, опубликовано или сказано в Литве, написано или сказано нами, литовскими людьми.

Не теми, кто живёт в США или Израиле. Никаких отзывов со стороны. С чего начать? Возможно, с детей – свидетелей Холокоста?

* Nerijus Šepetys. „Būti žydu“ Lietuvoje: Šoa atminimo stiprinimas, pilietinio sąmoningumo ugdymas, o gal... naudingų idiotų šou?“ *15min.lt*, 2015 m. balandžio 30 d.

* Нериус Шепетис. «„Быть евреем“ в Литве: Укрепление памяти о Шоа, повышение гражданской сознательности, или, может быть, шоу полезных идиотов?» *15min.lt*, 30 апреля 2015 г.

II. Наши. Дети, которые видели

В Музее Холокоста Вашингтона содержится несколько сотен видеороликов – интервью* с жителями Литвы, которые видели события 1941 года. Или с теми, которые участвовали в Холокосте.

Лаймонас Нореика

Актёр, лауреат Национальной премии в области культуры и искусства Литвы. Лаймонасу летом 1941 года было 14 лет.

В июне 1941 года, когда разразилась война, мы работали с братом в переплётной мастерской. Возвращаясь домой, на повороте дома с проспекта Витаутаса мы увидели людей, стоящих рядом. Возможно, на тротуаре остановилось около пятидесяти человек, маленькая толпа. Мы подошли со своим братом. Мне тогда было пятнадцать лет, моему брату было восемнадцать. Когда я повернулся к забору, там был такой проволочный забор. Я прислонился совсем рядом. Это был гараж «Лиетукус». Три двери в гараже были открыты, и во дворе полно конского навоза. Его так много – возможно, в том гараже или немцы, или русские держали лошадей, прежде чем они бежали, и накопилось много навоза.

Прямо перед моими глазами мужчина, одетый в черную одежду, интеллигентный такой, и другой на коленях стоит и хватает этот навоз. А тот интеллигент бьёт его по спине железной штангой и кричит:

«Норма! Норма! Норма! А тот человек собирает навоз, навоз падает из его рук, другой снова бьёт ему железным прутком по спине и снова кричит: «Норма!»

* Все четыре интервью в этой главе из фондов музея Холокоста в Вашингтоне (коллекция Джеффа и Тоби Херров).

Массовое убийство евреев в гараже «Лиетукус».

Я увидел две группы. Одна бьёт другую. Дикий ужас. По сторонам даже не смотрю... и этот человек упал и больше не поднимался. Затем другой берёт шланг, из которого моются машины, и льёт на него воду, и он начинает шевелиться, вставать... Затем снова и снова наносит удар, снова и снова кричит: «Норма, норма!»

Трое гаражных ворот открываются, и там я вижу упавших, неподвижных людей. Там дальше внутри темно, ничего не видно. Некоторые люди стоят у ворот, другие лежат. Живые? Не живые? Неподвижные. У меня сложилось впечатление, что все – и избиваемые, и бьющие были в

костюмах, интеллигентные люди, а не какие-то рабочие. Я не видел крови, просто навоз и поток воды.

В толпе не было ни сторонников, ни протестующих, все просто смотрели у того забора. Любопытно. Мы были там десять минут, может быть, ещё... Тогда мой брат взял меня за плечи и оторвал от этого забора, и мы вернулись домой.

В то время на другой стороне проспекта Витаутаса было центральное кладбище Каунаса, и там были похороны погибших белоповязочников. Играли скорбные марши. Рыдания. Там убивают, а тут этот марш.

Когда мы возвращались домой, мы слышали крики. Белоповязочники ловили евреев, чтобы те собирали трупы со взорванного моста Алексотаса. Те трупы были повсюду: и в воде и под руинами. Трупы на другой день исчезли. Вывезли ли их куда, или вытащили из руин и пустили в Неман по течению?

7 октября 2004 года, Вильнюс

27 июня 1941 г. в гараже «Лиетукис» были убиты 52 каунасских еврея.

Юлиус Шмультис

Доктор философских наук, бывший советник президента Валдаса Адамкуса. Летом 1941 года Юлиусу было 11 лет.

Мы лежали на пляже Кулаутувы, на Немане. Внезапно мы услышали выстрелы, и мы увидели, что эти звуки исходят с другой стороны Немана. Пришла толпа людей, слышались выстрелы, и эта толпа людей заколебалась, вероятно, падая в яму. Мы влезли в кусты на берегу Немана и смотрели полчаса или дольше, но потом мы увидели, что из того места пошёл пар или столб дыма.

Мы вернулись назад в городок Кулаутува. В городке увидели собравшихся людей, они говорили очень горячо. Мы остановились послушать. Я слышал от одного, что евреи Запишкеса были расстреляны здесь и что это не наше дело. Но были и люди, которые говорили: но это наши друзья, наши знакомые. Были упомянуты даже имена. У меня сложилось впечатление, что эти люди были разделены на две стороны: некоторые были шокированы тем, что люди были расстреляны, а другие не были шокированы и имели разные аргументы, что здесь ничего такого не произошло.

Позже я узнал, что, действительно, евреи Запишкеса были расстреляны в тот день, но ещё я узнал, что, как это делалось во многих местах, в них стреляли и упавшие в ямы мертвые тела были захоронены, засыпана извесь и на извесь была залита вода, и поэтому наверх поднимался пар.

9 мая 2001 г.

V. R. M.
Lietuvos Nacional-
soc. Policijos Zapyskio
Nuovados Viršininkas
Nr. 1. sl.

1941 m. rugpjūčio mėn. 17 d.
Kauno Miesto ir Apskritys
Policijos Poniui Vadeiui.

Raportas.

Į Pamišius rašta Nr. 5 sl. 5 fm. rugpjūčio
mėn. 15 d. pristatau sąrašą Zapyskio nuo-
vados dobockėje esančių žydų tautybės pat.
ir pranešiu, kad iš viso yra 67. asmenų.
Iš Zapyskio nuov. 29 asmen. iš Jankų poše-
nuov. 2. iš Pažerėlių nuovados 36. nors
pagal Pažerėlių nuovados Viršininko ir rašta
Nr. 3 sl. 5 fm. m. 17 d. sąrašą pažymėta 35. asmen.
bet atkrežė 36. asmenų, kuriuos visus priėmiau
ir laikau, kad žirioji iki atskiro pareidymo

[Signature]
Viršininko p.
Zapuškute

Репорт начальника полицейского участка Запишкеса об арестованных евреях.

Антанас Кмеляускас

Художник, лауреат Национальной премии Литвы в области культуры и искусства. Летом 1941 года Антанасу было 9 лет.

В Бутримонисе, где мы жили, евреи были большей частью города. Дом к дому, везде магазины. Магазины полны всего, люди ходят в церковь, после церкви идут в те магазины. Везде движение.

Затем евреев начали регистрировать и цеплять им жёлтые звезды на одежде спереди. И в этом вроде ничего такого нет, но как-то было очень неприятно, когда пришили даже на спине, как будто это мишень, чтобы стрелять.

В день расстрела я услышал от моих родителей, что все евреи загнаны на площадь и им приказали снять одежду. Это было ужасно. Мы, дети, поняли, что будет что-то страшное. А потом вечером их били, потому что мы слышали крики. Мы хотели пойти посмотреть, но этого детям не позволили. Уже в лесу были вырыты ямы, и все знали, что евреев будут расстреливать и все ждали этого.

Мы, дети, отправились в лес Клиджонай на следующее утро. Небо над Бутримонисом на западной стороне было такое красное, или, может быть, просто так помню, из-за ужаса... Мы пошли, спрятались за домом и наблюдали. Их пригнали почти неприкрытыми, они были голые, без одежды. Возможно, просто в трусах, их было человек десять. Они стояли на краю ямы. В них стреляли, и все упали. Стреляли в спины. Руки этих людей также

были сложены за спиной. Тех, кто стрелял, было также человек десять, все они были в зеленой униформе.

Людей приводили партиями из города. Им не сказали, что их ждёт. Большие вели женщин и пожилых людей, потому что младшие уже были увезены в Алитус на расстрел. Может быть, боялись сопротивления. Приводят, убивают и ведут других.

Затем после этих расстрелов мне снились кошмары. Ямы. Может быть, всем детям снятся кошмары? У тех, кто видел эти расстрелы, остаётся впечатление на всю жизнь. Правды нет ни на грош.

Родители рассказали, что еврейскую одежду сложили на втором этаже одного дома, верёвкой связали в узлы, и спускали со второго этажа через окно вниз. Были люди, которые её взяли. Такая неприятная вещь.

Те, кто участвовал в расстреле евреев, затем пытались всех убедить, что евреи эксплуатировали людей. И они внесли свой вклад, когда Советы увозили людей в Сибирь. Большинство людей были пожилыми, и было легко убедить их в том, что они бедно живут, потому что они эксплуатируются евреями. Они думали, что возьмут что-то от евреев, когда те будут расстреляны. Потом те же самые говорили, что их эксплуатируют богатые литовцы. И везли в Сибирь этих эксплуататоров. И немцы, и русские использовали те же методы. Был один такой, который возил зерно еврею в Каунас. Еврей давал ему заработать. И он сказал, что он слуга еврея и еврей его эксплуатировал. Есть такие люди, которые могут стрелять в кого угодно, даже в ребёнка. Если в будущем придут какие-то китайцы и скажут, что нужно стрелять художников, потому что они не работают, а живут за счёт других, то и тогда найдётся достаточно людей, которые будут стрелять. Просто нужна такая власть, которая всё это организует. Существует такой тип людей – с низким интеллектом и образованием – их легко убедить...

19 апреля 1998 г.

Марцелиус Мартинайтис

Поэт, лауреат Национальной премии Литвы в области культуры и искусства. Летом 1941 года Марцелиусу было 5 лет.

*Я дважды видел массовое убийство евреев. Мои воспоминания глубоко
врезались в память.*

*Мы с отцом возвращались с рынка в Расейня. На пастбище было
еврейское гетто и евреев вереницей вели по так называемому шоссе
Юрбаркас. Мы ехали в телеге рядом с вереницей, которую вели, чтобы
расстрелять. Очень странно было, что вели множество людей, но
охранников только четверо с автоматами по бокам. Я был ребенком и
удивлялся, почему люди не убегают.*

*В следующий раз, когда мы возвращались из Расейня, мы
остановились на повороте к дорожке. Привели группу людей. Им приказали
снять одежду. И женщины разделись догола. Почему то их расстреливали
не построенными. Двое мужчин взяли и сбросили их в яму возле обочины и
стреляли в них с дороги.*

*Была жатва ржи, начало августа. Красивые, тёплые дни. Тогда было
много расстрелов. Каждый день было несколько раз. Слышались крики,
которые было страшно слышать за холмом. И мы знали, что сразу начнут
стрелять. Люди слышали стрельбу в поле, останавливались. Женщины
молились, падали ниц, когда слышали крики. Затем слышали звук автомата.
Затем тишина, тишина, тишина.*

Когда стреляли, засыпали землей, а затем другую партию и другую. Оставались там и живые. В ту ночь они пришли в нашу деревню, вылезшие из-под земли. Я не знаю их дальнейшей судьбы, потому что от детей это скрывали. Эти люди остались, их не выдали. Я видел одного приползшего окровавленного, и он после исчез. Может быть, переночевал у родителей, может быть, кто-то принял, я не знаю.

Тогда была ещё одна страшная вещь. Я не видел, но рассказывали, что в детей не стреляют, а убивают по-другому. Ударяют головой в дерево, разбивают череп, а затем их бросают в яму. Потому что ребенка очень сложно застрелить, они очень маленькие.

Кто стрелял? Мне представляется следующее: были немцы, но они были где-то далеко. Стреляли местные. Двое из нашей деревни были. Улецкас и Савицкис. Ещё один из соседней деревни. Соседи, которые жили от нас в нескольких сотнях метров, после стрельбы заходили к нам. Выпивали. Носили униформу, на рукаве череп. Один был очень горд и показал этот знак. Они хотели выпить, приносили одежду и вещи, предлагали родителям, но родители этого не взяли. Никто не взял во всей деревне. Улецкас пошёл в лес после войны, но бродил один, потому что партизаны его не приняли. Затем его застрелили. Савицкис спрятался, его нашли на ферме зимой, он бежал голый по снегу. Его подстрелили, и его кровавые следы остались в поле. Там, где евреев стреляли, после войны там пасли коров. Позже начали строить шоссе Каунас-Клайпеда. Делали дорогу и не знали, что там есть могилы. Копали, и нашли черепа, кости. Затем заасфальтировали это кладбище.

28 сентября 1998 г.

III. Наши. Политики

*Во имя той
Литвы
Единство (...без евреев)*

После 1940 года советская оккупация в Литве вызвала большую ненависть к евреям. Почему? Потому что они, евреи, встретили русских цветами. Они, евреи, отправляли литовцев в Сибирь. Они, евреи, заняли все ведущие позиции. Они, евреи, арестовывали, допрашивали и пытали литовских патриотов в тюрьмах НКВД.

Это правда о евреях. Литовцы видели это, слышали, читали об этом.

Евреи пришли к власти при Советах.

Во время Сметоны не было еврейского правления. Евреи не имели права работать в правительственных учреждениях. Неожиданно евреи появились в структурах советского правительства, и они стали очень заметными. Очень раздражали. Не имеет значения, что их было мало, но они были.

Евреи встретили Красную Армию цветами.

Появление армии означало спасение от смерти. Но самыми первыми Красную Армию встретили не евреи, а литовские военные офицеры, выполняя 15 июня приказ командующего армией генерала Виткаускаса и начальника штаба Вооружённых Сил генерала Пундзевичюса. Были случаи, когда катившиеся по дорогам Литвы танки останавливались из-за отсутствия топлива, то их топливные баки заполняли бензовозы литовской армии.*

* Liudas Truska. Holokausto priedaidos Lietuvoje. Iš: *Šoa (Holokaustas) Lietuvoje*. Skaitiniai. II dalis. Sudarė Josifas Levinsonas. Vilnius: Valstybinis Vilniaus Gaono žydų muziejus, 2004, p. 137-138.

Евреи были коммунистами или теми, кто им симпатизировал.

Факты: «На 1 января 1941 г., Коммунистическая партия Литвы состояла на 63,5 процента из литовцев; евреев и русских – по 16 процентов».*

Еврейская собственность не пострадала от Советов.

Факты: «Около 83 процентов национализированных Советским Союзом предприятий принадлежало евреям».**

Евреев не ссылали в Сибирь. Нас ссылали евреи.

Факты: «Не менее 20 процентов всех депортированных в Сибирь в 1941 году были евреями»***

«Был создан Центральный штаб, чтобы возглавить операцию по высылке: все 9 его членов прибыли из России: Быков, Бакулин, Герасимович, Гузеев, Чолева, Иванов, Медведев, Николин, Попов»****

Большинство в НКВД были евреями.

Факты: «В конце мая 1941 года русскоязычные составляли 52,2 процента, литовцы – 31,2 процента, евреи – 16,6 процента от общего числа сотрудников службы безопасности»*****

В Райняйском лесу наши были убиты евреями.

Показания исполнителя казни Дома Роцюса: «Расстрел производился красноармейцами. От нас были: начальник отдела НКГБ Раслан Петр, уполномоченный Галкин и начальник тюрьмы Поцевичюс»*****

* Alfonsas Eidintas. Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys*. Sudarė Alfonsas Eidintas. Vilnius: Vaga, 2001, p. 137.

** Там же, стр. 74.

*** Aleksandras Štromas. Žydų ir nežydų patirtis. Iš: *Šoa (Holokaustas) Lietuvoje*, p. 189.

**** Liudas Truska. *Lietuviai ir žydai nuo XIX a. pabaigos iki 1941 m. birželio: antisemitizmo Lietuvoje raida*. Vilnius: Vilniaus pedagoginis institutas, 2005, p. 222.

***** Liudas Truska, Arvydas Anusauskas, Inga Petravičiūtė. *Sovietinis saugumas Lietuvoje 1940-1953 metais*. Vilnius: Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras (LGGRTC), 1999, p. 93.

***** *Rainių tragedija, 1941 m. birželio 24-25 d.* Parengė Arvydas Anusauskas ir Birutė Burauskaitė. Vilnius: LGGRTC, 2000, p. 6-7.

В 1940-х годах «Еврейские коммунисты не могли не чувствовать себя козырем для националистов и литовских антисемитов (а позже и козырем для пропаганды нацистских оккупантов)».*

«Образ еврея-большевика родился не в Литве, он появился в рейхе, и оттуда Литовский активистский фронт помог его имплантировать».**

Бюллетени начали поступать из Берлина в Литву весной 1941 года.

* Liudas Truska, Arvydas Anusauskas, Inga Petravičiūtė. *Sovietinis saugumas Lietuvoje 1940-1953 metais*, p. 71.

** Alfonsas Eidintas. *Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva*. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla*, p. 81.

ЛИТОВСКИЕ АКТИВИСТЫ

*Приветствие активистов – поднять правую руку.**

Из воззвания Литовских активистов к народу.

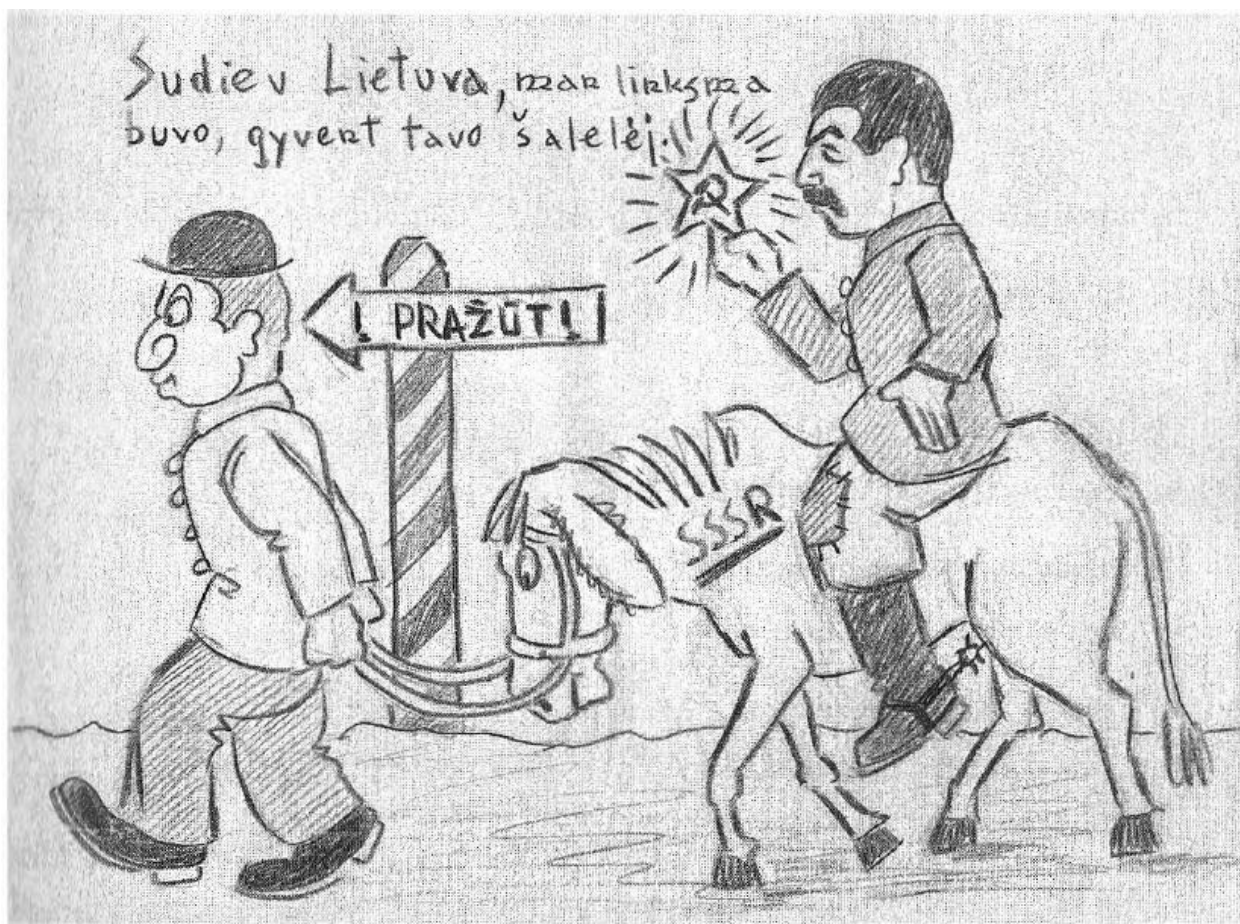
Литовский активистский фронт (ЛАФ) был сформирован в Берлине, в квартире литовского посла в Германии Казиса Шкирпы, за полгода до начала войны... Литва оккупирована Советами... Литва молчит. Те, кто не отправлен в ссылку – те скоро будут страдать. Но в эмиграции насчитывается тысяча бывших политиков независимой Литвы, и они начинают действовать.

Казис Шкирпа был первым добровольцем Литовских вооруженных сил, честолюбивым политиком. Президент Антанас Сметона не желал, чтобы тот был назначен премьер-министром. Сметона, который уже живёт в Соединённых Штатах, является сторонником нейтралитета Литвы. Шкирпа, который уже давно живёт в Берлине, видит будущее Литвы только с гитлеровской Германией. Он здесь свой, у него много друзей. Шкирпа координирует запланированные действия активистского фронта с немецким военным руководством. «Казис Шкирпа был в контакте с немецким старшим военным руководством (ОКВ), с военной разведкой (Абвером), со Службой безопасности Германии СД (Sicherheitsdienst). Шкирпа был убеждённым противником нейтралитета Литвы и продвигал тесный экономический и

* LYA, K-1, ap. 58, b. 12949/3, vokas (конверт) 64-16.

военный союз с Германией».* Проходят заседания ЛАФ, собираются информационно-пропагандистские материалы, это поможет мобилизовать литовцев на борьбу с большевиками и евреями. Борьба – только вместе с немцами. ЛАФ готовит восстание, которое, по договорённости с рейхом, начнётся в тот же день, когда немецкая армия войдет в Литву.

Одним из новых членов ЛАФ является молодой юрист Миколас Науйокайтис. Ему зимой 1940 года гестапо помогало в переходе границы между оккупированной советской армией Литвой и Германией с намерением отправиться к своему брату в Америку. Не вышло. Получил работу в Берлине, и вскоре получил задание от ЛАФ – снова перейти границу с информацией для Литвы. Миколасу нужно будет создать отделения ЛАФ в Каунасе, Вильнюсе, Паневежисе и Утене. В начале апреля немцы

Карикатура, найденная в портфеле Миколаса Науйокайтиса.

* Белые пятна 1941 года. Интервью с Саулюсом Сужиделисом. Из: *Шоа (Холокост) в Литве*, с. 163.

позаботились о ЛАФе. Науйокайтиса ждут в Тильзите, готовя для него всё, чтобы он успешно перешёл границу: два пистолета, патроны, химикаты для производства секретных чернил – это вместе с листовками ЛАФа он должен передать людям, ожидающим в Литве. Патруль с собакой на советской границе видит Науйокайтиса и двоих с ним, пересекающих границу, стреляют и ранят храброго связника ЛАФа. Он бежит и оставляет портфель со всем пропагандистским материалом, разработанным лидерами ЛАФ.

Воззвания поднимают литовский боевой дух будущего антисоветского восстания:

Всем литовцам

Прочитав, передай другому

ДОЛОЙ ЕВРЕЕВ

Во времена Гедиминаса евреи заполнили Литву.

Во время рабства у польской шляхты литовцы стали крепостными – рабами, а евреи – торговцами, купцами.

Царская Россия оккупировала Литву – евреи процветали дальше; литовцы, лишённые свободы, не имели и прессы.

В бурю Великой войны лопнули железные объятия России, но остался самый жестокий паразит нашей нации – еврей...

Оккупация Литвы большевиками – евреи все, как один, встретили большевиков с красными тряпками: евреи радовались и ввергли нас в коммунистическое еврейское рабство.

*ЛИТОВЦЫ, сегодня эта банда гнусных вырождаков убивает ваших близких и друзей. Вся Литва утопает в крови своих лучших сыновей.**

* * *

* LYA, K-1, ap. 58, b. 12949/3, t.1, vokas (конверт) 63-16.

В потерянном портфеле Миколаса Науйокайтиса НКВД нашёл такие обращения, в количестве:

Долой евреев – 69.

Иудам Литвы – 93.

Навечно освободим Литву – 35.

Ни в содержимом портфеля, ни в других текстах ЛАФ не упоминается восстановление существовавшего до войны независимого государства или достижение независимости.

Один из текстов, найденных в этом портфеле, гласит следующее: вызывает сожаление, что «в Независимой Литве не обуздали евреев и подобных элементов, которые для своего блага жестоко эксплуатируют литовцев»*. Тексты ЛАФ были созданы весной 1941 года.

Через несколько дней Миколас Науйокайтис снова был ранен и схвачен. На допросе он рассказал НКВД, что происходило в Берлине, в штаб-квартире ЛАФ, назвав имена командиров ЛАФ, но без упоминания Казиса Шкирпы. Проведя полтора месяца в тюрьме, Науйокайтис вернулся на свободу, когда началась война. В 1944 году вместе с немцами бежал на Запад. В 1998 г. Президент Литвы Валдас Адамкус наградил Миколаса Науйокайтиса крестом Командора ордена Креста Витиса.

Командующий ЛАФ, друг рейха и патриот Литвы, Казис Шкирпа согласует организацию восстания с немецким военным руководством. «Восстание в Литве было подготовлено с ведома ОКВ» – пишет он в своей книге воспоминаний «Восстание»**. Цель организованного восстания – показать немцам и миру, что Литва не только выступает против советской оккупации, но и стремится добиваться независимости. Шкирпа надеялся, что немцы, увидев усилия литовцев, верность Рейху, даруют Литве независимость, и он сам, как заслуженный перед немецкой властью, будет удостоен чести встать у руля государства. Немцы приветствовали восстание, участвовали в его планировании, но смутные речи Шкирпы об устремлениях к независимости были отброшены и не услышаны.

Рейх не видел необходимости информировать лояльных литовцев о своих военных планах. Казис Шкирпа вспоминает, что в Берлине в

* Там же, конверт 69-15.

** Казис Шкирпа. *Восстание для восстановления суверенитета Литвы: Документальный обзор*. Вашингтон, 1973, с. 367.

типографии работал один из сотрудников ЛАФ и ночью с 21 по 22 июня он случайно увидел кучу отпечатанных Гитлером листовок «Восточный фронт». Руководство ЛАФ, зная, что Гитлер любит атаковать ночью с субботы по воскресенье, поняло, что он начнёт войну на 22-е число. В тот же день по радио Берлина было сообщено следующее воззвание ЛАФ «Навсегда освободим Литву от еврейского ига». Воззвание немедленно стали распространять в Литве.

НАВСЕГДА ОСВОБОДИМ ЛИТВУ ОТ ЕВРЕЙСКОГО ИГА

Литовские братья и сестры. Скоро будет долгожданный час, когда литовский народ восстановит свою национальную свободу и восстановит Литовское независимое государство.

Сегодня мы все встаем на борьбу против одного общего двуличного врага. Этот враг – Красная Армия, русский большевизм. [...]

Мы все убеждены, что у этого врага величайший и самый загадочный помощник был еврей. Еврей не принадлежит никакому народу или сообществу. У него нет родины или государства. Он всегда только еврей. [...] Российский коммунизм и его вечный еврейский слуга – это один и тот же враг. Устранение оккупации русского коммунизма и еврейского рабства – самое святое дело. [...]

Витаутас Великий дал евреям в Литве право убежища, надеясь, что они не будут злоупотреблять этим гостеприимством. Но для израильских клещей это была первая возможность попасть в тело литовской нации. Вскоре после этого евреи стали всё более распространяться как мошенники и ростовщики. [...]

Самые страшные чекисты, обвинители и мучители литовцев были и есть евреи. [...] Одним словом, евреи повсюду самые жестокие эксплуататоры литовских рабочих, крестьян и горожан.

Фронт литовских активистов от имени всей литовской нации торжественно заявляет:

1. Данное во времена Витаутаса Великого евреям право на приют в Литве полностью и окончательно отменено;

2. Все без исключения литовские евреи предупреждены о том, что они должны в приказном порядке немедленно покинуть землю Литвы;

3. В особых случаях, все те евреи, которые были замечены литовским государством в выдаче и преследовании литовских соотечественников, в попытках и других притеснениях, должны быть привлечены к особой

ответственности и получить наказание. Обязанность всех честных литовцев – принять меры по задержанию таких евреев, и, при необходимости, исполнять приговор;

4. Вся недвижимость, вся собственность, принадлежащая литовским евреям или управляемая ими, будет передана в собственность литовского народа; [...]

Во вновь созданной Литве для евреев не будет гражданских прав и возможностей для получения средств к существованию. Таким образом будут исправлены прошлые ошибки и подлость евреев. Таким образом будут заложены сильные основы нашего арийского народа в счастливом и творческом будущем.

*Литовский активистский фронт.**

В 1973 г. Казис Шкирпа, живущий в Соединенных Штатах, опубликовал книгу воспоминаний «Восстание для восстановления суверенитета Литвы», где публикуются наиболее важные документы ЛАФ. Всё, что там было написано о евреях, пропало. Другие времена – другие документы.

ВОССТАНИЕ

22 июня 1941 г., когда началась война, Красная Армия бежала из Литвы на Восток, оставив полные оружейные склады. ЛАФ в Каунасе 23 июня начинает восстание, которым хотел показать Германии, что Литва не является территорией СССР и этим смыть тот позор, когда в 1940 году Советская Армия была встречена без выстрелов (если бы мы хотели назвать героя 1940 года, мы бы его не нашли, говорят историки). В июне 1941 г. – всё по-другому, литовские герои восстали против оккупантов. Повстанцы освобождают заключенных, которые были заключены Советами, взрывают мосты, борются с отступающей Красной Армией. Согласно немецким инструкциям все повстанцы на рукаве носят белую повязку с буквами TDA (Национальная трудовая охрана). Ужасное будущее ждёт эту белую повязку...

* LYA, K-1, ap. 58, b. 12949/3, t. 1, vokas 64-18.

Кто были эти повстанцы? «Повстанческие вооружённые группы назывались по-разному: активисты, партизаны, охранники, вспомогательная полиция, охранные батальоны».* С кем они сражались? С отступающей Красной Армией, конечно. Но только ли? С коммунистами в Литве? Чьи приказы они выполняли?

В Литовском специальном архиве есть дело работников Вильнюсской психиатрической больницы. В первые дни войны на собрании в больнице их вызвали в полицейский участок для регистрации повстанцами.

Уже 25 июня все эти люди – представители администрации и санитары – получили оружие и задачу арестовать евреев, живущих на улице Вокечу в Вильнюсе и привести их в тюрьму Лукишкес. Работали несколько дней – несколько десятков еврейских семей арестовано, их имущество конфисковано, квартиры опечатаны. Евреи, заключенные в Лукишкес, вскоре были «переданы Особому отряду или отданы в немецкую госбезопасность»** – эти записи по фамилиям содержатся в тюремной книге. А были ли в семьях этих евреев большевики? Большевики – вся улица Вокечу (Немецкая)? Кстати, в книгах заключенных тюрьмы Лукишкес евреи начали регистрироваться уже с 6 июня 1941 года.

И всё же многие литовские мужчины пошли и начали стрелять, полагая, что они борются за их родину, и они не понимали, что их патриотизм может быть использован для убийства невинных. Белые повязки должны были остаться белыми.

Сколько было повстанцев? Казис Шкирпа пишет в своей книге, что 100 000, но, по словам историка Альфонса Эйдинтаса, цифра «явно преувеличена, чтобы показать немцам, что Литва созрела для свободы, внесла большой вклад в уничтожение коммунизма». По словам историка В. Брандишаускаса, в июне общее количество членов ЛАФ и мятежных активистов, называемых партизанами, было не более 20 000, погибло около 600.***

* Alfonsas Eidintas. Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla*, p. 129.

** Книга учёта арестованных, LCVA, f. R-730, ap. 2, b. 35.

*** Там же, стр. 110.

Представители Литвы участвуют в праздновании 50-летия Адольфа Гитлера.
В центре Казис Шкирпа.

Видимо, тогда, в последние дни июня 1941 года, мой дед, Йонас Ванагас, покинул свой дом в Каварскасе, внёс вклад в дело повстанцев и получил пистолет. Затем он повязал свою белую повязку и отправился в бой против ненавистных Советов — да, так написано в его деле: протоколы допросов, опросы свидетелей. Ведь Советы только что отняли его землю и передали бедным. В первые дни войны мой дедушка вместе с другими, как утверждали свидетели, которые говорили на допросе в НКВД, обстрелял укрывающихся в Каварской школе красноармейцев. Затем, с помощью своего соседа, он перегородил бревном дорогу через Каварскас, чтобы танки не смогли отступить, и немецкая армия их догнала. За это впоследствии, когда вернулись Советы, мой дед-патриот в 1945 году был приговорен по статье 58 «Измена Родине». Пробыл в Карлаге полгода и умер как настоящий патриот 16 февраля 1946 г.

Таким образом, гитлеровскую армию встретили литовцы, особенно военные, с радостью и приветствиями. Русскую армию провожали выстрелами. После первых депортаций в Сибирь множество людей думали, что любые перемены — это спасение. Для литовцев приход Гитлера означал

освобождение. Для евреев – гибель, поэтому они, охваченные паникой, бежали из Литвы, но немцы оккупировали её так быстро, что на территорию СССР успело уйти лишь около 6 процентов всех литовских евреев.

*Президент независимой Литвы Антанас Сметона оценил как немецкую работу организованное Казисом Шкирой июньское восстание.**

* Там же, стр. 117.

Литовское временное правительство

*Во многих случаях убийство биологически «своих» социально и морально не оправдано, но когда будущая жертва становится «одной из других», открывается дверь, чтобы объяснить будущие злые действия. В случае с евреями социальная смерть уже произошла до физической смерти, поскольку они были исключены из социальной жизни, все общественные места стали для них недоступными. Им было запрещено прогуливаться по тротуарам, специально приказано носить звезды Давида на одежде, идентификационные документы были отмечены ярким «J» (Jude – Еврей). Они как будто готовые к вырубке дерева в лесу – всё ещё здесь, но уже «отобраны», и это всего лишь вопрос времени, когда евреи станут только тенью, в обществе, которое уже жило без них.**

По инициативе ЛАФ в первые дни войны было образовано временное литовское правительство (LLV). Премьер-министр – Казис Шкирпа. Но невероятно: ЛАФ – друзья Германии, а соратники литовцев немцы немедленно арестовали нового литовского премьер-министра в Берлине – посадили под домашний арест. Каждые два-три дня квартира посещалась немецким офицером, который проверял, оставался ли Шкирпа дома. Он рассказывает, что он мог бы попытаться выбраться из дома, но не хотел дразнить этим дружественных немцев. Вместо заключённого Шкирпы

* Robert van Voren. *Neįsisavinta praeitis: Holokaustas Lietuvoje*. Iš anglų k. vertė Linas Venclauskas. Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas, 2012, p. 142-143.

премьер-министром Временного правительства временно стал учитель литературы и литературный критик Юозас Амбразевичюс, ранее работавший в школе.

Почему ЛАФ основал только Временное правительство? – спрашивает Альфонсас Эйдинтас и цитирует другого литовского историка Зенанаса Рекашюса: «Потому что, согласно воззванию самих активистов ЛАФ литовскому народу, «только после выяснения отношений сотрудничества с Германией будет создано постоянное правительство» – поэтому власть Литвы будет сформирована не в зависимости от воли её граждан, а от воли нацистов Германии».*

Как только временное правительство собралось, оно послало страстную телеграмму благодарности Гитлеру:

*Освободительная буря войны прошла через Литву. Представители свободной Литвы отправляют Вам, Вождю Немецкого Народа, самую глубокую и самую серьёзную благодарность за освобождение земли Литвы от оккупантов евреев и большевиков и спасение литовского народа, и выражают надежду, что Ваш гений поведёт литовский народ на борьбу за уничтожение большевизма и плутократии, защиту свободы человека, защиту культуры Западной Европы и внедрение нового европейского порядка.***

Давайте сравним, как год назад, в августе 1940 года другое «избранное» литовское правительство поздравило другого великого командующего:

Рассматривается вопрос о вступлении Литвы в Советский Союз. В Москву приезжает наша делегация, впереди её с флагом товарищ Зиберт. Флаг из красного бархата, его края обшиты золотыми полосами, на нём красная пятиконечная звезда и лица тех великих людей, чьими именами гордится весь мир. Это имена Ленина и Сталина. За флагом идёт товарищ Мотейкус Шумаускас, который несёт декларацию ЛССР. Декларация написана красным цветом, её украшают золотые рамки и белый барельеф

* Альфонсас Эйдинтас. Евреи, Холокост и современная Литва. Из: *Массовые убийства литовских евреев*, стр.129.

** Казис Шкирпа. *Восстание для восстановления суверенитета Литвы*, стр. 349.

*Сталина. Следом идёт Саломея Нерис, которая несёт написанную ею поэму о Сталине. Эта поэма написана золотыми буквами в одном экземпляре.**

Москва громко аплодировала литовской делегации. Руководство Рейха на приветствие литовского правительства не ответило. Наверное, можно сказать, что Сталин был нашим большим другом, чем они?

Интересно, что говорят об этом историческом приветствии Гитлеру литовские эмигрантские историки, которые очень ценят временное правительство Литвы? Августин Идзелис, директор Литовского центра исторических исследований в Чикаго, в 2010 году так прокомментировал поздравления временного правительства:

*Я не придаю этому значения. Приветствия есть приветствия, они ничего не значат. Все поздравляют всех. Это больше этикет, протокол, но не существенное дело.***

Исследователь Миндаугас Блознялис утверждает:

Представьте себе людей, которые только что избавились от призрака смерти. Ведь большинство членов Временного правительства – Юозас Амбразевичюс-Бразайтис, Адольфас Дамушис, Пранас Падалис и другие – каждую ночь проводили в другом месте, НКВД охотился на них и ловил. Люди после долгого периода переживаний, психологических, духовных и физических страданий внезапно чувствуют себя спасёнными! Не только они, но и десятки тысяч других. И как не поблагодарить те силы, которые способствовали их спасению от истинной гибели? Вот чисто эмоциональная апелляция.

*С другой стороны, здесь есть определённая политика – участвовать в политической жизни, попытаться привлечь внимание к себе. Кто о них знает? А здесь – поздравление Гитлеру. Представление группы, которая стремится представлять страну, в которую вошла немецкая армия. Естественно, что сначала вы должны быть довольны тем, с чем вам неизбежно придётся встретиться, если вы верите в какие-то отношения.****

* Vytautas Vaitiekūnas. *Vidurnakčio dokumentai (3 knyga)*. Vilnius: Katalikų pasaulis, 1996, p. 633-634.

** Vidmantas Valiušaitis. *Kalbėjime patys, girdėjime kitus*. Vilnius: UAB „Petro ofsetas“, 2013, p. 124.

*** Там же, стр. 92.

Проходит всего несколько дней, и литовские повстанцы разоружены немецким приказом. 28 июня Каунасский комендант Юргис Бобялис, назначенный Временным правительством, формирует батальон Национальной обороны (TDA) из разоружённых бывших повстанцев, партизан и новых добровольцев. На протяжении всей оккупации в Литве было сформировано двадцать таких батальонов. Считалось, что эти батальоны станут началом новой литовской армии.

Солдаты батальона охраняют евреев в первом концентрационном лагере в Литве. Этот лагерь – VII форт Каунаса. Набираются две роты нацистов из Каунасского батальона и сразу получают работу. Первая и третья роты расстреливают евреев в VII форте. За одну экзекуцию убили 2514 евреев. В начале массового убийства евреев часть батальона дезертировала (5-11 июля 117 солдат бежали из батальона). Осталось около 1000. Эти солдаты продолжали охрану и ликвидации в крепостях Каунаса и других местах – ликвидируя тысячи, потом десятки тысяч литовских евреев. «Ликвидаторами» руководили лейтенанты Брониус Норкус, Юозас Барзда, Анатолий Дагис.

Временное правительство немедленно восстановило довоенные административные структуры Литвы, муниципалитеты и полиция издавали законы о разгосударствлении, возвращая собственность всем, кроме евреев. «Ограничения росли, евреи были сосредоточены в особых местах, предназначенных для массового уничтожения. В июле литовские власти только повторяли приказы немецкой администрации».*

В то время Шкирпа, который живет в Берлине под домашним арестом, всё ещё не верит в немецкий цинизм, сочиняет петиции и меморандумы, обращается к Гитлеру, Риббентропу.

Красноречивая информация: 23 июня заключённый премьер-министр Литвы пишет министру иностранных дел Германии Йоахиму фон Риббентропу, выражая ему и армии большую благодарность за освобождение, и просит разрешить ему вернуться на родину. Ответа нет. 29 июня письма Шкирпы направляются одному из клерков с сопроводительным

* Альфонсас Эйдинтас. Евреи, Холокост и современная Литва. Из: *Массовые убийства литовских евреев*, стр. 112.

*Pasirūpinimas
Ministerijai*

26

Ištrauka

iš Laikinojo Lietuvos Ministerių Kabineto
1941 m. birželio mėn. 30 d. ryšinio posėdžio
protokolo

.....

4. Lietuvosko bataliono išlaidų
kylimas ir žydų koncentracijos
stovyklos steigimas.

4. Iškilus Kauno Komendantų pulk.
Bobelio pranešimo formuojamojo
bataliono (Hilfspolizeidienst-
batalion) ir žydų koncentracijos
stovyklos įsteigimo reikalui,
Ministerių Kabinetas nutarė:
1) suteikti 10 dienų avansą ba-
taliono išlaikymo reikalams,
skaitant po 7492 rb. į dieną;
steity toliau šiam reikalui
sąsignuoti pagal sąmatą, kuri
bus pateikta.
2) žydų koncentracijos stovyklos
steigimui pritarti ir jai stei-
gimui rūpintis pavesti p.švilpai,
Komunalinio ūkio Viceministerių
kontakte su p.pulk.Bobeliu.

Gėlant Ministerių Kabi-
neto posėdį paskirti šiam dienai,
19 val.

(pas.) ANDRASEVIČIUS,
L.e.Ministerio Pirmininko p.

(pas.) J.ŠVETLIKAS,
Ministerių Kabinete Reikalų
Vedėjas

Ištrauka tikra

Ministerių Kabinete Reikalų
Vedėjas

J.Švilpa

письмом: «Я посылаю вам три письма литовца Шкирпы, переданные министру иностранных дел Рейха и которым министр иностранных дел Рейха не намерен давать какой-либо ответ».* Затем Шкирпа просит разрешения, по крайней мере, отправиться на похороны повстанцев в Каунас. Немцы не отвечают. Шкирпа посылает одну за другой инструкции, программные документы в Литву, включая, в частности, указание для временного правительства «очень важно продвигать лидеров повстанцев, и в первую очередь мою личность, чтобы таким образом заставить немцев больше считаться с нами».**

Временное правительство Литвы также постоянно пишет немцам о своей лояльности, прося признания или хотя бы внимания. Но оно этого не дожидается. Премьер-министр Литвы Юозас Амбразевичюс говорит:

*Отдельные ведомства и министерства сделали всё возможное, чтобы удовлетворить немцев, выполняя экономические требования, терпимость к незаконности и т. д. Правительство надеялось, что в обмен на поддержку и лояльность немцы в конечном итоге дадут Литве в перспективе независимость. [...] От немецкого военного командования в различные министерства поступали различные запросы и требования, и эти пожелания всегда были стопроцентно удовлетворены. ****

Временное правительство Литвы работало во имя Литвы. Оно не сделало ничего, чтобы усугубить положение евреев, говорят теперь бывшие члены этого правительства. В воспоминаниях профессора Витаутаса Ландсбергиса – даже наоборот, каунасский комендант Юргис Бобелис затягивал переселение евреев в гетто с 5 часов до полного месяца и лично отпустил из VII форта несколько евреев. Кроме того, правительство узнало о массовом убийстве в гараже «Лиетукис» и в Вилиамполе и решило в тот же день «избегать публичных еврейских казней». Кроме того, позднее правительство сожалело о том, что оно не может «положительно повлиять» на истребление евреев – слова премьер-министра.**** Больше о Холокосте литовское правительство не высказывалось.

* Казис Шкирпа. *Восстание для восстановления суверенитета Литвы*, стр. 351.

** Там же, стр. 364.

*** *Начало сопротивления: июнь 1941 года: документы первых шести недель Временного правительства Литвы*. Составлено Витаутасом Ландсбергисом. Вильнюс: Объединённая пресс-служба, 2012, стр. 26-27.

**** LCVA, f. R-496, ap. 1, b. 5, p. 4.

Почему временное правительство не заботилось о евреях, которые также были гражданами Литвы, где, согласно Конституции 1938 года, равны все граждане? Ответ прост и ясен.

Историк-эмигрант А. Идзелис писал:

*Мой ответ был бы таким. Это не вопрос «обеспокоенности». Это вопрос возможности. Какова практика военной медицины, когда много раненых и когда не хватает врачей и лекарств? Пострадавшие делятся на группы: те, у кого большие возможности выжить, и тех, которых иногда невозможно спасти. Вы должны видеть ситуацию рационально. Однако это не означает настроенности против той или другой группы. Делается то, что реалистично. В зависимости от возможностей и ресурсов.**

Другой эмигрант-историк Кестутис Скупскелис, профессор Южной Каролины и университета Витаутаса Великого, сказал:

*У временного правительства возможности спасти евреев почти не существовало. В июне в первую неделю войны вопрос об убийстве евреев не мог даже подниматься. Идёт война. Немцы расстреливают литовцев, поляков, русских, евреев. Большинство советские чиновники. Хотя их убивают и немцы и повстанцы. В свою очередь, кровавые бои организуют большевики – в Правенишкесе, Райняе, Червене... Вокруг хаос. Временное правительство пытается восстановить порядок. В то время нет оснований говорить исключительно о евреях. Идут военные действия – вокруг сотни мёртвых. В Каунасе повстанцы похоронены в братской могиле. Основная проблема заключается в стабилизации ситуации, в восстановлении общего порядка. Тогда есть надежда решить другие проблемы.***

Министр финансов Литовского временного правительства Йонас Матулионис, говоря с еврейским представителем, бывшим военным офицером Литвы Якобом Голдбергом, так объяснил эту ситуацию в Литве:

Литовцы не были едины по вопросу о евреях. Существовали три взгляда: крайний взгляд – все литовские евреи должны быть истреблены; более скромные требуют создать концентрационные лагеря, где кровь и пот евреев искупит преступления, совершённые против литовцев. Третий взгляд? Я практикующий католик. Я и другие, подобные мне, убеждены, что

* Vidmantas Valiušaitis. *Kalbėkime patys, girdėkime kitus*, p. 267.

* Видмантас Валуосатис. *Поговорим о себе, послушаем других*, стр. 267.

** Там же, стр. 293-294.

*у человека нельзя отнимать жизнь. Только Бог может это сделать. Я никогда не был против евреев, но при власти Советов я и мои друзья убедились, что с евреями нет общего пути, и никогда не будет. С нашей точки зрения, литовцы должны были быть отделены от евреев, и чем скорее, тем лучше. Из-за этого необходимо гетто. Там вы будете отделены от нас, и вы не сможете навредить нам. Это христианский принцип.**

Прошло только несколько недель, и временное правительство увидело, что Рейх с ним не считается. Хотя правительство пытается доказать свою лояльность, немцы это игнорируют. Даже благодарственная телеграмма Гитлеру осталась без ответа. Литовское временное правительство всё ещё отчаянно пытается – а вдруг? За четыре дня до отставки правительство издало «Правила о положении евреев».

Вот несколько выдержек:

Евреи [...] размещаются в специально выбранных местах. Носят жёлтый круг размером 8 см с буквой «J» посередине.

Евреям запрещено иметь:

- a) Радиооборудование*
- b) Типографии, пишущие машинки*
- c) Автомобили, мотоциклы, велосипеды*
- d) Пианино, фортепиано и фисгармонии.*
- e) фотоаппараты.***

Говорят, что эти правила более мягкие по сравнению с ранее выпущенными немецкими инструкциями, например, нет запрета на посещение евреями парков. Впоследствии министры Литовского временного правительства, которые находились в эмиграции, утверждали, что этот документ является подделкой. Однако подпись Амбразевичюса принадлежит ему. Но Амбразевичюс это отрицает.

В июле 1941 года немцы дирижировали литовской борьбой за власть – литовские националисты (вольдемариинкай) организовали путч против временного правительства. О соотечественниках, боровшихся за власть – интересные показания премьер-министра Юозаса Амбразевичюса. После

* 1941 metų sukilimo baltosios dėmės. Pokalbis su Sauliumi Sužiedėliu. Iš: *Šoa (Holokaustas) Lietuvoje*, p. 169.

** *Lietuvos laikinosios vyriausybės posėdžių protokolai*. Parengė Arvydas Anušauskas. Vilnius: LGGRTC, 2001, p. 135-137.

многих лет жизни в США одинокий и уважаемый Амбразевичюс (тогда Бразайтис), писал:

*Написать воспоминания? Слишком поздно. И я не хочу. [...] Документы свидетельствуют, что хотя мы были взрослыми, но не проявляли государственную зрелость. В конце концов, вся эта деятельность со времён Каунаса и Вюрибурга велась не за свободу Литвы (хотя этим прикрывалось), но за власть, которую мы будем иметь в Литве. Сколько неопределённости, сколько ненужных боёв, подозрения и очернения друг друга. Жили самостоятельной жизнью недолго и не научились государственной мудрости! Я пишу это не по впечатлениям, но прочитав эти документы. Поэтому, зачем оставлять другому поколению свидетельства такого рода?**

Комментарий историка Альфонсаса Эйдинтаса: «Короче говоря, немцы обманули молодых литовских политиков – восстание и восстановленные учреждения использовали для достижения своих целей. За неправильную ориентацию пришлось дорого заплатить».**

Увековечение памяти Юозаса Амбразевичюса-Бразайтиса:

Одна улица Каунаса и зрительный зал имени Юозаса Бразайтиса в университете Витаутаса Великого. 2012. Пепел Юозаса Бразайтиса похоронен в Литве, возле Воскресенской церкви в Каунасе со всеми почестями в присутствии литовских войск и президента Валдаса Адамкуса. Правительство Литвы выделило на захоронение останков 30 000 литов.

Увековечение памяти Казиса Шкирпы:

Улицы в Вильнюсе, у подножия горы Гедиминас, и в Каунасе, в микрорайоне Айгуляй названы именем К. Шкирпы. В центре Каунаса, на доме 25 по ул. Гедеминаса, есть мемориальная доска, открытая в честь него с текстом: «В этом дворце в 1925-1926 годах работал Литовский доброволец, создатель армии, участник боёв за независимость, член-основатель Сейма, начальник штаба, дипломат, основатель и глава активистского фронта, премьер-министр Литовского временного правительства, Кавалер Креста Витиса, полковник Генерального штаба Казис Шкирпа (1895-1979)».

* Vidmantas Valiušaitis. *Kalbėkime patys, girdėkime kitus*.

** Alfonsas Eidintas. *Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva. Iš: Lietuvos žydų žudynių byla*, p. 118.

Исследовательский центр геноцида и сопротивления Литвы подготовил справку о Казисе Шкирпе:

*Казиса Шкирпу и организацию, которой он управлял, можно упрекнуть в том, что антисемитизм в деятельности организации Берлинского ЛАФ был поднят на политический уровень, и это могло стимулировать часть населения Литвы принять участие в Холокосте. С другой стороны, следует отметить, что Берлинская организация ЛАФ предложила «еврейские проблемы» решать не геноцидом, а выселением из Литвы».**

* Ссылка в Интернете: <genocid.lt/UserFiles/File/Pazymos/201510_skirpa_pazyma01.pdf>

Советники и советчики

5 августа 1941 г. нацисты ввели гражданское правление в Литве, для чего был назначен генеральный комиссар рейха Теодор Адриан фон Рентельн. Временному правительству было предложено переименоваться в Совет. Три бывших министра согласились и стали немецкими подчиненными – их называли генеральными советниками. Шесть из девяти советников были членами Националистической партии.

Временное правительство ушло в отставку, поскольку оно хотело оставаться верным целям независимости Литвы. Тем не менее, историки указывают на одну не совсем хорошую вещь в условиях отставки правительства: «Прекратив свою деятельность, Временное правительство не дало распоряжения об отставке со своих должностей начальникам полиции, военным комендантам, командирам созданных батальонов и военным, которые работали в созданной администрации. В результате нацисты использовали эти структуры».*

Первым генеральным советником был Петрас Кубилюнас. После смены правительства в нижних ветвях власти всё осталось по-старому. Остались работать начальники уездов (самый важный нацистский инструмент), бурмистры, главы районов, руководители полицейских участков, вспомогательной полиции и судов.

* Alfonsas Eidintas. Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla*, p. 125.

В Литве было около 6000 человек полиции. Все они сохранили свою зарплату. Муж моей тёти, подполковник Антанас Стейпуленис, остался командующим полиции безопасности Паневежиса, затем перешёл в гражданские структуры, где он работал до 1944 года. После введения прямого управления немецкий язык был объявлен официальным, а литовский – допустимым.

Таким образом, по словам историка Арунаса Бубниса, «Местное самоуправление узаконило нацистские указы. Суть заключалась в следующем: немецкая администрация осуществляла наблюдение и контроль, а также практическую работу по управлению местными администрациями по немецким инструкциям».* Местные управления должны обеспечивать транспорт для осуществления казней, вводить ограничения на евреев, назначать жителей, которые будут копать ямы для евреев, а после казни их закапывать, устраивать аукционы еврейского имущества или по-другому его реализовывать.

Генеральный секретарь Националистической партии Зенонас Блинас фиксировал в дневнике всю деятельность, свою и коллег советников-националистов, работавших с немецким гражданским правлением, которая продолжалась до конца войны. Вот несколько записей патриота:

ДНЕВНИК ПАТРИОТА

13.VIII.41.

*Один человек приехал из Йонишкиса. Сельчанам трудно привыкнуть к убийствам евреев, в сельской местности этот еврейский террор не бушевал, поэтому в деревне это производит тяжёлое и давящее впечатление. Они говорят, что лучше гнать их на работу, чем коммунистов стрелять. Плохо, что слишком много стреляем, и стреляют литовцы. Особенно если правда то, что немцы фотографируют эти расстрелы.***

14.VIII.41

Я разговаривал с начальником округа Рокишкис. Этим утром должны быть расстреляны 9000 евреев в Рокишкисе. Выкапывается глубокая яма глубиной в три метра, приводят 100 евреев, они ложатся в эту яму, им

* Arūnas Bubnys. *Vokiečių okupuota Lietuva (1941 -1944)*. Vilnius: LGGRTC, 1998, p. 164.

** LYA, f. 3377, ap. 55, p. 103-104.

*говорят, что того, кто встанет, убьют, а потом несколько человек строчат из ручных пулеметов по спинам, затем насыпают 20-30 см песка, и кладут второй ряд. За один раз приводят 100 евреев. Он приказал вывести их из города. Они вышли с узлами. Через пару километров им велели положить узлы и снять верхнюю одежду. Евреи поняли свою судьбу. Это была сцена трагедии. Она действовала и на тех, которые убивали. Есть ещё 2 тысячи человек (старики, женщины, дети), они остаются «второй партией». По гуманитарным соображениям не занимаясь детьми..., сначала расправляются со здоровыми молодыми людьми.**

20.VIII.41

*Теперь ситуация такова, что мы не можем претендовать на то, чтобы нам сразу дали независимое государство. Нужно смотреть на вещи реально. [...] Немцы не обещают нам ничего конкретного. Но если мы уверены в себе, едины, то можно помочь людям. Возможно, это должны сделать батальоны, которые должны быть набраны. Мы рассчитываем на верную помощь в реализации всех наших устремлений – нашего независимого государства.***

24.VIII.41

*Вчера Брунюс рассказал мне о казнях в Рокишкисе. Они проводились публично. Полураздетым людям приходилось прыгать в яму глубиной 3 м. Их расстреливали, ходя вокруг ямы. Мозг и кровь расплескивались. Мужчины-стрелки были в крови. Людей выводили из города с узлами. У ямы им приказали положить узлы и раздеться. Женщины кричали. При казни присутствовали выбранные люди из этого района. Сначала смеялись, улыбались, были довольны, позже заволновались, арийки тоже начали плакать. Резня. Подлец. Иуда начальник уезда. Я сказал, что если немцы это делают нашими руками, он должен делать всё спокойно, без публики, без скандала. Вот и всё. Этот выродок сделал всё наоборот. Я его запомню. Подлец.****

* Там же, стр. 105.

** Там же, стр. 116-117.

*** Там же, стр. 121.

30.VIII.41

Сегодня в газете «За свободу» – забавное стихотворение Бразджониса, называющееся «Я зову народ»

*«Я взываю к твоему имени, земля,
Голос курганов, и лугов, и лесов –
Не мстите за горячие пятна крови,
Не проклиняйте наших детей и внуков»
Это, наверное, из-за евреев.*

*И всё же, когда выходит наша газета, мы снова провозглашаем священный антисемитизм, помня, что было до войны. Пусть не падёт вина только на нас.**

*Наша задача – остаться. Просить-политиков-говорить = тянуть время. Будет повторение 1918 года, или подобная ситуация, немцы дадут нам государство и вооружат до ушей. Ждём, пока немцы поймут. Поймут. Не скоро, может быть, только в следующем году.***

18.09.41

*1, 2, 3 батальоны несут службу. Каждый носит свою одежду. Нет матрасов. Лежат на полу. Не дают ничего. Настроение солдат-добровольцев плохое. Евреи...****

30.IX.41

*Сегодня солдаты батальона ходят по городу совсем пьяные, говорят, что они (сами говорят) поедут в Ригу. Ох, проживут там. Будет до пятницы покончено с евреями? Может быть, литовцы будут и там заниматься этим почётным ремеслом убийц?*****

13.X.41.

В субботу был ужин [...]. Я: «Поднимаю бокал за Адольфа Гитлера, за немецкую армию, немецкий народ и... после небольшой паузы... за Литву».

* Там же, стр. 136-137.

** Там же, стр. 136.

*** Там же, стр. 156.

**** Там же, стр. 171.

*Сегодня д-р. Вокетайтис сказал, что мой тост был коварным ответом на немецкое издевательство. Вы не можете открывать своё сердце. По словам Ронпсо, это слова «курвы».**

2.11.41

*Из Вильнюса сообщили, что осталось только около 10 000 евреев. Литовцы ведут длинные колонны евреев, избивая их даже на улице Гедиминаса.***

6.11.41

Барзда вернулся из района Минск-Борисово-Слуцк. Литовский батальон расстрелял более 46 тысяч евреев (из Белоруссии и привезённых из Польши), русских коммунистов и русских заключённых. Фотографировали только немцы. Солдаты вишывые, говорят, что 30% страдают от чесотки. Плохая одежда, холодно. Сапоги без подмёток.

*Мы слышали, что Вильнюсский батальон отправляется в Люблин. Почётные обязанности, по словам вильнюсцев. Они стараются, и их уважают эти господа, немцы. Украинцы, латыши, эстонцы – не стреляют. Нам одним нужно стрелять.****

29.11.41

*Смешно, что наш офицерский корпус упал настолько низко, что он делает то, что немецкий офицер никогда бы не сделал. Евреев сейчас стреляет первый батальон, их привезли из Чехии. Они имеют визы Бразилии, Аргентины. Говорят, что их везут в карантин! Всё законно, и они вообще исчезают. Первый батальон их обрабатывает.*****

13.12.41

Для меня имеет значение определенный принцип – спасение одного или нескольких евреев. Я не могу терпеть тот факт, что Литва превращается в мертвецкую-кладбище, что нас заставляют регулярно расстреливать

* Там же, стр. 178.

** Там же, стр. 218.

*** Там же, стр. 195-196.

**** Там же, стр. 205-206.

*евреев, прибывших с визами из Германии, что мы становимся оплаченными палачами, то, что нас фотографируют, а себя немцы – нет. Я не могу терпеть этой подлости.**

19.12.1941

*Мы получили на зарплату 50 000 р/м., до 1.1.1942 и за прошлый период. Я получил сегодня зарплату за декабрь 237,57 р/м.***

6.I.1942

*Во всяком случае, начало расстрелов евреев было сделано литовцами именно при временном правительстве.****

12.1.1942

*Какой-то пьяный офицер сердился, что чехи не хотели копать ямы, не хотели сами лезть в ямы и стояли (на расстреле), сцепившись руками, и пели чешский гимн. Вечное проклятие этим офицерам.*****

Зенонас Блинас, как настоящий патриот Литвы, не убежал с другими националистами и принял свою судьбу в СССР. Он был арестован и допрошен – держался твердо, совсем ни о чём не сожалел. 17 октября 1946 г. архангельский военный трибунал вынес приговор – расстрел. Блинас сказал, что очень сожалеет, что так мало удалось сделать в борьбе против Советского Союза за свободу и независимость Литвы.

6 декабря 1946 г. приговор был исполнен.

* Там же, 226.

** Там же, стр. 226.

*** Там же, стр. 228.

**** Там же, стр. 228.

IV. Наши. Убийцы евреев

Лез еврей по лестнице

И упал нечаянно.

Берите, дети, палочку.

И убейте этого еврейчика.

Детская (литовская) считалка

Национальная трудовая охрана

Июньское восстание началось в Каунасе. Один из символических актов – литовский флаг был поднят на крыше Воскресенской церкви. Он был поднят лейтенантом Брониусом Норкусом, который вскоре стал одним из командиров батальона национальной обороны.

Некоторые штрихи портрета Брониуса Норкуса, рассказывает Казис Бобелис:

Когда началось восстание, возможно, дня через три, мы, молодые люди, играли в футбол на углу улиц Кауко и Агуону. Внезапно мы видим, как с улицы Прусу идёт человек. Синяя, литовская военная авиационная униформа. Без пуговиц. Без погон. Длинные, спутанные волосы. Глаза красные. В одной руке – полбутылки, в другой – револьвер. Мы испугались. Подходит к нам. «Дети, где евреи?» О Иисус, Мария! Мы не видели никого. Здесь не живут. Начал на нас кричать. Выстрелил из револьвера три раза в воздух. И пошёл себе. Потом оказалось, что это был лейтенант Норкус, литовский авиационный офицер. Когда пришли большевики, его посадили в тюрьму. После бомбардировки Каунаса он вышел из тюрьмы.

Сначала он отправился в Жялякалнис к своей жене и детям. Соседи сказали, что его семью вывезли в субботу (21 июня). Я не знаю

*подробностей, но потом он начал пить шнапс и стрелять. Он говорил: «Я убью каждого еврея на месте». Стал командиром батальона. Получил лошадь. Был пьяный, упал, лошадь ударила в голову копытом и убила.**

Брониус Норкус был назначен командиром роты и начал службу в Каунасском батальоне Национальной трудовой охраны (ТДА). После 28 июня ему больше не нужно было спрашивать «Дети, где евреи?». Евреев привозили к нему прямо в яму. В Каунасе в VII форте 4 июля в канавах были застрелены 416 мужчин и 47 женщин (доклад К. Егера). Расстреливал ТДА, командовали лейтенант Б. Норкус и младший лейтенант Йонас Обелевичюс.** 6 июля людей расстреливали из пулеметов. В общей сложности было убито 2514 евреев. Расстрелами командовали лейтенанты Й. Барзда, А. Дагис и Б. Норкус.

Момент расстрела.

* Видмантас Валюсатис. *Поговорим о себе, послушаем других*, стр. 290-291.

** Арунас Бубнис. 1 (13) Батальон самообороны литовской полиции и убийства евреев в 1941 году. Из: *Геноцид и сопротивление*, 2006, No. 2 (20), стр. 35.

*Акции в самом Каунасе, где в нашем распоряжении имелось достаточно хотя бы немного подготовленных партизанских парней, можно считать образцовыми расстрелами.**

Отчет К. Егера

Деятельность 3-й роты батальона в VII форте, «по-видимому, немцам и нашим очень понравилась, поэтому я использовал её везде».** В роте служило 200 литовских солдат. В октябре 3-я рота батальона TDA (в августе он был назван вспомогательным полицейским батальоном – PPT) дважды, но очень интенсивно работала в IX форте. Они пригнали из гетто примерно 10 000 евреев, а затем получили еще 2000 евреев из Чехословакии – их отправили в Каунас для «вакцинации» для планируемой поездки в Южную Америку. Командиры те же: Б. Норкус, Й. Барзда и А. Дагис. Согласно докладу К. Егера, из 10 000 евреев из гетто, убитых в IX форте, около половины детей – 4273. В августе – сентябре 1941 г. происходило массовое убийство евреев в литовских провинциях. В двадцати шести литовских солдатских батальонах служило от 12 000 до 13 000 человек. В августе в Каунасе были сформированы 1-й и 2-й батальоны вспомогательной полиции: PPT-1 и PPT-2.

1-й батальон убил 36 000 человек.

*2-й был командирован в Белоруссию, и там в 15-ти местах Белоруссии убил 15 452 еврея.****

* Документ № 1. Документы. Из: *Массовые убийства евреев в Литве*, стр. 293.

** Протоколы допросов П. Матюкаса, LYA, K-1, ар. 58, b. 47337/3, т. 1, р. 139.

*** Альфред Рукшенас. Участие каунасских батальон самообороны в массовых убийствах евреев и других групп в период немецкой оккупации (1941-1944 годы). Из: *Геноцид и сопротивление*, 2011, вып. 2 (30), стр. 30.

Зубной техник и Ко

*Я был любитель стрелять в людей.**

Пранас Матюкас

*В 1962 году в суде советской Литвы Пранаса Матюкаса спросили: «Почему расстреливал евреев?». Он ответил: «Потому что в 1941 году в Правенишкес (в советском концентрационном лагере в Литве) меня вытащили из кучи трупов. Стрелявшие в нас были в основном евреями.***

В период независимой Литвы Пранас Матюкас работал в типографии и в то же время изучал стоматологию. При отступлении Красной Армии в Каунасе он встретил красноармейца, пригрозил ему карманным ножом и тот отдал ему винтовку. Затем Матюкас отправился в Народный оборонный батальон, чтобы зарегистрироваться. Одному сыну Матюкаса было в то время пять лет и другому год.***

Его дело составляет 12 томов. Из протокола допроса от 3 декабря 1961 г.:

Это было летом 1941 года. Я не помню точных дат, это может быть июль. Днём наша третья рота батальона, которая всё ещё была развернута на проспекте Лайсвес возле собора, во главе с лейтенантами Барздосом, Норкаусом, Скаржинскасасом и Дагисом, отправилась пешком в седьмой форт Каунаса, расположенный в Жялякалнисе. Форт охраняли солдаты других рот.

Внутри форта, в овраге, расположенном между склонами, было около 300-400 человек – евреев. Они были там под открытым небом.

Еврейские женщины, которых было около 100-150 человек, содержались в подземных укреплениях седьмого форта.

* LYA, K-1, ap. 58, b. 47337/3, t. 1, p. 141.

** Aleksandras Štromas. Holokaustas: žydų ir nežydų patirtis. Iš: *Šoa (Holokaustas) Lietuvoje*, p. 188.

*** LYA, K-1, ap. 58, b. 47337/3, t. 1, p. 208.

Расстрелы проходили в следующем порядке. Группа солдат батальона около 10 человек под руководством унтер-офицеров и офицеров брала около 10 человек из ямы, где содержались осуждённые еврейской национальности. Их приводили к находящемуся приблизительно в 50-100 метрах месту, где была яма, вырытая большим взрывом. После этого их ставили на землю около этой ямы и расстреливали с расстояния несколько шагов. После выстрелов трупы падали в яму. Солдаты стреляли из винтовок, которыми были вооружены, а офицеры – Дагис, Норкус, Барзда – из пистолетов.

Так как приближался вечер, стрельба была прервана. На следующий день, едва рассвело, мы вернулись в форт и окружили место содержания задержанных. На месте было два или три легких пулемета типа Бруно – они были поставлены на склонах. Барзда и Норкус сказали, что придётся стрелять осужденных там, на месте, сверху со склонов в яму. Когда команда была дана, началась стрельба. Расстреливаемые начали метаться в этой яме, но никуда не могли убежать, потому что их повсюду доставали пули.

Такая беспорядочная стрельба длилась около полутора часов. За это время дно ямы было покрыто трупами и кровью. Могу сказать, что почти вся наша третья рота стреляла, за исключением нескольких человек, которые по той или иной причине оставались в казармах. Я тоже стрелял.

Я не могу сказать, сколько людей я застрелил, потому что это невозможно было установить.

Сама яма была размером около 50 × 50, и имела пологие склоны высотой 10-15 метров.

Как свидетельствуют другие солдаты батальона, людей в VII и IX фортах укладывали в ямы и только затем расстреливали. После расстрела одной партии на трупы ложились другие.

В этом деле допросили свидетеля Юргиса Восилюса, он рассказал:

*Поскольку вокруг этого форта было много жилых зданий, многие местные жители собрались посмотреть на расстрел. Как охранник, я должен был отгонять их и не пускать близко, поэтому я не очень хорошо видел сам расстрел.**

* Там же, стр. 40.

Вот как, по словам Пранаса Матюкаса, были расстреляны евреи Каунасского гетто. Во главе операции были те же офицеры – Дагис, Барзда, Норкус.

IX Форт, Матюкас, допрос 15 января 1962 г.:

Нам сказали, чтобы мы не напивались вечером, в шесть или восемь утра все должны быть в бараке и пойти на операцию. Вышеуказанный приказ мне передали Барзда и Дагис.

На следующий день в восемь часов утра рота была построена, и все мы пошли в гетто. В этой операции участвовал весь наш батальон.

Около 400 евреев, мужчин, женщин и детей из гетто передали нам, после этого мы взяли около 8-10 солдат, чтобы охранять этих евреев, и мы повели их в девятый форт, расположенный примерно в двух километрах от города.

Мы привели евреев в форт, где была большая яма. Здесь мы их передали другим солдатам охранять, а сами снова вернулись в гетто, чтобы взять очередную группу людей. Приведя в форт вторую группу осужденных, я больше не ходил в гетто, а остался в форте.

За фортом на противоположной стороне Жемайтийского шоссе были выкопаны три длинных ямы, возможно, около 100 метров в длину, 2 метра в ширину и столько же в глубину.

Когда я добрался до выкопанных ям, я обнаружил, что там были около 30 человек из нашей третьей роты. С ними были офицеры Барзда, Норкус, Дагис. Кроме того, группа немецких солдат и офицеров.

Одновременно из нашей роты стреляли около 30 человек и около 10 немецких солдат, которые стреляли из автоматов, а офицеры ещё и из пистолетов. Затем я стрелял из своей винтовки и сделал около 60-70 выстрелов.

Я стрелял около полутора часов. Сколько людей я застрелил лично, не могу сказать, потому что мы стреляли в одно и то же время в общую массу людей в яме. Я помню, что я лично принимал участие в стрельбе по двум группам из 400 человек. Конечно, я стрелял с перерывами.

В общем, сказать, кто стоял у ямы и стрелял, я не могу, потому что там не было порядка: один пострелял и уходил, другой приходил.

*Из осуждённых я знал Гравеца Ривера.**

* Там же, т. 12, стр. 142.

*Я брал только золотые вещи. В IX форте давали водку, но очень понемногу. Когда мы пришли взять боеприпасы, Норкус и Барзда дали выпить из бутылки водки. [...] В те дни было расстреляно около 8-10 тысяч человек, как это говорили среди охранников. После расстрелов солдаты выбирали из кучи лучшие вещи убитых, я не брал ни одного предмета застреленных. Во время расстрела я взял пару часов, которые они сами дали.**

Евреи были уложены, как и в VII форте, а затем расстреляны. Когда рота закончила расстрел взрослых евреев, немцы расстреляли детей из пулемета. Только один мальчик одиннадцати лет спасся.

*Во второй раз мы стреляли в IX форте, это был расстрел чехословаков. Мы привели их в IX форт, там сказали, что нужно будет расстрелять около 2000 человек. Осуждённые были приведены с засученными рукавами, чехам сказали, что их ведут вакцинировать против оспы. Чехи пытались убежать из ямы, но куда побежишь, если они были окружены.***

*Я участвовал в массовом убийстве людей, потому что все мы участвовали в этом, батальон, третья рота, в которой я состоял. Я выполнял приказы.****

Из суда над Пранасом Матюкасом в 1962 году:

*Согласно моей совести, я виновен. Но как солдат я не виноват. Просто выполнял приказы. Я не задумывался.*****

* Там же, стр. 142.

** Там же, стр. 145.

*** Там же, стр. 254.

**** Там же, стр. 145.

Памятник Юозасу Барзде в Плунге. Фото автора.

Свидетельство в деле подсудимого Алекса Райжи:

*После расстрела я видел у Матюкаса вырванные зубы. Матюкас сам показал золотые зубы на ладони. Я спросил, зачем Матюкасу нужны зубы, военные сказали, что он зубной техник, а его жена – дантистка. У Матюкаса я видел золотые, очищенные, гладкие, кажется, 4 зуба.**

*Там же, стр. 150.

После войны Пранас Матюкас был судим, но сидел в тюрьме в течение короткого времени. Президиум Верховного Совета СССР 17 января 1955 года принял постановление «Об амнистии советских граждан, которые сотрудничали с оккупантами во время Второй мировой войны в период 1941-1945 г.г.», согласно которому лица, приговоренные к 10 годам лишения свободы, были освобождены, а тем, которые были приговорены к 25 годам лишения свободы, сократили срок наполовину. В 1955 г. Пранас Матюкас был освобождён. Он со своей семьёй поселился в Паневежисе и работал по своей специальности – зубным техником в поликлинике Йонишкелиса. Активно участвовал в деятельности драматического кружка.

Шесть лет спустя, когда возникли новые обстоятельства, его повторно арестовали. Были потребованы характеристики с работы. Главный врач Йонишкской районной поликлиники ответил о Матюкасе следующим образом: «Душевный, энергичный, активный участник самодеятельности, который внёс большой вклад в возрождение художественной самодеятельности, участвовал в работе драмкружка».*

Пранас Матюкас и семеро других убийц из 3-й роты ТДА были приговорены к расстрелу. 9 ноября 1962 года они были расстреляны в Вильнюсе. Карьера стоматологического техника закончилась.

«Пранас Матюкас участвовал в расстреле около 18 000 человек» (Постановление суда)**.

Историк Альфредас Рукшенас проанализировал мотивы убийц Каунасского батальона самообороны. Он выделил четыре категории людей, которые были в батальонах:***

Патриоты – те, кто присоединился к батальонам самообороны, чтобы защитить свою родину от врагов и полагали, что батальоны являются началом армии будущей независимой Литвы.

Безработные – бывшие офицеры Вооруженных сил Литвы и другие безработные, которые присоединились к батальонам, потому что там платили зарплату.

* Там же, стр. 140.

**Там же, стр. 264.

***Альфредас Рукшенас. Присоединение жителей Литвы к батальонам самообороны Каунаса летом и осенью 1941 года. Из: *Геноцид и сопротивление*, 2012, No. 2 (32), стр. 7-26.

Подсудимый Пранас Матюкас показывает место, где осенью 1941 года были убиты 500 евреев Бабтай. 1962 год.

Обиженные – испытавшие обиду офицеры Литовских вооруженных сил, уволенные в советский период, те, кого допрашивали органы НКВД, которые хотели разобраться с недругами.

Неблагонадёжные – те, кто служил советской власти и присоединились к батальонам, чтобы избежать наказания. Были и те, кто боялся уезжать в Германию работать.

4 июля евреи, которых загнали в одну яму в VII форте Каунаса, были убиты не сразу. Они были только ранены, и прошло ещё полтора часа, пока последний человек в яме не перестал дышать. Многие люди умирали в течение нескольких минут, часа, возможно, полутора часов после начала казни. У них было «приятное время», чтобы поразмышлять, кто эти люди в униформе, которые стоят на насыпи, стреляют, пьют и скоро их прикончат. Может быть, патриоты, может быть, безработные, возможно, самые обездоленные? Или, может быть, неблагонадёжные люди, которым эта работа дает ощущение человеческой благонадёжности?

А вот как сами члены третьей роты говорили в суде о своих мотивах.

Алекс Райжис:

*Почему я присоединился к батальону, я не знаю сам. Я не могу объяснить свои действия. Может быть, я присоединился к батальону из-за нищеты, я не знаю. Почему я стрелял в людей, я тоже не знаю.**

Юозас Копустас:

*Цель моего вступления в батальон заключалась в том, чтобы кого-то ограбить. Мы не получали зарплату. Одежда осуждённых была для нас зарплатой. Мне было полезно быть в батальоне. После первого расстрела я не понял, что делаю плохо.***

Клеменс Скабицкас:

*Я присоединился к батальону из-за плохого здоровья, работа там была нетяжёлой. [...] Я не знал людей, в которых я стрелял, они ничего мне не сделали. Я верующий. Я не знал, что будет, когда стрелял в людей. После этого я исповедовался.****

После первого расстрела несколько солдат 3-й роты дезертировали. Один солдат, капитан Бронюс Киркилас, взял отпуск и 12 июля 1941 года застрелился в своей квартире. Почему? Не выдержал напряжения. По мнению историков эмиграции, решил отомстить евреям, и убить «определённое число». Выполнив это, Киркилас и застрелился.

Если это так, Бронюс Киркилас выполнил «установленную норму» за очень короткое время, всего за несколько дней. Число убитых было огромным.

* LYA, K-1, ар. 58, b. 47337/3, т. 12, стр. 154.

** Там же, стр. 160.

*** Там же, стр. 166.

Men forced to dig their own graves by *Einsatzgruppe* troops, Šiauliai, July 1941

Летающие убийцы

Цель очищения Литвы от евреев могла быть достигнута только благодаря тому, что из отборных людей был организован Летучий отряд под командованием оберштурмфюрера Хамана, который полностью понял мои цели и смог обеспечить сотрудничество с литовскими партизанами и соответствующими структурами.

К. Егер, сообщение от 1 декабря 1941 г.*

К августу 1941 года, когда началось массовое убийство всех литовских евреев, 90 процентов литовских евреев были ещё живы.

*8-10 немцев и 30-40 литовцев служили в Летучем отряде Хамана. Для операций всё готовилось местной администрацией, полицией и партизанами, которые изолировали евреев и доставляли их к заранее выкопанным ямам. [...] До 15 октября 1941 г. были убиты 70 105 евреев. Около 50 000 евреев оставлено на ремонтные работы и военные заказы. Крайний срок полного уничтожения евреев был отложен на более позднее время.***

Третья рота батальона TDA стала основой команды Йохима Хамана. Несколько немцев-гестаповцев и несколько десятков офицеров и солдат 3-й роты были приглашены на специальные операции в провинциях Литвы. «Хаман часто не ездил на убийства в провинции, он только давал задания офицерам 1-го батальона (лейтенанты А. Дагис, И. Барзда, Б. Норкус)».* **

Немцы, скорее всего, оставались в Каунасе для других функций и на расстрелы в провинции ехали всего 2-3 немца. Они прибывали на легковой машине, а немецкие каратели одним или двумя грузовиками, иногда на автобусе «Лиетукус». Группе «Хаман» в провинции часто помогали местные полицейские или активисты.***

* Arūnas Bubnys. *Vokiečių okupuota Lietuva (1941-1944)*, p. 203.

** Там же, стр. 203.

*** Arūnas Bubnys. *Lietuvių policijos 1 (13)-asis batalionas ir žydų žudynės 1941 m. Iš: Holokaustas Lietuvoje 1941-1944 m. Straipsnių rinkinys. Sudarė Arūnas Bubnys. Vilnius: LGGRTC, 2011, p. 392.*

**** Alfonsas Eidintas. *Žydai, lietuviai ir holokaustas. Vilnius: Vaga, 2002, p. 262*

POLICIJOS DEPARTAMENTAS

---ooOoo---

Nr. 381

Visai slaptai.

Kaunas, 1941 m. rugpjūčio mėn. 16 d.

Kaunas.....apskritis Policijos Vadui.

Gavus šį aplinkraštį, pastaboj nurodytose vietose, tuojau sulaikyti visus žydų tautybės vyrus nuo 15 metų amžiaus ir tas moteris, kurios bolševikų okupacijos laikais pasižymėjo savo bolševikiška veikla arba dar ir dabar pasižymi tokia pat veikla ar įžulumu. Sulaikytus asmenis surinkti prie magistralinių susisiekimo kelių ir tuoj specialiomis skubiosiomis susisiekimo priemonėmis pranešti Policijos Departamentui. Pranešant tiksliai nurodyti kokioje vietoje ir kiek yra sulaikytų ir surinktų šios rūšies žydų.

Reikia pasirūpinti, kad sulaikytieji būtų aprūpinti maistu ir tinkama apsauga, kuriai galima panaudoti pagalbinę policiją.

Šis aplinkraštis turi būti išpildytas per dvi paras nuo jo gavimo. Sulaikytus žydus saugoti kol bus paimti ir išvežti į stovyklą.

Pastaba: vykdomas

Vytautas
apskritis
Policijos D-lio Direktorius

Секретный циркуляр руководителя департамента полиции Витаутаса Рейвистиса.

В августе все области Литвы стали участвовать в уничтожении евреев.

Секретный циркуляр руководителя департамента полиции Витаутаса Рейвистиса № 3 от 16 августа 1941 года, отправлен командирам полиции во всех округах:

По получении этого циркуляра немедленно задержите всех евреев в возрасте от 15 лет и тех женщин, которые во время большевистской оккупации отмечались своей большевистской деятельностью в местах, указанных в примечаниях, или всё ещё проявляют такую деятельность или неблагонадёжность. Соберите задержанных на магистральных дорогах и немедленно уведомите полицейский отдел специальных транспортных средств. Сообщая, точно укажите, где именно и сколько задержанных и собранных евреев этого типа.

Необходимо следить за тем, чтобы содержащиеся под стражей лица получали пищу и обеспечивались надежной охраной, для которой может использоваться вспомогательная полиция.

Этот циркуляр должен быть исполнен в течение двух дней после его получения. Задержанных евреев охранять, пока они не будут отправлены в лагерь.

Витаутас Рейвистис, директор департамента полиции, авиатор, профессиональный стрелок по мишеням, спортсмен, основал в Литве борьбу джиу-джитсу (опубликовав книгу об этом виде спорта). Джиу-джитсу – японское «искусство нежности», один из видов борьбы самураев.*

Начальники полиции немедленно сообщают В. Рейвистису:

18 августа начальник полицейского участка Вилькии пишет: «Из Вилькии было вывезено 280 мужчин и 120 женщин».**

Начальник полиции Кедайняй (17 августа): «913 евреев в городе Кедайняй и сельских районах размещены в саду и роще культурной технической школы Кедайняй. Мужчины отдельно от женщин. Они содержатся до отдельного "указания"»***

* LCVA, f. R-683, ap. 2, b. 2, 1. 1.

** Arūnas Bubnys. Žydų žudynės Kauno apskrityje 1941 m. Iš: *Holokaustas Lietuvoje 1941-1944 m.*, p. 184.

*** Arūnas Bubnys. Lietuvos žydų mažieji getai ir laikinosios izoliavimo vietos. Iš: *Holokaustas Lietuvoje 1941-1944 m.*, p. 150.

Начальник полицейского участка Шакяй «Сообщаю, что с сегодняшнего дня в порученном мне округе евреев нет, их "организовали" местные партизаны со вспомогательной полицией».*

Статистика отряда Хамана неизвестна. Неизвестно также, сколько людей в провинции убила команда Хамана и насколько им помогали местные белоповязочники. «Холокост в Литовских провинциях до сих пор неизучен, и это неисследованный вопрос нашей историографии» – говорит историк Арунас Бубнис.**

У нас нет средств для исследований? Не имеем историков? У нас нет желания и ждём, пока вымрут все свидетели геноцида? Ждать осталось недолго.

* *Garažas: aukos, budeliai stebėtojai*. Sudarė Saliamonas Vaintraubas. Vilnius: Lietuvos žydų bendruomenė, 2002, p. 40.

** Arūnas Bubnys. Lietuvos mažieji getai ir laikinosios izoliavimo stovyklos. Iš: *Holokaustas Lietuvoje 1941-1944 m.*, p. 136.

Особые мужчины

Ипатингас бурис – Особый отряд – был создан в июле 1941 года. Он был непосредственно подчинён гестапо. Командирами и участниками были литовцы, было несколько русских и поляков. В начале, когда штаб-квартира отряда находилась на улице Швентарагис, в помещении нынешнего министерства внутренних дел, приходили желающие, которые хотели вступить в отряд, писали заявление – никаких договоров подписывать не требовалось. После того, как отряд перебрался на улицу Вильняус дом 12 (теперь Вильняус 37), стали требовать подписать договор о не раскрытии тайны деятельности. Сначала в особом отряде состояло около 100 человек, позже – во второй половине 1941 года и в последующие годы войны – около 30-40. Согласно протоколам допросов, служащие отряда получали продовольственные талоны, с ними можно было пойти в любой ресторан или столовую в Вильнюсе, необходимо было просто оторвать талон и отдать его официанту. Служащим в отряде платили зарплату, давали продпаёк, в нём был изюм и раз в неделю – водка.

Главным местом работы Особого отряда были Понары.

Понары: показания свидетелей

В архиве осталось свидетельство Вероники, девушки участника Особого отряда Владаса Клюкаса. Когда ей было восемнадцать, она встретила этого девятнадцатилетнего убийцу. Владас Клюкас и Владас Буткунас жили в Вильнюсе, на улице Басанавичюс, д. 15.

Владас Клюкас пригласил меня в квартиру, где жил с Владасом Буткунасом. Когда мы начали дружить, я узнала, что они служат в Особом отряде.

Во время выпивок они хвастали, что расстреливают еврейских граждан в Понарах, что имеют много еврейской собственности. Насколько я заметила, у Буткунаса, Клюкаса и Чепониса было много денег, и они с ними не считались. Они рассказывали, что пили водку, а потом расстреливали еврейских граждан. Они часто пили в квартире Стасиса Чепониса, а затем дрались между собой и стреляли из пистолетов.

*С Владасом Клюкасом мы дружили до осени 1943 года, а затем, когда я забеременела от Клюкаса, то он ко мне не заходил и дружба кончилась. Кроме того, как я заметила, у него были другие девушки в то же время, когда дружил со мной.**

Помогал ли Владас своей подруге финансово? По словам Вероники, «дал деньги и принёс рубашку и юбку».**

Сын Владаса и Вероники умер, не дожив до 2 месяцев.***

До войны Понары были тихим пригородом Вильнюса, покрытым соснами, где горожане отдыхали летом. Пригород пересекала железнодорожная линия и Вильнюсско-Гродненское шоссе. От центра города – девять километров, людей можно привезти по шоссе, железной дороге или пригнать пешком. В 1941 г. Советы решили здесь оборудовать хранилища жидкого топлива – семь больших ям, соединённых каналами, по которым проложены трубы. Пять квадратных километров территории были огорожены колючим забором из колючей проволоки. Немцы выбрали Понары для массовых убийств, территорию стали называть «базой».

* LYA, K-1, ар. 46, b. 4914, стр. 126.

** Там же, стр. 133.

*** Там же, стр. 161.

База Понары была рядом с железной дорогой и домами, где жили люди. Железнодорожный сторож Янковский, который дежурил в будке у переезда, вспоминает:

Телами расстрелянных были заполнены две больших двадцати пяти метров в диаметре и пяти метров глубиной ямы, несколько меньших ям и два канала между ямами. Убийц возглавлял немецкий офицер, которого они называли «шефом». Это был блондин среднего роста в очках. Когда приводили очередную партию жертв, немец и кто-то ещё с ним приезжали на легковом автомобиле.***

Свидетель Галина Окуневич 17 июля 1977 года в суде города Ольштын в Польше рассказала:

*Однажды я спросила одного полицейского, зачем он носит такой нож с собой, и он сказал мне, что ножом режет детей, потому что на них жалко пули. Это сказал Владиславас Ключас.****

Свидетель Юстас Мартишиус, член Особого отряда, в том же суде 25 мая 1977 года на заседании вспоминает:

*Если попадалась мать с ребёнком на руках, то стреляли двое, один в мать, а другой в ребенка.*****

Мечис Буткус, один из членов Особого отряда, рассказал в ходе допроса:

*Мне пришлось писать список тех евреев, которых расстреляли в Понарах. Стол был поставлен у входа в яму, и я, сидя за ним, писал списки тех, кто был выведен из одной ямы и приведён к другой яме для расстрела. Я писал фамилию, имя и год рождения. Поэтому я вспоминаю, что были записаны 2000 человек.******

Главным хроникёром убийств в Понарах является Казимеж Сакович. Этот польский журналист перед войной в Вильнюсе выпускал в Вильнюсе еженедельную газету *Przegląd gospodarski* – Сельскохозяйственный обзор. Во время советской оккупации, потеряв типографию и жильё в Вильнюсе, переехал в дом в Понарах. Этот дом был совсем рядом с местом казни.

* LYA, K-1, ар. 58, b. 47746/3, t. 2, стр. 18.

** Там же, стр. 20.

*** LYA, K-1, ар. 58, b. 47746/3, t. 3, стр. 202.

**** Там же, стр. 246.

***** LYA, K-1, ар. 45, b. 1353, t. 14, стр. 151-152.

С первых дней казней Сакович наблюдал за событиями через окошко чердака и тайно писал дневник. Он помещал листы дневника в пустые лимонадные бутылки и зарывал в землю.

Дневник Казимежа Саковича вышел в 1999 году на польском языке, в 2000 году на иврите, в 2003 – на немецком, в 2005 – на английском. В Литве «Панярайский дневник» был издан в 2012 году. Тираж – 500 экземпляров. (В 2017 году появился перевод на русский.)

В этой книге я должна была процитировать выдержки из дневника Саковича – только потому, что почти никто не знает о нём в Литве. Разрешение на цитирование нужно было запрашивать у Исследовательского центра геноцида и сопротивления литовского народа, потому что ему принадлежит авторское право на перевод на литовский язык. Ответ этого центра перед первым изданием книги, сразу же задававшегося вопросом, будет ли дневник в книге использоваться для «позитивных» целей или нет, был следующим: «Мы понимаем, какова цель этой книги, и поэтому мы не согласны с использованием отрывков “Панярайского дневника” в книге автора. Хватит того, что она сама выберет из архивов. Конечно, никто не запрещает ей писать, что “Panerių dienoraštis” – “Панярайский дневник” также был опубликован на литовском языке».

Что тут добавить? Поэтому я цитирую литовский перевод в той мере, в какой это не запрещено литовскими законами:

*IV. Четвертое число, «Страшный судный день» в воскресенье, так как молнией поражают новости: должны привезти евреев поездами на запасные пути и расстрелять. [...]**

Расстреляно всего 11 партий и около 11 часов все затихло. Вы уверены? Конечно! Потому что поезд был пуст, и локомотив прибыл, чтобы забрать его.

Всё имущество убитых, которые раньше высадились из вагонов на землю, казалось, было похоже на гигантскую гору вещей и еды. Подушки, матрацы, детская одежда, банки, всевозможные сумки, чемоданы, кухонная утварь, картофельные мешки, наполненные кусками хлеба, одежда – всё смешалось.

* Kazimierz Sakowicz. *Panerių dienoraštis. 1941-1943 m.* Iš lenkų k. vertė UAB „Magistra“ Vilnius: LGGRTC, 2012, p. 87.

* Казимеж Сакович. *Панярайский дневник. 1941-1943 г.* Вильнюс: LGGRTC, 2012, стр. 87.

Как оказалось, с 7 до 11 часов были расстреляны 49 вагонов людей.

Ещё не конец.

На станцию прибыл новый поезд с жертвами.

*Литовцы двумя рядами идут за новыми жертвами. Через несколько минут звучит много выстрелов, один еврей пробежал перед домом Чесника, молодой, крепкого сложения, за ним – полицейский, звучит выстрел, еврей начинает хромать, литовец его догнал у забора, он уже лежал на земле, умоляюще поднимая руки, литовец что-то говорит, он кивает головой и вынимает из-за пазухи какой-то черный узелочек. Литовец берёт, смотрит, прячет в кармане, ещё что-то спрашивает у еврея, еврей отрицательно кивает головой, литовец стреляет почти в упор. Еврей падает. У тела убитого лежит ученический билет с фотографией Юдея Шапиро, ученика Швянчёнской средней школы, сына Бенджамина.**

1943. V.29

*В Понарах после «Последнего судного дня» многие не пьют некипяченую воду из-за страха, что в воде есть кровь.***

Одним из самых потрясающих свидетельств дневника Саковича является рассказ о собаке из Понаров.

*Мышка – это маленькая, серая с кривыми ушами и длиннохвостая сука. Эта сука лает ужасно по вечерам, до позднего вечера, а утром можно видеть, как она возвращается с «базы». Ох! Дети Янковского и Рудзинского знают Мышку, потому что они пасут животных у «базы»: они часто выгоняют её из ямы. Она копает землю в яме, а затем рвёт остатки одежды жертв и ест их тела. Она рвёт и грызет грудь, живот, ноги – всё что откопает: лицо, щёки. Это маленький монстр. Но Сенюцис гордится тем, что у него такой маленький монстр. И сам Сенюцис имеет еврейское происхождение. Возможно, у суки есть его очень близкие родственники.****

* Там же, стр. 92-95.

** Там же, стр. 117.

*** Kazimierz Sakowicz. *Ponary Diary, 1941-1943. A Bystanders Account of a Mass Murder*, edited by Itzhak Arad. Yale University press, 2005, p. 97.

*** Казимеж Сакович. *Панярыйский дневник, 1941-1943 г.* Отчёты свидетелей о массовых убийствах, под редакцией Ицхака Арада. Йельский университет, 2005, стр. 97.

*Маршрут спаривания и возвращения всегда один и тот же: он проходит через отверстие забора Сенюциса и идёт к холму, а затем поворачивает к железнодорожным путям. Можно видеть, как она проходит через рельсы, затем исчезает из глаз и только после некоторого времени появляется на основании песчано-жёлтой дорожки, она пересекает её и исчезает среди деревьев, иногда возвращается, неся что-то. Один раз это было в августе 1943 года. Она в зубах несла кишки, но испугалась кого-то и бросила их перед участком земли Сенюциса. Дети их повесили на заборе Сенюциса.**

Еврейские мужчины ожидают выстрела.

* Там же, стр. 100-101.

Дневник Казимежа Саковича прерывается 6 ноября 1943 года. По словам родственников, Сакович писал дневник до своей смерти – 5 июля 1944 года его застрелили, когда он ехал на велосипеде из Вильнюса домой в Понары.

Лимонадные бутылки с записками Саковича пролежали в саду много лет и только в 1959 году они были обнаружены при вскапывании земли. Соседи подумали, что, может быть, закопано золото, и копали дальше, но нашли только бутылки с бумажными листами и отдали их в музей.

Свидетельства ученика

Ученики Вильнюсской первой ремесленной школы летом 1941 года, вместо того чтобы бездельничать, работали – в Особом отряде.

Студент ремесленной школы, перспективный слесарь, рассказывает:

Летом 1941 года я был в Вильнюсе и жил в ремесленной школе на улице Филарету. Чтобы найти работу во время летних каникул, я обратился в торговую организацию, и меня назначили в продуктовый магазин на улице Ужупис. Я работал там около 2-3 недель, но я сделал недостачу, и я был уволен.

А в середине июля 1941 года я встретил своего знакомого. Он сказал мне, что есть такое рабочее место, где можно неплохо заработать. Он объяснил мне, что нужны люди, которые должны собирать драгоценности у лиц еврейской национальности, такие как кольца, часы и другие золотые вещи. Он объяснил, что при сборе необходимо заполнить кое-какие документы, но можно взять несколько дорогих предметов, не внося их в эти документы. Я решил пойти туда по совету этого знакомого человека. Он сказал мне, где подать заявку на эту работу. Это было на улице Вильняус, я не помню номер. В кирпичном здании на втором этаже находился так называемый «Особый отряд». Первоначально я не знал, как он называется, но узнал, когда получил удостоверение, что я являюсь членом «Особого отряда». Затем я нашёл в отряде ученика ремесленной школы Ставара Влада, который учился со мной в группе слесарей. Чуть позже в этом отряде я заметил других наших учеников.

Учеников-ремесленников, которые состояли в этом отряде, кормили в общежитии ремесленной школы на улице Филарету. За службу в этом подразделении мы, ученики, не получали никакого вознаграждения. Я оставался в отряде примерно месяц, потом я оттуда ушёл и продолжил своё образование в школе.

Вначале, когда мы присоединились к отряду, винтовок не давали, и надо было без оружия выводить еврейских граждан из квартир на улицу, где их брали под охрану солдаты литовского батальона и вели их группами в тюрьму Лукишкес. [...] Уже после этого нам вручили русские винтовки. Нам необходимо было вести еврейских граждан от Лукишкеса до Понаров, где их потом расстреливали.

Участники «Особого отряда», вооружённые винтовками, отправились в тюрьму, но мы не попали в тюрьму, а остались у ворот. К тюрьме также

пришло значительное число солдат из литовского батальона, которые были в форме бывшей буржуазной Литвы. Они были вооружены не русскими винтовками, а другими, какими я сейчас не помню. На тюремном дворе евреев: мужчин, женщин и детей выстраивали, и когда они стали проходить через ворота, мы, «Особый отряд» и солдаты батальона окружили их со всех сторон, и вели их в Понары. Винтовки несли в руках. Солдаты шли спереди и сзади колонны. Я не видел солдат, одетых в немецкую форму. В каждом случае вели несколько сотен человек, точного числа я не знаю. По каким улицам мы их вели, я теперь не помню.

Я помню, что в Понарах нужно было пересечь перекресток, и сразу за перекрестком был лес, где и было место для казней. Там было несколько выкопанных глубоких ям, которые Советская Армия выкопала до войны. Насколько я помню, это были ямы диаметром около 20 метров и более. Мы загоняли осуждённых в одну из ям, и они были там до расстрела. Затем их из этой ямы группами гнали в другие ямы и там расстреливали.

*В той яме, где их держали до расстрела, осуждённые должны были оставить свои вещи, которые были в узлах. Перед ямой, в которой их расстреливали, они должны были раздеваться до нижнего белья и только затем их отводили в яму и расстреливали. [...] Нас, ремесленных учеников, на расстрел не брали, но приказывали отправиться охранять осуждённых. Участники другого отряда отправлялись на место казни и расстреливали осуждённых.**

Комментарий из протокола допроса старшины Особого отряда Йонаса Тумаса:

*Я хотел бы сказать, что в расстрелах участвовали все члены «Особого отряда», потому что этот отряд был сформирован для этого. Если какой-либо из участников «Особого отряда» один день охранял обречённых, на следующий день он их расстреливал в яме. Не было таких, которые вообще не стреляли.***

*Я могу категорически заявить, что в Понарах еврейских граждан расстреливали все члены Особого отряда.****

* LYA, K-1, ap. 58, b. 20046/3, стр. 64-65.

** LYA, K-1, ap. 58, b. 47746/3, т. 2, стр. 9.

*** LYA, K-1, ap. 46, b. 4914, стр. 83.

Свидетельства почтальона

Винцасу Саусайтису, участнику Особого отряда, в 1944 году не удалось бежать на Запад. После войны он изменил свою фамилию и жил по поддельным документам. Был арестован в 1948 году, приговорён к 25 годам тюрьмы за конвоирование и охрану евреев во время казней в Понарах. Был амнистирован в 1955 году, вернулся в Литву, создал новую семью, имел детей. На допросах других членов Особого отряда в Польше выяснились новые обстоятельства, и 26 июля 1977 года Винцас Саусайтис был снова арестован – подозревается, что он не только конвоировал евреев в Понары, но также стрелял в них. На вопрос, почему он не сказал об участии в расстрелах евреев на допросе в 1948 году, он ясно и чётко ответил: «Я не сказал, потому что меня никто не спрашивал».

Из рассказа Винцаса Саусайтиса:

В 1941 году я приехал в Вильнюс, потому что у меня не было работы. Я получил работу в центральном почтовом отделении почтальоном, где я работал, если не ошибаюсь, до весны 1941 года. Из почтового отделения меня уволили, потому что в один день я не отнес все письма адресатам, а на следующий день оставил их за кустом. Дети увидели письма и разорвали.

Летом 1941 года, когда фашистская Германия оккупировала Вильнюс, люди стали говорить, что мужчин будут вывозить на работу в Германию. Мне удалось узнать, что в Вильнюсе в здании, расположенном на улице Клайпедос, организуют вспомогательную полицию и служащих в ней не повезут в Германию. В июле 1941 года я отправился в штаб-квартиру полиции на улице Клайпедос и подал заявку на вступление.

Осенью 1941 года, я не помню месяц, я с другими членами отряда, всего шестеро, с немцем Вайсом, на грузовике мы отправились в Понары на место для расстрела людей, куда немецкие солдаты вскоре привезли на грузовике 13 пожилых евреев. Вайс приказал осуждённому снять одежду и обувь, отдать все золотые вещи, которые у них есть. Осуждённые шли один за другим к Вайсу и бросали в его портфель обручальные кольца, часы, у некоторых были золотые и бумажные деньги. После этого все раздевались до нижнего белья, снимали туфли и всё бросали в кучу вещей. После этого Вайс приказал им слезать по лестнице в яму, стать в один ряд на уже лежащие трупы и повернуться спиной. После того, как осуждённые выполнили эти указания, Вайс выстроил нас к краю ямы, т. е. шесть членов

Особого отряда и около десяти немецких солдат. Мы все были вооружены военными винтовками.

Я стоял на втором месте в ряду стрелков. Вайс предупредил нас, что мы без команды не должны стрелять. Мы все зарядили оружие и прицелились в головы стоящих в яме и ждали команды Вайса начать стрелять. Я целился в затылок второго с начала ряда в яме. Вместе со мной стояли Чепонас, Буткимас, Границкас и другие. Вайс дал команду стрелять, махнув рукой. Я стрелял вместе с другими и увидел, как человек, в голову которого я целился, был убит. Некоторые из осуждённых были только ранены. Их Вайс прикончил из пистолета. Затем Вайс приказал похоронить трупы. Я с членами особого отряда и немецкие солдаты их закопали. После этого немцы бросили в грузовик одежду и обувь расстрелянных людей, и мы вернулись в Вильнюс.

Перед смертью.

В дополнение к этому, мне пришлось несколько раз расстреливать осуждённых в Понарах. Если я не ошибаюсь, примерно три раза. Сколько я расстрелял во время службы в Особом отряде, я не могу сказать сейчас, потому что никто не считал расстрелянных.

Порядок расстрела был следующим. Арестованных раздевали до нижнего белья и забирали у них ценные предметы: обручальные кольца, часы, деньги. Иногда стрелки стояли на краю ямы, и когда они стреляли в больших ямах, то жертвы были уже в ямах. Осуждённых строили в один ряд, спиной к стрелкам. Иногда они спускались в яму по лестнице (когда их стреляли в более мелких ямах), а в большие их кто-нибудь заводил, например кто-нибудь из Особого отряда. Перед проходом в яму им приказывали взять одному другого за руки. Как правило, расстреливали десять осуждённых за один раз. Такое же количество было и стрелков из Особого отряда. Команда стрелять отдавалась Вайсом, Норвайшей или старшиной Тумасом. После расстрела мы не во всех случаях закапывали трупы. Как правило, их оставляли до расстрелов на следующий день. Затем их хоронили другие осуждённые, которых впоследствии также расстреливали.

Члены Особого отряда, помимо Понаров, также расстреливали людей в других областях. Я слышал об их поездках с их слов, но я не помню названия этих мест. Я расстреливал осуждённых только в Понарах. В других областях я не расстреливал.

Я не помню год, я с другими членами Особого отряда, их фамилии теперь я не могу вспомнить, ездил в Эйшишкес и Тракай. Что мы делали? В Эйшишкесе теперь я не помню, мне кажется, что мы там не стреляли. В Тракае члены Особого отряда, если я не ошибаюсь, вместе с местными полицейскими расстреливали осуждённых. Я тогда не стрелял в них, а стоял в охране зоны стрельбы. Число людей, убитых в Тракае, их возраст и другие обстоятельства расстрелов не сохранились в моей памяти.

Вопрос: Что вы знаете об употреблении алкогольных напитков во время расстрелов людей в Понарах?

Ответ: Во время расстрелов людей в Понарах спецотрядники пили водку. Её пили перед стрельбой в людей. Насколько я помню, её на место расстрела доставлял шеф Особого отряда Вайс. Я понял, что немцы давали участникам Особого отряда пить водку перед расстрелами, чтобы они не ужасались расстрелом осуждённых, чтобы они были более мужественными в то время. Ящик водки ставили в нескольких метрах от расстрельной ямы, на которой стояли на краю стрелки – члены Особого отряда. Они шли к ящику, выпивали водки, а затем расстреливали осуждённых.

*Хотелось бы сказать, что водка доставлялась на место расстрелов в Понары не всегда. Её доставляли, когда надо было убить много осуждённых. Когда я участвовал в расстрелах осуждённых в Понарах, то на месте расстрела водки не было.**

По данным уголовных дел в Литовском специальном архиве, по крайней мере семь почтальонов из Вильнюса служили вместе с Винцасом Саусайтисом в Особом отряде.

Участие Саусайтиса в массовых убийствах евреев в 1941-1944 годах подтверждено двумя бывшими жителями Понаров и четырнадцатью бывшими членами Особого отряда. Бывший член отряда Юстас Мартишюс рассказывал:

*Когда я пришел в отряд, там был Саусайтис, и он оставался после моего ухода. В 1943 году я перешёл в строительный батальон. [...] Я помню, что Саусайтис участвовал в расстрелах.***

Бывший старшина Особого отряда Йонас Тумас:

*Саусайтис участвовал в расстрелах много раз. Я не знаю такого факта, чтобы члены особого отряда были расстреляны за невыполнение приказов. [...] Я не помню, чтобы Саусайтис попросил меня освободить его от расстрелов. Но вместе с тем такие случаи происходили.****

Отчет о задержании лица и других обстоятельствах, которые могут повлиять на его исправление:

*Отношение к работе отрицательное, он выполняет работы, на которых может иметь личные выгоды.*****

Выписка из медицинского сертификата:

*Эмоция лабильная, очень легко плачет.******

* LYA, K-1, ap. 58, b. 47746/3, т. 2 стр. 177-188.

** LYA, K-1, ap. 58, b. 47746/3, т. 4, стр. 330.

*** Там же, стр. 330.

**** LYA, K-1, ap. 58, b. 47743/3, стр. 76.

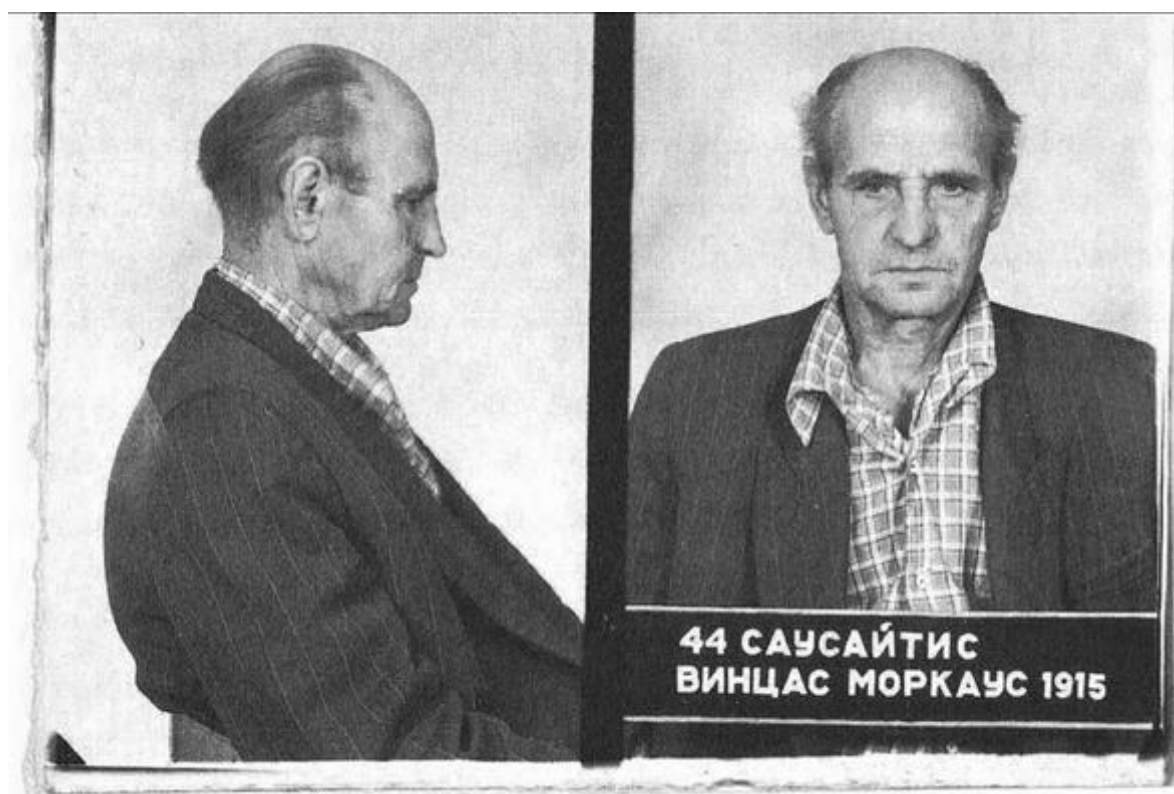
***** Там же, стр. 159.

Последнее слово Винцаса Саусайтиса на судебном заседании 16 февраля 1978 года (выдержки):

*Я сожалею, что совершил жестокие преступления против советского правительства и человечества. Палачи разрушили мою жизнь и стёрли мою совесть. [...] Я считал, что нужен своей семье, своим детям. Я пошёл туда, потому что там можно было заработать на кусок хлеба. Прошу вас помиловать моих детей.**

Последнее письмо Винцаса Саусайтиса в Верховный суд (выдержки):

Я обычный деревенский мальчик, в первый раз приехал в город и попал в такую группу бандитов – в основном офицеров, старшин, унтер-офицеров и других наставников, я не понимал, что здесь происходит, мне казалось, может быть, это так и должно быть в военное время [...], я не служил в армии, и я понятия не имел о военной службе. [...] Я выполнял приказы, я всегда старался избежать этой жестокой работы, всегда просил об этом

Обвиняемый Винцас Саусайтис в следственном изоляторе. 1977 г.

* Там же, стр. 350.

*Тумо, Норвайше и Лукоши, потому что я не мог смотреть на эти страдания и кровь, я страдал, потому что я делал плохие вещи. [...] Были любители выпить, особенно Лукоши, иногда я ставил ему бутылку, он охранял сам вместо меня, и часто я даже не ходил на работу.**

Винцас Саусайтис был приговорен к смертной казни. Приговор был приведён в исполнение в Минске в 1978 году.*

*Там же, стр. 352-354.

Через тридцать лет: сны убийцы

Зелёная школьная тетрадь, в которой находилась стопка беспорядочных листков, была вложена в дело одного члена Особого отряда. В них рукой осуждённого записаны сны в тюрьме Лукишкес в ожидании смертной казни. На обложке тетради написано:

Прошу открыть после моей смерти. Прошу не уничтожать. Очень жаль покидать родину, оставить детей, не придётся радоваться детям в старости, не поставит их на прямую дорогу, где Ленин ведёт верным путём.

11 марта. Утром кажется, что мой отец учил меня стихам, и я запел: «ноги застыли, руки застыли и голова»...

17 марта. Мне снилось, что я на своем дворе, и я вспомнил, что корова не выпущена на пастбище. Я открыл калитку забора и выпустил ее. Какая-то грязная, как будто не наша. И заборы разбиты, и я слышу – бык мычит. Так и его я выпускаю, он какой-то чёрный, маленький. И какого-то человека хотел застрелить, бродил по каким-то развалинам и целился стрелять. Затем он вышел на улицу, и я там несколько раз стрелял в него, но не убил. И я вынул из головы большую вошь и убил.

19 марта. Я шёл по красивому лесу, я хотел найти грибы, но не нашел. Такой лес чистый, белый мох. Затем я прошёл через небольшое поле, перепрыгнул через канавку и вошёл в густой лес, я хотел найти ягоды, но я не нашёл и увидел большие дубы, я посмотрел есть ли жёлуди, жёлуди были, но я их не взял. Тут Витас позвал меня, сказал «война», иди быстрее, я говорю, я скоро приду. Проснулся.

21 марта. 1. Мне приснилось, что я собираюсь в какой-то коридор помочиться. И коридор настолько грязный, везде загромождён, но я стоял в середине, и я не испачкал туфли. 2. Похоже, Йонас меня подстриг. Я говорю, не стриги много, а он говорит, я просто только укорочу, я не порежу тебе шею и не буду стричь с ушей, а порезал шею машинкой, сначала болело, я сказал, не жми так, потом болеть перестало. Выгляжу красивым. 3. Кажется, Ангеле Петрайсио прибежала ко мне голая, такая красивая, и снова убежала. 4. Марцеле Альгирдо лежала на нашей кровати как обречённая, такая худая и бледная, я лег на неё, не помню или встал, кажется, я встал.

22 марта. Мне снилось: я в своем доме, и следователь допрашивает человека, сказав: не беспокоить меня, и я вышел из этой комнаты и

предупредил, я кричу, что даже не дают одеться, потом я несколько раз хлопал дверью, но дверь не закрывалась совсем. И я пошёл по снегу, по такому чистому...

23 марта. Мне приснилось, кажется, кушал большие блины с моей дочерью, такие белые, только половинку отломил, это оказалась более тонкая половина... Там была вода грязная, не пил, просто стоял и смотрел. И я спал в каком-то доме, а на левой руке было два пореза. Кажется, мой отец обещал меня убить за что-то, но какой-то человек говорит, что это может не так, потому что оба пореза имеют одинаковую длину и уже заканчивают заживать, не болят. Это я пришел к отцу, мой отец такой большой, и как не отец, и я начал извиняться, чтобы не убил, и кажется, что он простил меня, и я заплакал.

...До суда мне снилось, что в нашей кухне готовится какой-то бал, но мы не пили и не ели. На стол положили два покрывала белого цвета. Йонас дал белое бельё, но я говорю: оно слишком тёплое, потом Юлия принесла чистое полосатое, но не совсем новое, и я оделся. Сидя за столом, я вымыл руки, но не совсем чисто, какие-то пятна остались, и я невесёлый уселся.

Перед судом я дал отцу белого петуха без головы, но он всё ещё был жив, и отец ушёл с петухом. Открыв заборную доску, я вылез через маленькую дыру, там было очень красиво, и я брёл по чистой воде.

13 апреля. Мне приснилось, что я прохожу через канаву и забираюсь на такой крутой песчаный берег. Я, вцепившись в ветви деревьев, тяжело влез в красивый лес. Красивая тонкая сосна, без ветвей, и я стоял рядом с ней. Через поле бежал заяц, я стрелял, но не застрелил. Заяц влез в куст, я прижал его палкой и вытащил его за хвост. Оказывается, эта кошка черная, маленькая. Две мёртвые мыши съела. Домой я не вернулся.

14 апреля. Мне снилось: я приехал к себе домой, поговорил с Юлей, но не видел её. Я говорю, нужно побриться, потому что нужно попрощаться со всеми. Я взял лезвия, все старые, одно точил об руку, но не брился. Я сказал своему сыну, чтобы сложил лезвия. Он сложил, сидел на диване такой красивый. Я пришёл и, и целовал, целовал. Он начал плакать.

Последнее стихотворение:

В память о сиротах, оставшихся без отца

Замёрзли руки ноги

Замёрзла голова

И где мои детишки

Что берегли меня.

*Весна приходит
Цветы расцветают
А мёртвое тело
В могиле будет лежать.*

*Прозвучит весть
О моей жестокой смерти
Только в груди
Сердце уже не будет биться.*

*Не ждите
Отец не вернётся
Потому что жёлтый песок кладбища
Глаза мне засыплет.*

*Простите меня за то
Что был плохой
Только не забывайте,
что вас растил.*

Записка на стихотворении:

*Уважаемый начальник,
пожалуйста, не уничтожайте это стихотворение, а отправьте его
моим детям.*

*Прошу мою просьбу удовлетворить.**

Просьба не была удовлетворена. Письмо со стихотворением осталось в деле.

* LYA, K-1, ар. 58, б. 47746/3, т. 4, конверт 98-57.

Свидетельства убитых

1942-1944 г. Священник Юозас Балтрамонайтис служил капелланом в тюрьме Лукишкес. Его дневник содержит беседы с арестованной еврейкой. Позже, в Понарах, её расстреляли члены особого отряда.

1943.VII.20. Сегодня я посетил заключенную Робинавичюте Шейну – еврейку из Каунаса, 24 года. Девушка выглядит очень растерянной и, кроме того, сильно напряжённой. Очень боится смерти, очень хочет жить. Я начал разговаривать с несчастной девушкой. На вопрос, как она смотрит вообще на свою жизнь, я получил от неё следующий ответ:

– Я никогда не завидовала богатству, я просто хотела свободы, хотела учиться, хотела многому научиться и жить, чтобы быть полезной людям. Я расскажу вам, как я хочу уйти отсюда... Там, где есть свобода, там и сила, но здесь её нет, её можно иметь, только живя на свободе. Что я хотела, то я делала, и у меня всё получалось. Этого нельзя получить и делать здесь. Я хотела бы открыть и разрушить решётку этой камеры, но это не получится, хотя я очень этого хочу. Я понимаю, что здесь тюрьма, здесь нет ни силы, ни свободы. О, Боже, как я несчастна...

– Какие неприятности прежде у вас были от других людей?

– Во время работы в Гебитскомиссариате меня VII.16 арестовали немецкие сотрудники службы безопасности. За что, спросила я в глубине своего сердца. Может за то, что я хорошо работала и работу выполняла? До этого один литовец в гебитскомиссариате сказал, что я немецкая шпионка. О Боже, как это больно. Я думаю, что никому не сделала что-то плохое. Один литовец из Особого отряда, который после моего допроса вёл меня из гестапо назад в Лукишкес, увидев грузовик у тюрьмы и рядом стоящего немецкого гестаповца, сказал, что на таком грузовике меня повезут в Понары расстреливать. Я взволнованно спросила, почему он так страшно мне говорит. Он ответил, что хотел посмотреть, как я буду реагировать на это заявление. Боже мой, подумала я: недостаточно, что я и так ужасно страдала, и ещё – такие ужасные слова. То, что немцы делают это – это закон, но наши люди убивают невинных людей по собственной инициативе. Я предпочла бы жить в тюрьме в течение нескольких лет, но только бы знать, что останусь в живых. Почему я хочу жить таким образом? Я не знаю...

– Как вы прожили свою молодость?

– Уже в 12 лет я начала писать стихи. На развлечения не ходила... Я много читала. Я не читала легких романов. Я читала Шиллера, Гёте, многих классиков, Кудирку, Майрониса, Вайчайтиса... Шиллер писал, что приходит время для людей прекращать творить, потому что то, что они создают, уничтожают другие... Я просто хотела всё исправить, но что я буду делать, я такая слабая, я ничего не могу сделать... Ну что из этого всего выйдет?

– Что вы подразумеваете под верой?

– Если бы я действительно считала, что существует вечная жизнь, я бы не боялась умереть. Но я этого не знаю, я боюсь. Я вспоминаю случай из жизни Максима Горького. М. Горький однажды шёл через красивое поле. Проходивший мимо пьяный старик спросил Горького: «Горький, скажи мне, есть ли Бог?» Горький ответил старику: «Если ты в него веришь, то есть, а если ты не веришь, то нет...» Да, нужно верить, что есть Бог и загробная жизнь, но кто поможет мне поверить, и кто убедит меня в том, что Бог есть и есть загробная жизнь. Много раз я говорила: «Боже, если Ты есть, то я верю... и прости меня, что я не верила; я невиновна, что я не верю, потому что я не хочу в это верить». Я прочитала у Стивенсона, что у человека много друзей и врагов: первые для него желают хорошего, а вторые плохого. Наступает смерть, и друзья уходят, забывают; но иногда даже собака, пробегая мимо, останавливается у могилы, чтобы выполнить свои естественные дела...

– Как в прошлом везло в жизни?

– Я много страдала. Я помню такие слова поэта: «Я хотел собрать бриллианты, но я нашёл только капли росы».

VII.22. Продолжение разговоров с VII.16 с арестованной еврейкой Робинавичюте Шейной.

– Как вы себя чувствуете сейчас в тюрьме?

– Здесь плохо жить... Окно камеры высоко... Я смотрю в окно, но я ничего не вижу... только забор и ограду, и верхушку берёзы высотой не более 3 метров. Веточки берёзы качаются, листья дрожат, как будто они боятся... И я тоже боюсь, вместе с дрожащими листьями этой березы. Но почему я вздыхаю и всё жалуясь... Вечно быть несчастной некрасиво. Как я хочу жить, поэтому в настоящее время нужно быть благодарной, если кто-то даст хоть несколько часов, чтобы жить... Но если мне суждено умереть, так будет такая воля Божья. Желание жить настолько сильное,

что оно не позволяет мне понять волю Бога, волю, которая хочет, чтобы я умерла... Я стала такая неопишущая эгоистка, я говорю только о себе, и я не говорю о высших вещах: о боли, о добре... Я ненавижу себя, что я так много говорю о своей жизни...

- Как вы себя чувствовали в прошлом?

- Мне нравится много читать и писать, я люблю природу и многое другое. В Германии в течение 5 месяцев я часто оставалась одна на берегу, я рвала цветы, их обнимала, целовала, любовалась и желала, чтобы люди были такими же невинными и красивыми, как эти цветы. Я делала это всю свою жизнь...

Я часто писала о цветах в Нюрнберге Оскару, с которым мы хотели пожениться. Я неоднократно писала ему, что и жизнь нас двоих будет такой же прекрасной, как и эти цветы. В моём последнем письме, написанном Оскару, теперь я вижу, как будто я осознала свое нынешнее несчастье. Я написала ему: «Оскар, я как будто чувствую, что есть люди, которые хотят и жаждут столкнуть с порога наше счастье...» Это так и было.

VII.23. Продолжаю разговор с Робинавичюте...

– Как идёт допрос?

– Меня очень смущает, что во время допроса всё было так хорошо, меня не били, сочувствовали, вежливо со мной разговаривали. Также в тюрьме все ко мне очень хорошие и вежливые. Или Бог хочет, чтобы перед смертью мне были приятны все люди. Что такое хороший человек? Мне кажется, что у хорошего человека должно быть что-то особенное... Но для меня сегодня хорошо то, что не ругают и мне сочувствуют.

– Какой взгляд на будущее?

– Если бы я знала, что мне нужно будет жить в тюрьме в течение 5 лет, я бы много читала, попросила разрешения писать... Но как сейчас, жизнь в этом мире не имеет значения: приходится самой страдать, приходится видеть, как страдают другие...

– Как вы себя чувствуете в камере?

– Как птичка в клетке... В камере есть мыши, я их очень боюсь. Даже смех берёт – такая большая девочка и боится таких маленьких мышек...

Начиная с VII.20, Робинавичюте готовится к крещению. Мы всё повторяли сегодня. Она отлично знает молитвы как по-литовски, так и на

латыни, и знает много псалмов, она несколько лет жила в Каунасе с монахинями, с которыми сердечно дружила и с ними ходила в церковь. Уже VII.25 я согласился крестить её утром в церкви в тот же день. Она была полна решимости принять крещение. VII.24 как гром ударило известие о том, что Робиновичюте везут в Понары. Ей сначала сказали, что отпускают в гетто... но она сразу же узнала, что её отвезут в Понары. Страшно переживает... В камере я крестил её в имя Марии, она приняла святое причастие. Её лицо просветлело... Она смущённо говорит:

– Я хочу жить... потому что я никому не сделала ничего плохого... Как жестоко: я буду стоять на краю ямы, и на меня наставит винтовку человек, которому я не делала ничего плохого, которого я никогда не видела... которого я не хочу видеть, но буду вынуждена увидеть.

Я искренне прощаюсь с новообращённой Марией, желаю ей силы, и попросил её молиться о мире, чтобы в мире не было больше насилия... Она покидает камеру с суровостью и в то же время с любовью, глядя на меня, вытирая глаза, сказав последнее «прощай». Увидев в коридоре немцев с автоматами и солдат особого отряда, она кричит необыкновенным голосом и начинает умолять о пощаде, о которой она также просила в гестапо... Один солдат особого отряда, согласно указаниям немца, чтобы не кричала, затыкает ей рот тряпкой...*

В августе 1944 года, когда советская армия вошла в Вильнюс, в Понарах была проведена эксгумация останков убитых в 1941-1944 годах. Находки из шести ям пронумерованы и тщательно описаны в протоколе эксгумации от 23 августа 1944 года:

№ 9. Труп человека с разбитым черепом. Некоторые кости отсутствуют. Гражданская одежда – серый костюм, обувь. В кармане найден паспорт, имя неразборчиво. Год рождения – 1920.

№ 24. Женский труп 20 лет. Одежда: хлопчатобумажная кофточка, трикотаж, нижнее бельё, юбка из ковровой ткани, шёлковые носки, обувь. На правой стороне лба и на боковой и правой стороне шеи есть два входных пулевых отверстия 0,7 см. Одно выходное отверстие 8 × 6 см было найдено на левой стороне затылка под кожей, где была обнаружена пуля 0,8 мм. Ещё одна пуля была обнаружена во рту.

* Juozas Baltramionaitis. *Dienoraštis (1942-1944)*. Vilniaus sunkių darbų kalėjimo kronika. Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis, t. 22. Vilnius, 2003, p. 558-561.

№ 26. Труп женщины в возрасте до 20 лет. Одежда: трикотажная блуза, крепдешиновое платье, кожаный ремень, футболка, трусики, носки, обувь, марлевый шарф на голове. Тёмно-коричневые волосы до 20 см. Входное пулевое отверстие 0,8 см на правой щеке, выходное отверстие на затылке слева внизу, где был обнаружена пуля 0,8 см. Молочные железы хорошо развиты.

№ 36. Труп женщины 50 лет. Одежда: трикотажная ткань, шёлковое нижнее бельё, две юбки, один ботинок, где под подошвой были найдены 1000 марок. Есть один зуб во рту.

№ 68. Труп девочки в возрасте до 4 лет. Одежда: белое короткое платье, рубашка, носки, обувь. Череп и лицевые скелетные кости не повреждены.

№ 78. Труп человека, возраст нельзя определить. Одежда: рубашки, нижнее бельё, носки, обувь, без головы.

№ 80. Труп человека около 70 лет. Одежда: нижнее бельё, бельё, обувь. Череп раскрошен: отверстие 18 × 15 см.

№ 117. Труп девочки 4-5 лет. Одежда: футболка, трусики. Одна пуля прошла через правую сторону лба, вторая через правую щеку, оба выхода в одном отверстии на шее.

№ 123. Труп мальчика 12-13 лет. Одежда: чёрные хлопчатобумажные брюки с записной книжкой, карандашом и карандашом в карманах. Нижняя часть затылка разбита.

№ 192. Труп старушки с длинными волосами. Одежда: пальто, платье, две рубашки, колготки, носки, сапоги. Нет нижней челюсти.

И так далее...

Конец отчета:

Выкопав 486 трупов в 1-й, 2-й и 3-й ямах, дальнейшие исследования были прекращены, так как причина смерти повторяется и ясна.

Подписи: главного медицинского эксперта 3-го Белорусского фронта и 6 патологоанатомов.*

* LYA, K-1, ap. 58, b. 47746/3, t. 4, p. 177-250.

Эксгумация останков в Понарах. 1944 г.

Не сгоревшие в аду: свидетельство сжигателя

Осенью 1943 г. гестапо начало готовиться к уничтожению следов массовых убийств в Понарах. Была выкопана новая 8-метровая яма, покрыта крышей и оборудована кроватями и кухнями внутри. В конце 1943 г. под руководством офицера Вильнюсского гестапо Ойгена Фолхабера охранники привезли около 80 евреев и советских военнопленных. Они были размещены в яме и должны были выполнять специальную работу, представляющую государственный интерес – сжигание трупов расстрелянных. Привезённые евреи и пленные выкапывают трупы и помещают их в специально подготовленные пирамидальные костры высотой 4,5 метра. Окрестности Понаров на долгое время загрязнены запахом горелой человеческой плоти.*

Жертвы Понаров. 1944 г.

* Arūnas Bubnys. Mirties konvejeris Paneriuose: budeliai ir aukos. Iš: Kazimierz Sakowicz. *Panerių dienoraštis. 1941-1943 m.*, p. 17-18.

Свидетельство Авраама Блейзера, чудом сбежавшего из ямы в Понарах в октябре 1941 года:

*Меня не убили, потому что, услышав первый выстрел, я упал в яму. Через несколько секунд я почувствовал, что меня придавили несколько недавно застреленных мертвых тел. [...] В то же время солдаты были пьяны и, кроме того, заняты дележом одежды, я, хотя и был придавлен и замёрз, накопил всю силу и оттолкнул трупы, которые накрыли меня и, выбравшись из ямы, я отправился в лес.**

Авраам Блейзер был схвачен, его вернули в Понары зимой 1943 года.

Когда мы приехали в Понары, мы все были скованы цепями. Работа была организована следующим образом: пятнадцать человек пилили для костров дрова. Десять человек выкапывали мертвые тела, а шесть человек получили специальные крюки полтора метра в длину с острыми концами в двадцать пять сантиметров. Им нужно было воткнуть крюк в откопанное тело и вытащить его из ямы с помощью этого крюка.

Иногда мы находили мертвые тела не сгнившими, а засохшими, в таких случаях мы могли различать цвет их волос. Очень сильно разложившиеся тела вытаскивали по частям, отдельно голова, отдельно рука, нога и т. д. Десять человек работали с носилками по двое на одни носилки, на которые грузили один или два трупа. Двое людей всё время работали при кострах, на которых они эти трупы сжигали. Трупы мы складывали рядами и каждый ряд обливали бензином (горючим). Один человек двухметровой кочергой постоянно поддерживал в кострах огонь, направляя огонь и очищая костёр от пепла.

Из первой ямы мы выкопали восемнадцать тысяч тел мужчин, женщин и детей, у большинства головы были разmozжены пулями. Первая яма была результатом ликвидации второго Вильнюсского гетто. Было много поляков, которых определяли по крестам на груди. Были также священники, которых мы определяли по одежде. Было много поляков, руки которых были связаны за спиной проводами, ремнями, часто колючей

* Abraomo Bliazerio parodymai Ypatingajai valstybinei komisijai, 1944 m. rugpjūčio 15 d. Iš: *Masinės žudynės Lietuvoje, 1941-1944. Dokumentų rinkinys. I dalis.* Vilnius: Mintis, 1965, p. 167.

* Свидетельство Авраама Блейзера Специальной государственной комиссии, 15 августа 1944 года. Из: Массовые убийства в Литве, 1941-1944 годы. Сборник документов. Часть I. Вильнюс: Минтис, 1965, стр. 167.

проволокой. Некоторые трупы были обнажёнными, некоторые полунагими, другие только с носками.

Из четвёртой ямы мы собрали восемь тысяч мёртвых тел, только молодых людей, часто с завязанными глазами или головами.

В пятой яме, ширина которой составляла двадцать-тридцать метров, и глубина в шесть метров, было около 25 тысяч трупов. Мы нашли в этой яме жителей приюта, а также больных, которые были привезены сюда с сотрудниками больницы – это мы узнали по больничной одежде. В той же яме расстреляли и приют для сирот.

*Таким образом, мы собрали около 68 тысяч трупов из всех восьми ям.**

Ночью 15 апреля 1944 г. тринадцать сжигателей трупов смогли вырваться из Понаров по выкопанному ими тайно туннелю длиной около 30 метров. Одиннадцать беглецов присоединились к советским партизанам в Руднинкайском лесу. Вместо беглецов в Понары была привезена ещё одна еврейская группа из Вильнюса, и она продолжала сжигать трупы почти до конца немецкой оккупации. В конце работы все сжигатели трупов были расстреляны.

* LYA, K-1, ap. 58, b. 41081/3, стр. 172.

Судьбы членов Особого отряда

По словам свидетеля Юозаса Мекишюса, который был допрошен в Польше, в Особом отряде служили более 500 человек в течение 4 лет.*

Один из членов Особого отряда после войны работал дирижёром в Доме культуры и художественным руководителем. Несколько членов отряда скрывались в Польше до восьмидесятых годов 20-го века под чужими фамилиями. Один из членов отряда Владас Буткус, который жил в Польше как Владислав Буткунас, был пойман, на первом допросе выскочил из окна, получил ранения, но позже был приговорен к смертной казни. Всего было выполнено 20 смертных казней – в Польше, Белоруссии и Литве.

Некоторые члены Особого отряда не были приговорены за убийства – они отрицали их либо молчали о них – но за охрану осуждённых и конвоирование на место убийства. Когда обнаруживались новые обстоятельства, некоторые из их обвинений были возобновлены, их судили и наказывали более суровыми наказаниями. Некоторые члены отряда, приговоренные к 25 годам лишения свободы, отбыли более короткий срок и в начале 1990-х годов были реабилитированы прокуратурой Литовской Республики. Одним из таких является Владас Корсакас, член Особого отряда, который работал после войны руководителем Дома культуры в Латвии. Он получил документ такого содержания, за подписью генерального прокурора Артураса Паулаускаса: отмечается, что «Владас Корсакас был незаконно репрессирован, Литовская Республика признаёт его невиновным, и его права должны быть восстановлены. Репрессированному назначена компенсация, которая будет выплачиваться местным муниципалитетом, и возвращена его собственность»**

Большое количество членов отряда отступили вместе с немецкой армией на Запад и позже жили в Англии, Австралии, США. Они умерли в преклонном возрасте.

Самое интересное – судьба тех членов отряда, о которых в совершенно секретных делах КГБ написано «принадлежал к агентской сети» или «переведен в агенты», или «Агент Йонас»***. Что им предлагали в КГБ?

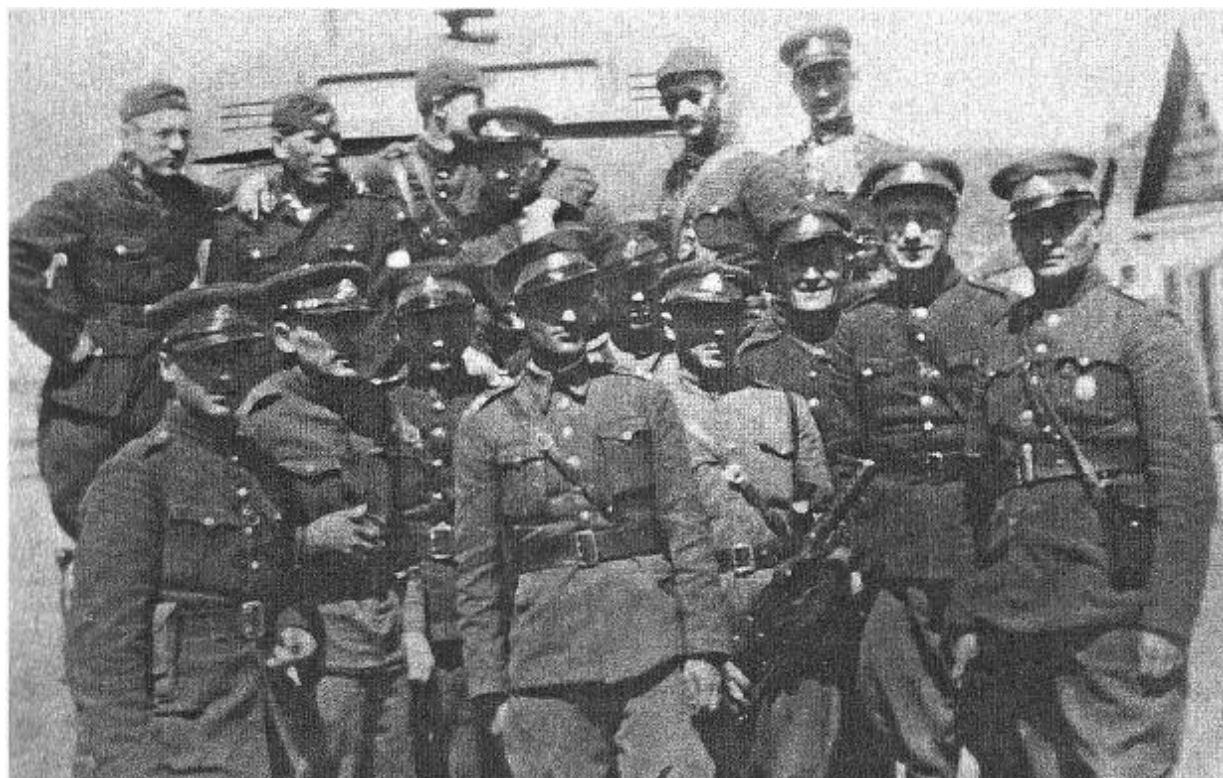
* LYA, K-1, ap. 58, b. 47746/3, t. 3, p. 147.

** LYA, K-1, ap. 58, b. 41081/3, vokas 227-2

*** LYA, K-1, ap. 58, b. 47746/3, t. 3, p. 226.

Меньшие наказания? Агентом КГБ также была и работавшая поваром столовой Особого отряда, в КГБ она называлась «агент Ирена».

Только один из членов Особого отряда покончил жизнь самоубийством – во время операции в Понарах выстрелил себе в живот и вскоре умер в больнице. А так ли это? По другим свидетельствам, он просто чистил винтовку. Фамилия этого человека – Ивинскис.

Члены Особого отряда. В последнем ряду с солнцезащитными очками стоит Владас Корсакас (реабилитированный в современной Литве)

Статистика деятельности Особого отряда:

1941-1944, Вильнюс, Понары – 35 000-70 000 человек.

Осенний период 1941 г.

20 сентября, Неменчине – 403 человека.

22 сентября, Новая Вильня – 1159 человек.

24 сентября, Варена – 1767 человек.

25 сентября, Яшунай – 575 человек.

27 сентября, Эйшишкес – 3446 человек.

30 сентября, Тракай – 1446 человек.

6 октября, Семелишкес – 962 человека.

7-8 октября (Еврейский Новый год), Швянчёнис – 3450 человек.

Командированные убивать

Антанас Импулявичюс

Майор Антанас Импулявичюс, офицер литовской армии, когда Литва была оккупирована Советами, был арестован и находился в тюрьме в течение 9,5 месяцев. Он мог подвергаться «мерам физического воздействия».

Дело Импулявичюса было поручено следующим лицам еврейской национальности: заместителю начальника 3-го отдела НКВД ЛССР, ст. лейтенанту Даниилу Шварцманасу, начальнику отдела следственной части НКВД ЛССР Евсею Розаускасу и Моисеею Виленскому, а также двум русским служащим и одному гражданину Литвы. Когда началась война,

Эмблема батальона А. Импулявичюса. Автор – лейтенант Юозас Юодис, один из командиров батальона.

*Импулявичюс был освобождён батальоном TDA, он запросил 5-недельный отпуск для поправки пошатнувшегося в тюрьме здоровья и лечения нервов.**

Командиром батальона А. Импулявичюс стал в августе 1941 года. Это был второй батальон TDA/PPT. 6 октября батальон торжественно провожают в Белоруссию.

Им были переданы поздравления, полученные от генерального советника Петраса Кубилюнаса. Каунасский военный комендант обратился к солдатам следующим образом:

6 октября 1941 г.

Приветствие:

Отбывающие солдаты, выполняйте с решительностью, честно и благородно назначенные вам обязанности. Везде, всегда будьте достойными

* Alfredas Rukšėnas. Kauno savisaugos batalionų karių dalyvavimo žydų ir kitų asmenų grupių žudynėse vokiečių okupacijos laikotarpiu (1941-1944) motyvai. Iš: *Genocidas ir rezistencija*, p. 47-48.

почётного имени литовского солдата, потому что вы будете представлять всю литовскую нацию.

*КРТ Квецинскас, каунасский комендант.**

Солдаты батальона во главе с майором Антанасом Импулявичюсом в 1941-1944 годах в Литве и более чем в пятнадцати местах Белоруссии убили 27 000 евреев, военнопленных, гражданских лиц и участников антифашистского сопротивления. С 8 октября по 13 ноября 1941 года этот литовский батальон участвовал во всех акциях по холокосту в Белоруссии (например, в операции «Акция без евреев» (на немецком языке Aktion Judenrein), а затем в казнях евреев в Минской, Борисовской и Слуцкой областях).

*Батальон участвовал в убийстве евреев в Слуцке и делал это с таким энтузиазмом, о котором позже гебитскомиссар Карл писал генеральному комиссару Вильгельму Кубе: «С сожалением я должен сообщить, что выполнение акции было похоже на садизм». Как особую жестокость Карл определил, что некоторые евреи вылезли из своих могил, другими словами, они были похоронены заживо. «Я прошу удовлетворить мою просьбу в будущем держать этот батальон как можно дальше от меня».***

Далее предлагаю интервью солдат батальона Импулявичюса, полученные из фондов музея Холокоста в Вашингтоне, из коллекции Джеффа и Тоби Херров. С солдатами говорит режиссер Саулюс Бержинис.

Леон Стонкус родился в 1921 году в Дарбенай. В начале войны ему был 21 год. В годы Советской оккупации он с четырьмя друзьями пытался перейти немецкую границу в поисках работы. Был пойман русскими, заключён в тюрьме в Каунасе, был освобождён в первый день войны. Охранники, охранявшие заключенных, отперли двери и всех выпустили.

***Леон Стонкус:** Мы спустились вниз, там, в столовой, полно людей, может быть, полторы тысячи. Там литовцев записывали в добровольцы. Я подумал: моя жизнь очень печальная, всё равно нужно будет служить в*

* Robert van Voren. Neįsisavinta praėjus: *Holokaustas Lietuvoje*, p. 189.

армии... Сказали куда идти, туда мы оба и вступили – стали литовскими военными добровольцами. [...] Мы получили литовскую военную форму и повязку: литовский военный доброволец. Учились пять месяцев. Потом дали оружие. Мы охраняли железнодорожную станцию, аэродром Шанчяй. Потом внезапно команда: выехать в Минск. И всё.

А вам приходилось участвовать в расстрелах?

Молодых расстреливать не заставляли, но давали более трудную работу. И не платили деньги. Кто всегда расстреливал, они были более зрелого возраста... Никто не знал, что придётся ехать на расстрелы. Привезли, евреев поставили в ряд, а затем получаешь приказ: «Оружие вверх!» «Наметить цели!» «Огонь!» – и стреляешь. Те, кто стрелял, получали дополнение к зарплате за работу. За стрельбу в евреев платили особенно хорошо.

Сколько платили?

Сколько получали, не говорили. Вначале меньше, потом больше, больше... Те, кто стрелял, были добровольцами. Весь батальон был добровольцами.

Можно ли было отказаться стрелять?

Это было возможно. Но если бы весь батальон отказался стрелять, наши офицеры вышли бы из себя. Посмотрели бы на этих офицеров – как свирепо они выглядели... Я не понял, получали ли они золото. Когда вы стоите среди солдат – «Огонь!» – и стреляют. Все стреляют. Если «огонь», то и ты должен сделать «огонь».

С какого расстояния нужно было стрелять?

Нужно стрелять с расстояния около 10 метров.

Сколько застрелили людей?

Именно я? Одного. И то не смертельно. Я не мог этого делать, и всё. Мне плохо делалось, дрожу и всё.

Как выглядел ваш выстрел?

Пять выстрелов в обойме. Пять израсходуешь, потом дают ещё. Солдаты становились на другой стороне ямы после того, как приводили евреев. Все делалось очень внезапно: быстро выстраивали и сразу же... Кто там их закапывал, я не знаю, белорусы или другие гражданские лица, им платили зарплату.

Вы видели их лица?

Евреев? Люди, как люди.

Куда стреляли?

Прямо в грудь. Мы не в голову стреляли. В голову нужна точность. Солдат было много, некоторые волновались... Такую работу делают...

Они смотрели на тебя?

Что, евреи? Нет. Они смотрели в другую сторону. Не видели тех, кто стрелял.

Как вы стреляли?

Я стрелял в левую сторону. Он не упал, он так клонился, клонился, клонился. Старишина стоял рядом с ним, выстрелил в него, он внезапно упал.

Что было дальше?

Ну, ничего. Если не можешь стрелять снова, тебя отстраняют, в этот день не стреляешь. Другие приходят.

Что вы делали, когда вас отстранили?

Ну, я отошёл, поставил винтовку, опёрся на ствол. Подошёл унтер-офицер, говорит, почему не в строю? Я говорю «нет», я не могу. Мне плохо, очень плохо, я ничего не могу сделать, сделайте что хотите, хоть меня стреляйте. Тогда, говорит, поставьте оружие здесь, рядом со всем оружием и отступите назад за спины солдат.

Вы возвратились домой без оружия?

Без оружия. И прямо в карцер. И затем допрашивали, почему так делал, почему поднял панику. Я говорю, я паники не поднимал, я никому не говорил, чтобы они не делали бы этого. Я не могу, сделайте, что хотите со мной, я в юности этого не делал, и теперь я этого не сделаю.

Сколько ещё отказались?

Кажется, немало. Трудно сказать, сколько, может двадцать. Все молодые. Не служившие в армии. Из Каунаса, из Плунге, из Тельшия, из Шяуляя было немало.

А всех одинаково наказывали, кто отказался?

Тех, кто не служил в армии, их одинаково наказывали. А которые уже служили в армии и отказывались, их уже строго, знали, что из них солдата не будет. Когда я отказался, я после этого был только охранником.

Выпивать давали?

Ну, возможно, старишинам, а так нет. Боялись. В конце концов, могли бы покуситься на начальство.

Евреи пытались убежать?

Нет. Я не знаю, может быть, в тот момент что-то парализует. Все люди были как обмершие. Они ведь видели, зачем их привезли сюда. Отобрать жизнь. Все застывали. Никто не двигался

Как это было с детьми?

Дети не понимали, что будут убивать. Дети идут, матери следом...

Все ли были разодеты?

Нет, детей не раздевали. Ни женщин, ни детей. Только мужчин.

Кого вы расстреливали первым?

Первыми мужчин.

Почему?

Понимаете, чтобы не вызывать тревоги. Когда мужчин расстреляли, женщины сами ложились на землю и всё. А дети прыгают, они понятия не имеют, что здесь будет. Дети не понимают, что родители больше не живы. Которые побольше, девочка, мальчик, те понимают, но которые маленькие, играют, и всё.

Они не боялись этих выстрелов?

Не боялись. Они не волновались и не понимали, что всё уже кончено и навсегда... Не было ничего страшного. Матери вели детей. Была такая команда: ребёнка не оставлять. Дайте соседке, пусть соседка ведёт... К яме приводили вместе. Мало того, что стреляли солдаты, были поставлены пулеметы.

Что делали ночью после стрельбы?

Тот, кто делал это, видите, уже пел по ночам... По-видимому, приносили самогон, продававшийся частниками на железнодорожной станции. Напьются и поют.

На исповедь ходили?

Церковь была в центре Минска, белорусская, но католическая. В церковь ходили. Вся рота шла. С оружием. О, хороший был священник...

Игнатавичюс?

Кажется. Исповедь была общая. 4-5 человек собираются, и исповедуются, за свои грехи. И потом священник перекрестит, попросит помолиться, молишься. Вам не нужно было говорить священнику в ухо.

Почему так делали?

Мне кажется, что нет необходимости говорить об этом в ухо. Если я сделал жестокую вещь, то мне этого не отпустят. Становись на колени, поцелуй землю и проси прощения у Бога.

А вы кому-нибудь рассказывали о том, что застрелили мужчину в Руденске?

Я сказал, когда пришёл к своему исповеднику в отпуске в Дарбенай. Я сказал, что застрелил одного человека, а сразу ли он умер или не умер, этого я не могу сказать. Но я больше не занимался такими делами. И сейчас я сожалею.

Жертвы массовых убийств. Место неизвестно.

Что сказал вам священник?

Он сказал: в такой юности, и такой жестокий грех, но ты был, по-видимому, вынужден. Ты же не добровольно стал стрелять. Всё.

А рассказывали детям?

После войны рассказал. Знали дети. Я сказал, что был в такой армии, которая должна была быть в таком месте, где они расстреливали людей еврейской национальности. Я должен был быть там, и я должен был убить одного. Скажи, отец, почему ты пошёл в эту армию? Поскольку у меня не было дома, мне негде было жить, я должен был пойти в эту армию. Я специально не стрелял в евреев. Литовские добровольцы – это батальон и все такое. Защита Литвы, а не такие дела. И если правительство это сделало, то это правительство виновнее.

Когда вы охраняли евреев, думали ли вы, что вас могут обратно взять к яме, стрелять евреев?

Нет, не взяли бы. Если вы откажетесь, вы уже будете приговорены к смертной казни или к тюремному заключению, но вас не отправят стрелять. Потому что сами командиры не знают, в кого вы будете стрелять. Если вы вдруг повернётесь и выстрелите в командира?

Считаете ли вы, что те, кто стреляли, то стреляли добровольно?

Да, конечно, добровольцы. Как можно заставить? Никого не заставляли.

Апрель 1988 г.

Юозас Алексинас родился в 1914 году и служил в армии независимой Литвы, а затем в батальоне А. Импулявичюса. Во время советской оккупации был профсоюзным секретарем.

Во время казней в Белоруссии ему было 28 лет.

Военный капеллан отец З. Игнатавичюс и солдаты батальона А. Импулявичюса на обряде в Шацке.

Юозас Алексинас: *Служить в 1941 году из резерва призвал Кубилюнас. Мне пришлось явиться в комендатуру. Сказали, чтобы охранять внутренний порядок. Полгода. Помогать немцам. Мы охраняли военнопленных на работах в торфянике.*

Когда вас отправили из Литвы?

Точно не скажу, я только помню, что была осень, с сентября по конец октября или в начале октября. Отбыли в Минск. Не сказали, куда везут, только посадили в машины. Тогда первый и последний раз я видел командира батальона майора Импулявичюса, участвовал в прощании.

Как долго вы там пробыли?

В мае растаял снег, и тогда я сбежал.

Почему сбежали?

Я не хотел воевать за немцев. Немцы не были настоящими друзьями, мы были только их инструментами. Хотя они нами не командовали, они просто ездили с нами. Мы не понимали их языка, поэтому нами командовали наши офицеры. Гецевичюс – командир отряда, командир роты Плунге. Я знал, что из всех офицеров только Гецевичюс хорошо владел немецким языком, что у него всегда был общий язык с немцами. Приказания, которые мы получали, передавал нам. Жили в Минске, не в казармах, но отдельными небольшими группами в комнатах.

Так вас возили по всей Белоруссии?

Возили.

И в каких городах вас заставляли стрелять в евреев?

Во всех. Было много автомобилей, в крупные города ездили всем батальоном. Мы ездили в крытых немецких машинах. Никто не говорил нам, куда мы едем. Местная полиция шла по квартирам и собирала евреев, их вели на площадь. Впоследствии, согласно списку, немцы оставляли для себя, кого было необходимо – возможно, врачей или инженеров, все остальные попадали в яму. Ямы уже были вырыты за пределами города, на склонах.

Сколько вам пришлось видеть этих расстрелов?

Сейчас я уже не могу сосчитать. Около десятка. Нам приходилось вести людей с площади к яме, и там мы стреляли. Мы брали группы из массы людей и убивали их.

Были ли они с вещами?

Нет, просто одеты. Вещи из дома не давали брать. Их вели строем по четыре человека. В большом городе колонна становилась длинной. Часть солдат уже стояла по краям ямы, а некоторые приходили к яме позже. Загоняли в яму, укладывали лёжа, и мы расстреливали их.

Стреляли лежащих?

Лежащих. Расстреливали один ряд, затем другой ложится сверху, затем ещё один.

Землёй не засыпали?

Нет. Затем, в конце, только хлоркой засыпали. Кто их засыпал окончательно, я не знаю. Мы заканчивали стрельбу и уходили. Нам выдавали русские винтовки и русские боеприпасы. Среди боеприпасов были разрывные и зажигательные пули. Бывало, загоралась одежда, одних приводят, а здесь горит одежда, такой запах исходит от горящего тела. Противно. Я не могу вам объяснить, это надо видеть.

Людей приводили, и им приходилось ложиться на этих горящие трупы?

Да. Ложились и всё. Сопротивления не было. Так чтобы остановиться на краю ямы: не пойду... Раздевались, лезли и ложились.

В какое место нужно было целиться?

В основном в грудь. Или в затылок. Но были разрывные пули, которые просто дробили череп человека.

Сколько убивали за один день?

Чёрт его знает. Сколько привозили, столько и стреляли. Не уезжали, не закончив. Назад из этих групп никого не везли. Никто не говорил сколько, привезут тысячу или две, или сто, или около того. Они шли как ягнята, никакого сопротивления.

А дети?

Одних маленьких детей несли, других вели. Мы убивали всех.

А если мать или отец держит ребёнка на руках, он или она ложатся в яму вместе с ним?

Ложатся вместе с ребёнком, положив руку на ребёнка.

Вам нужно было выбирать, стрелять в отца или ребёнка?

Сперва стреляли в отца. Ребёнок ничего не чувствует. Подумайте: как себя чувствует отец, когда рядом с ним убивают ребёнка? Не из автомата стреляешь, одна пуля отцу, потом ребёнку.

Что вы чувствовали, когда вы расстреливали, каково было ваше настроение?

Не спрашивайте. Становишься человеком похожим на автомат. Делаешь, не зная что. Противно. Немцы редко стреляли, в основном фотографировали...

Когда вы стреляли, то задавались вопросом, почему этих евреев расстреливали?

Я никого не виню, только Бога, если он есть, почему он разрешает убивать невинных людей. И тогда я так же думал.

Апрель 1988 г.

Солдат батальона А. Импулявичюса в командировках кормил повар Стасис.

Стасис: Сначала они не говорили, что ездят на расстрелы. Ездили «на операцию». Большинство были добровольцы. Не все могли это делать... Когда они уезжали на операцию, то возвратившись, не брали суп, много оставалось...

Почему не брали суп?

Это было, когда они имели полные карманы денег. В карты играли, выпивали, пьянствовали несколько дней.

Как здесь было с этими добровольцами? Шли всегда те же самые, или в следующий раз другие?

Те, кто жадные были, видели, что другие получают хорошие вещи, деньги, и в следующий раз они просились принять участие в операции. Многие не сразу пошли. Те, которые трусливые, не просили об этом, и они этого не делали. А те, которые азартные, просили об этом.

Скажи мне, но как же уживались те, кто пошел на эти операции, и те, кто не пошел?

Те, которые едут, счастливы получить трофеи. А те, кто не пошел, не хотели эту добычу. И те довольны, и эти...

1998 год.

В литовской прессе постоянно освещали ежедневный распорядок батальона. Вот что писали в патриотическом издании «Воин» в 1942 году:

В 10 часов в Минском соборе была молитва. Проповедовал капеллан восточных литовских батальонов Игнатавичюс. Во время служения в Минском соборе звучали литовские песнопения. Молитва была завершена литовским гимном. [...]

*Продолжая программу, хор батальона спел несколько литовских песен. Воины батальона прочитали несколько стихотворений, написанных ими и некоторыми из поэтов. Затем играли сцену «Эхо Родины», написанную лейтенантом Йодисом. Программа была дополнена куплетами «Минские колокольчики», которые показывали наиболее типичные события в жизни литовских батальонов.**

Жизнь «минских колокольчиков» не была сладкой. Большинству солдат, которые вступили в батальон летом 1941 года, пообещали, что они

*„Karys“, 1942 m. kovo 14 d., Nr. 12. Iš: *Masinės žudynės Lietuvoje, 1941-1944*, p. 319-320.

будут служить 6 месяцев, а служили они в два раза дольше. Никто даже не собирался отпускать их домой, где остались хозяйства, жены, дети. На просьбы солдат уволить со службы, потому что они уже отслужили больше чем год, немцы не реагировали.

Один из командиров литовского батальона самообороны в ноябре 1942 года писал немецкому начальнику тыла области:

*Когда в декабре 1941 года мы прибыли на фронт, мы были оборваны, без рубашек, часть без обуви, но когда срочно необходимо выполнить боевую задачу, мы сами подготовились, хотя оставшиеся на постоянную охрану остались раздетыми (без рубашек), 25 солдат совсем босые, но мы не оставили службу. Все без зимней одежды в январе 1942 года. Но литовцы и в более сильный холод исполняли обязанности на фронте. Это всё факты, которые говорят о наличии идеалов.**

Майор Антанас Импулявичюс, возглавлявший батальон, который убил десятки тысяч людей в своей стране и Белоруссии, уехал на Запад, стал Импулоном. В 1964 г. получил гражданство США и был избран в Филадельфии председателем литовской общины. В Литве был приговорён заочно. Умер в США.

* Rimantas Zizas. Lietuvos kariai savisaugos batalionuose. Iš: *Lietuvos archyvai*, t. 11, 1998, p. 62.

Убийцы с человеческим лицом

Член особого отряда Владас Клюкас

Кто же такие были наши, люди, которые стреляли в других мужчин, женщин, детей, стариков и больных?

Одно из немногих исследований по этой теме – статья историка Руты Пуйшите о Холокосте в Юрбаркасском уезде.

Основная идея Руты Пуйшите: «Уничтожение людей было **преднамеренным**, т. е. преступник **осознавал**, что он делает – убивал женщин, убивал ребёнка ударом о дерево на виду его матери...»*

По мнению историков, убийствам способствовали следующие внешние факторы:

* Rūta Puišytė. Masinės žudynės Lietuvos provincijoje. Iš: *Žydų muziejus: almanachas*. Vilnius: Valstybinis Vilniaus Gaono žydų muziejus, 2001, p. 175.

1. Адаптация к новому правительству (некоторые люди приняли участие в антиеврейских действиях, чтобы доказать свою лояльность новому правительству, потому что 1940-1941 годах слишком усердствовали в создании советской системы в Литве).

2. Политическая ситуация. Людей награждали за зверства, показную жестокость и наказывали за гуманность (смертная казнь за спасение евреев), кроме того, немцев считали гарантами государственности.

3. Позиция Временного правительства, общественных лидеров, иерархов Церкви.

4. Общественные настроения людей, испытавших советизацию и депортации. Сначала пытались оправдать убийства – ведь расстреливали еврейских мужчин, советских активистов. Тем не менее, с течением времени общественное настроение стало меняться, люди были в шоке, появилось унижительное слово *žydšaudys* – «расстрельщик евреев».

5. Пропаганда.

6. Повиновение приказу, внутренний долг. Кампания за уничтожение евреев в провинции началось, когда пресса начала пестреть антисемитскими лозунгами.

Преступников можно разделить на несколько категорий в соответствии с отношением убийцы к жертве:

1. Человек, который знаком, сосед, одноклассник, друг или коллега.

2. Преступник чувствует себя «неприятно».

3. Судьба жертв воспринимается как неизбежность: рано или поздно евреев не останется.

4. Перед убийством без разбора издеваются.

5. Преступник не является прямым убийцей. Его вклад носит чисто «официальный» характер – составить список жертв с адресом, найти место для их уничтожения. Эта категория людей чаще всего не чувствовала ненависти или враждебности по отношению к евреям.

6. Позволялось жертве бежать или иным образом помочь. Однако в большинстве случаев это делалось путём личного знакомства или за отдельную плату.*

Историк Римантас Загребкас сделал уникальное исследование. Автор использовал современные междисциплинарные методы для изучения

* Там же, стр. 199-200.

литовского специального архива Фонда уголовных дел. В фонде LYA «имеются дела нескольких тысяч людей, участвовавших в Холокосте, поэтому, не имея возможности сразу охватить такого множества, мы остановились на историографии менее исследованных округов: Биржай, Кедайняй, Паневежис, Рокишкес и Утена. По этим округам удалось определить 205 участвовавших в Холокосте и частично за это осуждённых лиц. Все они были участниками повстанческих сил в этих округах в 1941 году, которые восстали в июне, а затем реорганизовались во вспомогательные полицейские силы».*

Был проведён анализ анкетных данных на 205 человек и автобиографических данных, протоколы допросов и свидетельские показания.

Выводы:

Все [...] люди, приговорённые за действия, связанные с массовым убийством евреев, были в 1941 г. участниками июньского восстания, которые ещё не были распущены, или полицейскими.

Социальный состав осуждённых примерно соответствует социальному составу всего населения Литвы (большинство из них – крестьяне, меньшинство – ремесленники, наёмные работники, рабочие, служащие и интеллигенция).

Самая высокая доля осуждённых по Холокосту была малообразованной – закончившие четыре или менее начальных школьных класса или вообще не учившиеся.

*Осуждённые участники Холокоста в независимой Литве были аполитичными лицами.***

Почему евреев расстреливали батальоны войск самообороны?

По словам историка Альфреда Рукшнаса, «основным фактором, побуждающим войска батальонов к участию в массовых убийствах, было чувство долга. Кампании по уничтожению евреев выполнялись в порядке приказа. Те, кто участвовал в структурах, выполняли задачи из обязанности

* Rimantas Zagreckas. Holokausto dalyvio socialinis portretas. Iš: *Genocidas ir rezistencija*, 2012, Nr. 1 (31) p. 63-64.

* Римантас Загрецкас. Социальный портрет участника Холокоста. Из: *Геноцид и сопротивление*, 2012, № 1 (31), стр. 63-64.

** Там же, стр. 84.

подчиняться приказам и обеспечивать их соблюдение. Участие в геноциде евреев и других групп лиц стало обязанностью солдат. Такое назначение было неожиданным для солдат, потому что они не знали, когда они вступали в батальон, что их долг будет являться военным преступлением».*

Уникальный разговор с Альфредом Рукшанасом о мотивации солдат батальона TDA, участвовавших в убийствах, был опубликован в 2012 году на веб-сайте *Bernardinai.lt*.** Вот несколько важных моментов из интервью:

В соответствии с отношением к долгу, я бы выделил три типа поведения солдат каунасского батальона самообороны: простой, активный и нонконформистский. Простой тип поведения является более механическим, без каких-либо конкретных особенностей. Это было характерно для большинства. Приказы исполнялись только потому, что от них это требовалось, и не более того. Другие, т.е. небольшая часть солдат, были очень активны, они пошли расстреливать добровольно. Некоторые из активных были жестокими с жертвами. Я думаю, что их вдохновляло чувство удовольствия от активного выполнения своих обязанностей, т.е. садистские начала. Нонконформистами были те солдаты, которые отказались выполнять приказы во время операций.

На вопрос, можно ли было отказаться от расстрелов, и много ли было таких, историк ответил:

Такого не было, чтобы солдаты массово отказались расстреливать жертв, т.е. целыми отрядами. Мне удалось найти данные об одном солдате, который отказался убивать евреев в Каунасе, в долине Мицкевича, в июле 1941 года, во время операции, организованной немцами. Он был расстрелян за это. Есть также свидетельства того, что один солдат отказался расстреливать жертв в начале июля 1941 года в VII форте Каунаса. Литовский офицер обругал его и сдал охранникам. Один из офицеров каунасского народного охранного батальона, участник казней в VII форте, вспоминает, что за отказы участвовать в стрельбе по жертвам

* Alfredas Rukšėnas. Kauno savisaugos batalionų karių dalyvavimo žydų ir kitų asmenų grupių žudynėse vokiečių okupacijos laikotarpiu (1941-1944) motyvai. Iš: *Genocidas ir rezistencija*, p. 42.

** Savaitės pokalbis. Alfredas Rukšėnas: „Jie pakluso įsakymui, o ne sąžinei“. *Bernardinai.lt*, 2012 m. sausio 17 d.

немцы грозили расстрелять. Хотя с немецкой стороны и была угроза санкций, многие офицеры и солдаты были вовлечены в казни не из-за этого. Как я уже сказал, их участие было вызвано как подчинением приказам, так и ненавистью. Я приведу вам пример из Белоруссии: 10 октября 1941 года 2-я рота 2-го батальона РРТ проводила операцию по уничтожению еврейского гетто в Руденске. Около 15 солдат отказались участвовать в расстреле. 14 октября 1941 года солдаты третьей роты того же самого батальона расстреливали евреев, проживающих в городе Смиловичи. Часть солдат отказалась это делать. В результате на расстрел вместо третьей роты были посланы солдаты первой роты. Следует подчеркнуть, что солдаты, которые отказались стрелять в Руденске и Смиловичах, участвовали в других казнях. Можно было отказаться один или другой раз, но не постоянно. Нет сведений, что за эти отказы были назначены наказания. Скорее всего, они не были назначены.

Кто были литовцы, которые убивали евреев?

Я думаю, что литовцы, которые служили в батальонах и убивали невинных людей, были не лучше и не хуже, чем другие их сверстники. Не хуже людей нынешнего времени. Если бы не было советских и немецких оккупаций, то солдаты, которые служили в этих батальонах, действовали бы так же, как в период независимой Литвы. Офицеры служили бы в литовских вооружённых силах, которые были их местом работы. Они успешно поднимались бы по карьерной лестнице, учили молодых людей, призывали к военной службе и защите страны. Офицеры запаса работали бы в литовских полицейских структурах и на других рабочих местах. Другие солдаты были бы заняты наёмными работниками в сельском хозяйстве, строительстве и на фабриках. Некоторые из них считались бы хорошими, образцовыми, другие – неквалифицированными рабочими. Некоторые солдаты стали бы унтер-офицерами литовских вооружённых сил. Те солдаты, которые жили на границе с Германией, могли бы заниматься успешной контрабандой. Многие солдаты участвовали бы в деятельности Союза литовских стрелков. Какие-то солдаты, которые были более религиозными, поступили бы в семинарию или стали монахами.

Этим прозрением от историка можно было бы закончить раздел о мотивации убийц евреев. Тем не менее, я должна процитировать слова известного психоаналитика и философа Эриха Фромма, которые значительно усиливают понимание литовского историка. (Это первый и последний раз в этой книге, когда я нарушаю свой принцип – приводить только произведения

литовских авторов, и (или) авторов, опубликованных только в Литве). Книга Эриха Фромма называется «Анатомия человеческой деструктивности». По мнению учёного, агрессивность группы часто определяется следующими двумя мотивами:

- **Конформистская агрессия.** Это агрессивные действия, которые осуществляются не потому, что у агрессора есть стремление уничтожить, а потому, что его убеждают в том, что это его долг. Послушание считается добродетелью, неповиновение – грехом. Конформистская агрессия довольно распространена и требует серьезного внимания. Начиная с подростков и заканчивая солдатами, многие деструктивные действия осуществляются, потому что люди боятся оказаться «другими» из-за неподчинения приказам.

- **Групповой нарциссизм.** Он имеет важные функции. Во-первых, он поощряет групповую солидарность и чувство общности, которое облегчает манипулирование людьми. Во-вторых, что чрезвычайно важно для членов группы, чувство удовлетворения, особенно для тех, у кого есть ещё несколько причин гордиться собой и чувствовать себя достойным. Даже если вы худший, самый бедный, наименее респектабельный член группы, состояние вашего бедствия компенсируется чувством: «Я, на самом деле являясь жалким червём, я становлюсь гигантом, когда я становлюсь членом группы». Степень группового нарциссизма тем выше, чем меньше человек доволен своей жизнью. Те социальные слои, которые наслаждаются жизнью, менее фанатичны, чем те, кто страдает от лишений и чья жизнь полностью монотонна.*

* Erich Fromm. The Anatomy of Human Destructiveness. London: Penguin books, 1977, p. 278-280 и 275-276.

* Эрих Фромм. Анатомия человеческой деструктивности. Лондон: Penguin books, 1977, стр. 278-280 и 275-276.

V. Литва обогатилась

В годы нацистской оккупации в Литве было убито около 200 000 евреев. 200 000 человек – это 50 000 семей. Они покинули свои дома, землю, скотину, мебель, драгоценности и деньги. Они оставили свои компании, магазины, аптеки, больницы, школы, синагоги, библиотеки со всеми ценными активами и инвентарем.

Куда всё это делось? Кто стал богатым? Неужели немцы приказали передать все ценности Рейху? Только те, кто стрелял, а затем выдирал золотые зубы и делил одежду?

Или, может быть, наша страна, наши литовские учреждения и даже обычные литовцы, например, моя и твоя бабушка и дедушка, покупали всё подешевле, на аукционах, проводимые городскими властями?

Кто знает...

1941 год. Начальник Департамента полиции Витаутас Рейвитис считал, что «ликвидация еврейской собственности может решить раз и навсегда для полиции и всех её сотрудников вопрос предоставления помещений и квартир».*

* Valentinas Brandišauskas. Žydų turtas ir kultūros vertybės. Iš: *Holokaustas Lietuvoje 1941-1944 m.*, p. 478.

* Валентинас Брандишаускас. Еврейская собственность и культурное наследие. Из: *Холокост в Литве 1941-1944 г.*, стр. 478.

Письмо № 1875 главы города и округа Шяуляй Йонаса Норейки
10 сентября 1941 г.

Инструкция по ликвидации движимого имущества евреев и бежавших коммунистов.

Извлечение:

1. Из собранного имущества необходимо оставить и сохранять отдельно до моих инструкций хорошую мебель, материалы в рулонах и неиспользованное белое белье. Списки этого имущества доставить мне.

*2. Другим соответствующим имуществом обеспечить учреждения, такие как школы, поселковые советы, приюты, больницы и т.д., но не менее четверти их надлежащего имущества сохранять до моей отдельной инструкции.**

Эта забота и партизанская деятельность Йонаса Норейки увековечены во многих местах Литвы – мемориальные доски, названия улиц и школ. Также они запечатлены на стенах Специального архива. На другой стороне стены, всего в нескольких метрах от надписи, посвящённой литовскому герою Йонасу Норейке – читальный зал LYA, в котором содержатся дела убийц евреев, в том числе из Шяуляя... По приказу Норейки евреев отвозили в Шяуляйское гетто.

Вернёмся к собственности. Известно, что часть активов убитых людей не доходила до складов – местные жители всё вывозили до аукционов. Сотрудники полиции разграбляли имущество, взяв под стражу еврейские дома. «Разграбление имущества происходит в течение дня, и это компрометирует имя полиции», – жаловались чиновники Вильнюсской полиции.**

В конце торгов некоторые активы оставались, например, Рокишская комиссия по ликвидации еврейского имущества передала на склад нереализованные активы.

Среди оставшихся предметов – посуда, горшки, вёдра, платья и блузки – 2399, полотенца – 1661, скатерти – 894, женские рубашки – 837. Между

* LCVA, f. R-1099, ap. 1, b. 1, l. 239.

** Valentinas Brandišauskas. Lietuvos žydų turto likimas Antrojo pasaulinio karo metais. Iš: *Holokaustas Lietuvoje 1941-1944 m.*, p. 484.

*тем насчитываются единицы радиоприемников, телефонов, часов, патефонов.**

Некоторые учреждения бесплатно получали еврейскую собственность: среди них – приюты, начальные школы, районные управы, местные муниципалитеты. Медицинское оборудование доставалось амбулаториям и больницам.

Жизнь улучшилась.

*«Большинство еврейских хозяйств были захвачены физическими лицами, абсолютное большинство которых были литовцами».***

Регистрацию, обслуживание и распределение (продажи) всех оставшихся еврейских активов пришлось организовать местной администрации: руководителям, старостам, полицейским и другим должностным лицам. Комендант Рокишкиса жаловался, что поддерживать правильный порядок невозможно из-за большого притока покупателей в пункты продажи.***

Что сказал великий моральный авторитет католической церкви покупателям, получателям еврейской собственности?

*Отношение католической церкви к собственности евреев было частично раскрыто католической церковью в 1942 году. Прочтите священнические конференции. В сообщениях преобладают мнения о том, что если бедный забрал имущество и оно нужно только для его собственных нужд, то это имущество останется в его распоряжении. Но если человек взял больше, чем мог использовать, он должен вернуть: лучшее – Церкви, но можно помогать бедным или передать на благотворительность. Это не относится к бывшим партизанам, которые получили это имущество за благородные дела: в начале войны они рисковали жизнью, поэтому они не обязаны возвращать эту собственность. Приобретённая ими еврейская собственность – это вознаграждение за бывший риск.*****

* Там же, стр. 480.

** Там же, стр. 475.

*** Там же, стр. 480.

**** Valentinas Brandišauskas. Žydų nuosavybės bei turto konfiskavimas ir naikinimas Lietuvoje Antrojo pasaulinio karo metais. Iš: *Holokaustas Lietuvoje 1941-1944 m.*, p. 501.

***** Валентинас Брандишаускас. Захват и уничтожение еврейской собственности и имущества в Литве во время Второй мировой войны. Из: *Холокост в Литве в 1941-1944 г.г.*, стр. 501.

Интервью Саулиуса Бержиниса с Региной Прудниковой, Вашингтонский музей Холокоста, коллекция Джеффа и Тоби Херров.

Многие бедные литовцы служили евреям. Евреи были милосердными людьми. Я также служила, но потом я ушла, я боялась... потому что я была очень красная, крупная, и говорили, что евреи не живут без крови христиан, на праздники должны иметь хоть каплю крови.

Когда немцы пришли, евреи не имели права ни на что. Литовцы грабили магазины, несли все... Всего приносили, и я принесла.

Что вы принесли?

Я принесла материала из еврейского магазина, и обувь, но ботинки были разные. И тогда евреев выгнали из домов на площадь. Люди с оружием их окружили, построили в ряды. Все помогали, потому что всем предложили пойти и сказали, что им отдадут имущество, дома, квартиры. Тогда много кто жил здесь, в еврейской собственности.

Затем в ресторане «Липке» были торги, покупали, уносили, увозили... В ресторане «Липке» было много одежды, куда её привозили на лошадях. Из окон бросали покрывала, подушки, одеяла, это люди хватали, кто что успел схватить, о Иисус, что здесь происходило...

Кто бросал?

Те, кто участвовал в расстрелах. Те и бросали. Лучшее из вещей, мебель оставляли себе.

Когда вы пришли, то увидели эту мебель?

Я знаю, что у них ничего не было, нищих, а потом я посмотрела, я увидела пальто каракулевое... жена кузена надела. Обуви был полный коридор. Я взяла бордовые сапоги из замши, а он вышел и отобрал. Сказал это моё. Я говорю – не твоё, а евреев.

Там вероятно, были и золотые кольца...

Да, были... их снимали с голых, которые были более богатыми. Зубы вынимали... Так я купила один зуб.

Вы купили зуб? Можно было купить зуб?

Да, да, золотой. Я заплатила небольшую цену. Когда русские пришли, купила у одной женщины.

Где этот зуб сейчас?

Здесь (показывает золотой зуб во рту пальцем). Расплавил и сделали мне зуб. Мужчина той женщины стрелял евреев, он продал его мне с целой коронкой.

Так покупали коронку с зубом?

Да, с зубом.

*Так значит, и вы нажились от евреев?
Как это я нажилась? Я ведь купила этот зуб.*

Апрель 1998 г.

VI. Наши. Спасатели

Я знаю только несколько евреев, спасённых во время нацистской оккупации от смерти: работников театра Ирену Вейсайте, Марка Петухаускаса и Каму Гинкаса. Спасателей я не знала ни одного. Я так думала, пока не увидела стенд о докторе Пятрасе Баублисе в холле еврейской общины. Был ли Баублис евреем? Я не знала... Нет, ответил мне один из членов общины. Он – Праведник мира, который спасал евреев от смерти.

Пятрас Баублис – и мой спаситель.

Примерно в тринадцать лет мучились я сама и мои родители, но никто не мог обнаружить болезнь. Всевозможные врачи проверяли, они провели много исследований, но температура поднималась каждую ночь и постоянно мучила усталость. Подростковый возраст или всё-таки болезнь? В конце концов, кто-то посоветовал моим родителям связаться с доктором Пятрасом Баублисом. Он принял нас с отцом в своем доме в Вильнюсе на улице Шило. Задержались на час. Доктор увидел на снимке моих лёгких то, что не видели другие – начинается туберкулез. Он велел немедленно забрать меня из школы на полгода и отвезти меня в санаторий на лечение, глотать лекарства и вдыхать воздух соснового леса. Благодаря доктору Баублису родители купили мне собаку, чтобы я гуляла как можно больше в сосновых лесах.

Я была счастлива. Я окончила школу, в 1973 году поступила в Московский театральный институт, а в декабре того же года вернулась в Вильнюс. Назад должна была лететь 16 декабря. У меня был билет, но я не полетела, потому что у меня не было занятий, и я осталась ещё на несколько дней. В этот день лучшие литовские педиатры полетели в Москву. Накануне

они были в Паневежисе, на конференции, а после неё на спектакле «Танго смерти» в театре Юозаса Мильтиниса. Вылетел в Москву и Петрас Баублис, ему было 59 лет. Самолет Ту-124 разбился около Минска. Петрас Баублис погиб. Все врачи, все пассажиры самолета погибли. Я осталась в живых.

В 1977 году Петрас Баублис был признан Праведником мира.

Скольким детям доктор Петрас Баублис спас жизнь во время войны? Не одному десятку... Может быть, спасённые еврейские дети были отданы литовским семьям и не знают свои корни, не знают, что данная им врачом инъекция, усыпившая их на несколько часов, была первым шагом из зоны смерти? В течение двух лет, с 1942 по 1944 год, он работал в Каунасском доме ребёнка директором «Колыбельки». Они находились в Вилиамполе, недалеко от границы с еврейским гетто.

Рассказывает еврейка Рут, спасённая доктором Баублисом, записанная как Ирена Балтадуоните:

*Я был вынесена из гетто 17-летней еврейкой, которая не была похожа на еврейку. С доктором Баублисом было соглашено, что он оставит меня у входа в «Колыбельку» до завтра. Я спала, усыпленная лекарствами, и ранним зимним утром меня отвезли как свёрток одежды. К счастью, немцы не проверяли, иначе бы это была смерть обоим. В этом пакете записано было мое поддельное имя и фамилия, с которой я и росла в «Колыбельке» у доктора Баублиса.**

История одного ребёнка особенно странная:

Один полицейский нашёл девочку и принес её к доктору Баублису в детскую со следующими словами: «У меня есть сын, но у меня нет дочери. И я хочу этого красивого ребенка вырастить». Д-р Баублис считал, что это лучший вариант, потому что у полицейского она будет в безопасности... Утром он дал девочке конфету, она сказала «кеке», так еврейские дети называли сладости от слова «зукерке». Поскольку этот литовский полицейский вырос среди евреев, он понял, что эта девочка из гетто. И поэтому немедленно вернул её к воротам гетто.**

* Gyvybė ir duoną nešančios rankos. 4 knyga. Vilnius: Valstybinis Vilniaus Gaono žydų muziejus, 2009, p. 198.

** Там же, стр. 200.

Рассказывает медсестра из «Колыбельки»:

*Дети были подстрижены, их головы покрыты перманганатом калия. Гестапо проверяло ясли два или три раза в неделю глубокой ночью.**

Когда гестапо узнало, что число брошенных детей значительно выросло в яслях возле гетто, сотрудникам запретили запира́ть дверь ночью. Ясли должны были быть открыты 24 часа в сутки, чтобы проверять их.

Дети каунасского гетто идут из школы

В марте 1944 г. во время так называемой «Детской акции» в каунасском гетто дети были отобраны от содержащихся под стражей матерей. Тогда 1300 беспомощных людей – детей и престарелых – вывезли в концентрационные лагеря. Их ждали газовые камеры Аушвица и Дахау.

* Там же, стр. 204.

Вильнюсский еврейский музей Гаона в 2002 году опубликовал книгу – список литовских людей, которые спасали евреев. В нем насчитывается 2559 фамилий.

Спустя 10 лет Центр изучения геноцида и сопротивления литовского народа подготовил список людей, которые, вероятно, участвовали в Холокосте и опубликовал его на веб-сайте. В этом списке есть 2055 имён.

Таким образом, в Литве было больше спасателей. Официально.

Список из Центра геноцида в 2012 году был передан правительству Литовской Республики. Так сообщается. Видимо, наше правительство последовательно имеет такую же позицию, которая выражена в простых словах историком Нериусом Шепетисом: «Те, кто участвовал в убийстве наших евреев в Литве – были в основном литовцы. Ну и что?»

VII. Сегодняшний взгляд. Интервью с историком

Саулюс Сужедялис – историк из Университета Пенсильвании (США) в Милсвилле, почётный профессор, член международной комиссии по расследованию преступлений в период нацистской и советской оккупации, автор книг и публикаций о Холокосте.

Вы слышали о списке лиц, возможно причастных к Холокосту, составленному по поручению правительства Исследовательским центром геноцида и сопротивления?

Нет, я не слышал. Обязательно поинтересуюсь.

Насколько вам известно, наши, литовцы, участвовали в Холокосте во время нацистской оккупации?

В Литве немцы, которые были непосредственно вовлечены в массовое убийство евреев, были в меньшинстве – несколько сотен (различные службы безопасности и вермахта). Местные, в основном этнические, литовцы составляли гораздо большее число: по крайней мере, несколько тысяч тех, кто непосредственно участвовал в убийствах, и это противоречит мифу об убийцах евреев, как «маленькой горсти подонков». Так много или мало? Историк Соломон Атамукас пытался решить этот вопрос, но, по его словам, вычислить количество преступников было затруднительно, не хватало определения степени виновности. Тем не менее, следует предположить, что его вывод логически приемлем: «Во время преследования евреев и погромов тысячи местных жителей принимали участие в процессе грабежа, загона в гетто, их охраны, дальнейшей концентрации, передвижения, транспортирования и расстрелов».

Кто, на ваш взгляд, были самими убийцами и почему они убивали?

Монография Кристофа Браунинга «Обычные люди» (*Ordinary Men*) попыталась ответить на этот фундаментальный вопрос. Автор изучил типичный немецкий полицейский батальон в Польше. Этой частью из солдат старшего резервного возраста (около 500 человек) была убито или депортировано в лагеря смерти 83 000 евреев. По словам Браунинга, батальон участвовал в массовых убийствах в основном из-за повиновения командирам, а также чувству психологического давления сослуживцев. Браунинг считает, что антисемитизм, ненависть к жертвам, нацистская идеология были не так важны. Повиновение бюрократическому механизму, приказам командиров и лояльность к соратникам играли главную роль в превращении в убийц «обычных людей». Садистов, убеждённых нацистов было меньшинство.

Насколько был важен антисемитизм литовцев в отношении Холокоста?

Антисемитизм в Литве после оккупации большевиками был очень важным фактором. До тех пор проявления антисемитизма были, но массового насилия на самом деле не было. Антанас Сметона не был антисемитом, и его политика была умеренной по отношению к евреям. Однако после советской оккупации в 1940 году было убеждение, что евреи предали Литву, потому что они встречали большевиков цветами. Считалось также, что энкавэдисты были в основном евреями, хотя на самом деле большинство из них были русскими, хотя конечно, были и литовцы, и евреи. Литовцы считали, что евреи не пострадали от Советов, хотя факты показывают, что советские оккупанты отняли земли и другие активы как от евреев, так и от литовцев. Вместе с литовцами в июне 1941 года было депортировано много литовских евреев.

Какую роль играло в Холокосте временное правительство Литвы?

Не так давно был на эту тему разговор с одним крупным политиком. Он утверждал, что лояльность временного правительства к нацистам была частью стратегии поиска независимости Литвы, и мы не должны сейчас судить об этом с позиции современности и обвинять литовских лидеров того времени, которые сделали всё для Литвы. Члены тогдашнего правительства сами боялись репрессий, опасаясь, что немцы их арестуют. Однако я убеждён, что после восстановления независимой Литвы и принятия моральной ответственности за это в своей риторике надо было и действовать соответственно. Решения правительства, дискриминирующие евреев, противоречили Конституции 1938 года, принятой независимой Литвой, в

которой провозглашалось, что все граждане равны. Если Временное правительство объявило о восстановлении Литвы такой, какой она была до 1940 года – значит, литовская Конституция была действительна. Если бы это считалось иначе, в Конституцию Литовской республики должны были быть внесены поправки, чтобы принимать постановления, дискриминирующие евреев.

Мне кажется, что Временное правительство просто не поняло сущность вызванного фашизмом геноцида, они думали, что национал-социалисты были одинаковы с немецкими патриотами, возможно, с крайними или других оттенков. И были предупреждения Литве. Ещё в 1933 году известный деятель народной партии Валентинас Гаутис писал об опасностях, которые угрожали Германии, когда Гитлер пришёл к власти. А по оценке с позиции сегодняшней мудрости... мы ведь оцениваем советских сотрудников с сегодняшних позиций и осуждаем тех, кто принес в Литву «Сталинское солнце». Поэтому и в этом случае должна быть последовательность.

В 1941 году Временное правительство было в смятении. Конечно, немецкая армия освободила Литву от большевистского ига. Однако нацистская политика уже была очевидна из их действий в Польше и первых шагов в Литве. Гитлеровская война в Западной Европе не была разрушительной. Скажем, фюрер уважал Англию и считал её равной Германии. Но планы Гитлера по Восточной Европе были совсем другие. Это была война на уничтожение. Люди гитлеровского окружения прошли Первую мировую войну и знали, почему она была проиграна: из-за лишений и голода. Начав новую войну в Европе, было принято решение, что немецкой армии не будет недоставать пищи ни при каких обстоятельствах – её будет поставлять немцам Восточная Европа. Это требовало резкого сокращения числа людей, живущих там. Сначала уничтожались евреи Восточной Европы, а затем, по-видимому, были бы приняты и другие решения.

Временное правительство Литвы при приходе немцев не справлялось с ситуацией, даже не командовало армией. На практике было безвластие. Таким образом, LLV не организовывало расстрелы евреев и не поддерживало их. Начиная с конца июля 1941 года немцы стали сами править Литвой, используя так называемых «советников» – настоящих коллаборационистов, а также восстановленную LLV администрацию и местную полицию. Август, сентябрь, октябрь 1941 года – самая кровопролитная страница в истории Литвы, когда в течение очень короткого времени было убито очень большое количество людей, абсолютное большинство литовских евреев. Генерал

Петрас Кубилиюнас был бы сильно осужден союзниками за то, что он сделал при нацистском правлении в Литве.

Каков опыт других европейских стран – кто-нибудь более серьёзно выступал против нацистского геноцида евреев?

В Литве во время немецкой оккупации было убито 90-95 процентов евреев. Между тем в Дании 90 процентов евреев сбежали. В 1943 году, после того, как немцы отменили датский протекторат и ввели оккупационный режим, датское антинацистское Сопротивление организовало перемещение около 7 000 сограждан-евреев в Швецию, таким образом изъяз 90 процентов евреев из числа погибших. В 1999 году в Вашингтоне состоялась впечатляющая выставка плакатов из Театра Вильнюсского гетто. На открытии встречи выступил Том Лантос, член Палаты представителей США, родом из Венгрии. В молодости он пережил Холокост, но выжил благодаря известному шведскому дипломату Раулю Валленбергу. В своём выступлении Лантос привёл Данию в качестве примера для Литвы, неспособной защитить своих сограждан. Согласно Лантосу, датчане даже спасали собак еврейских соседей, которые покинули свой дом и бежали в Швецию – после войны они вернули их хозяевам, вымытыми и причёсанными.

Но очевидно, что случай Дании был исключительным, там немецкая оккупация, по сравнению, скажем, с Польшей, была, можно сказать, нежной. В Венгрии и Румынии, где массовые фашистские движения доминировали в межвоенный период, чего не было в Литве, процент евреев, переживших Холокост, значительно больше (половина евреев Румынии спаслось). Франция потеряла около четверти еврейских граждан, а из Голландии вывезено и уничтожено три четверти еврейской общины. Венгерский случай особенно поучительный.

До весны 1944 года в стране насчитывалось ещё 800 000 евреев. Во время войны многие из них подвергались репрессиям и преследованиям, часть из них была убита, но венгерский лидер адмирал Миклош Хорти не соглашался на требования Берлина отдать евреев на смерть. Уничтожение большинства венгерских евреев началось с марта 1944 года, когда произошло немецкое вторжение и установление прогерманского марионеточного правительства. Когда Рейх фактически получил исполнительную власть в стране, штаб Адольфа Эйхмана начал массовую депортацию венгерских евреев в лагеря смерти.

Я бы сказал, что напрашивается вывод, что наименьшая вероятность спасения была там, где немцы ввели непосредственную оккупационную власть и подключили местные административные структуры к

сотрудничеству. Вышеупомянутые примеры показывают, что местные сотрудники и антисемитизм населения способствовали работе берлинских планировщиков.

Какова роль католической церкви в Холокосте? Ведь даже в батальонах смерти были капелланы, и они отпускали грехи убийц, верно?

Католическая церковь в Литве как институт с огромным моральным авторитетом не осуждала публично еврейский геноцид. Взгляд митрополита Йозапа Йона Сквирецкаса на ситуацию был неоднозначным: например, из дневника видно, что Сквирецкас боялся происходящих в Каунасе погромов и даже пытался повлиять на ситуацию. С другой стороны, он читал и хвалил некоторые из сочинений Гитлера... Епископ Винцентас Бризгис публично поздравлял «освободивших» Литву нацистов, но поддерживал усилия монахов, чтобы помочь евреям, которые были заключены в гетто. Некоторые священники спасали евреев и с кафедры осуждали убийц. Однако это были отдельные случаи. В архиве сохранилось Апостольское послание для приходов епископа Тельшяй Юстинаса Стаугайтиса от 10 июля 1941 года, в котором он призывает не мстить, не подвергать насилию и не обижать, а даже помогать им, чётко имея в виду евреев. Это сильный текст.

К сожалению, насколько я знаю, это единственное документированное письмо иерарха такого уровня. В сентябре 1941 года глава LLV Юозас Бразайтис-Амбражевичюс посетил Сквирецкаса и призвал священнослужителя присоединиться к публичному заявлению, в котором говорится об отстранении литовского народа от убийств, которые уже стали массовыми. Но митрополит отказался, и из этого намерения ничего не вышло.

Нас, литовцев, евреи обвиняют в том, что мы почитаем военных преступников, строя им памятники и называя улицы их именами. Но это правда... Давайте не будем говорить о главах ЛАФ и временном правительстве, но это памятники тем, кто непосредственно уничтожал евреев. Существуют памятник Юозасу Барзде, школа Йонаса Норейки, площадь Юозаса Крикштапониса, племянника Антанаса Сметоны, и памятник Крикштапонису на этой площади.

Это большая проблема. Скажем, названная в честь Крикштапониса площадь в Укмерге. Да, он был партизаном, но прежде, в годы нацистской оккупации, он был определённо скомпрометирован. Однако таких случаев не так много. Весь этот шум с реабилитацией партизан произошел в начале независимости, когда не полностью осознавались некоторые вещи. Саюдис, эйфория независимости, всеобщая реабилитация партизан, и здесь кто-то

начинает прицепляться из-за их деятельности в годы нацистской оккупации. Каждый партизан считался героем. Это была психология автоматической реакции: все, кто был плохим для русских, хороши для нынешней Литвы. Вернувшись к независимости, отправляться в архивы КГБ не было большого желания.

Когда архивы КГБ были захвачены и охранялись людьми Саюдиса, я однажды обратился к ним с историком Валентином Брандишаускасом. Эти хранители встретили нас злобно, они были подозрительны, они не понимали, что мы искали здесь. Кстати, президент В. Адамкус однажды пригласил меня и спросил, следует ли давать орден одному репрессированному партизану. Я сказал, вам надо посмотреть, что он делал, что делал любой другой репрессированный советами человек, которому сейчас вручают награды. На самом деле не всё сопротивление было святым. Ясно, что политическое давление велико. И не только здесь, но и в изгнании. Военный преступник Антанас Импулявичюс был избран председателем литовской общины в Филадельфии – он просто сказал, что он служил в немецкой армии, и ни у кого никаких подозрений не возникло.

Как вы думаете, мы когда-нибудь посмеем открыто взглянуть на нашу историю?

Как в Литве, так и за рубежом семь основных стереотипов всё ещё укоренены в умах некоторых людей:

1. Участие литовцев в массовых убийствах евреев было понятным ответом на участие евреев в уничтожении литовцев.

2. Литовские евреи хотя бы частично заслуживали своей судьбы, так как они составляли эксплуатирующее литовцев закрытое общество во времена независимости и особенно провинились перед литовским народом в довоенное советское время, когда евреи пошли вместе с коммунистами, и не было евреев среди ссыльных.

3. Во время немецкой оккупации многие литовцы спасали евреев.

4. Весь геноцид евреев осуществлялся нацистами, иногда переодетыми в литовскую униформу, и, возможно, им помогала горстка отбросов народа и бывших коммунистов, хотевших искупить свою вину.

5. Утверждения в западной прессе о литовских эсэсовцах являются клеветой, поскольку все мы знаем, что литовцы, в отличие от латышей и эстонцев, решительно отказались создать легион СС.

6. Обвинения против отдельных лиц, особенно отличившихся патриотической деятельностью, являются политическим маневром оккупантов на основе фальсифицированных документов КГБ.

7. Западные СМИ контролируются евреями, которые полностью сосредоточены на геноциде, игнорируя более широкомасштабные коммунистические преступления.

Пока господствуют эти стереотипы, основанные частично на исторических фактах, будет трудно оценить трезво самую кровавую страницу литовской истории. Мы всё ещё находимся в оборонительной позиции. Будучи в неадекватной позиции в этой ситуации, мы часто переходим в контратаку: а что вы делали? Я всегда думал, что если бы вы смогли критически оценить себя, тогда другие не могли бы обвинить вас, словно бы были обезоружены. Придёт время, когда всё равно мы все будем должны открыто сказать себе, что такова была наша история и что в ней было плохого.

Постскриптум первой части

Самый важный вопрос, который я подняла в начале книги, это глава о Холокосте в учебнике 10 класса: кто является виновниками?

Литовское правительство? Кучка подонков? Тысячи литовцев?

Историк Саулюс Сужидялис говорит: по крайней мере, несколько тысяч.

В списке причастных к Холокосту, в том числе и тайным образом, включённых в список Центра изучения геноцида и сопротивления Литвы, имеется 2055 имен.

Римантас Загрецкас, автор социального портрета убийцы евреев, пишет, что Специальный архив содержит несколько тысяч файлов, связанных с Холокостом.

По словам историка Арунаса Бубниса, во время немецкой оккупации около 12 000 – 13 000 солдат служили в батальонах самообороны. По меньшей мере 10 батальонов так или иначе способствовали Холокосту. Так убийц было 5000–6000?

По словам Альфонсаса Эйдинтаса, рейху служили около 20 батальонов самообороны.

Историк Людас Труска называет около 10 000 участников Холокоста.

Холокост в Литве состоял из двух частей, двух преступлений. Первой была изоляция евреев, скопление их во временных лагерях, создание условий для второго – массового уничтожения.

*Некоторые участники Холокоста работали в разных правительственных учреждениях во время восстания 1941 года и после него. Другие были членами литовских вооружённых структур – литовской вспомогательной полиции, национальной службы охраны труда и вспомогательных полицейских подразделений (белоповязочники), в основном подчинённых главам штаба литовской полиции. Третьи служили в батальонах самообороны. В Литве было сформировано 26 батальонов самообороны, в которых служило 12 000–13 000 солдат.**

По мнению израильских историков, в дополнение к нацистским военным структурам в каждой провинции были десятки людей, которые сотрудничали с оккупационными властями и вносили вклад в изоляцию и убийство евреев. По их словам, при расчёте всех прямых и косвенных участников Холокоста общее число их в Литве достигнет 23 000 человек.

Правда, возможно, находится посередине. Между 10 000 и 20 000. Историки, с которыми я говорила, считают, что можно было бы определить хотя бы примерное число участников Холокоста, если бы пять историков делали только эту работу не менее пяти лет, изучая десятки тысяч дел в специальном архиве, а также материалы из израильских, польских, латышских, белорусских и немецких архивов.

В течение 25 лет независимости Литвы таких исследований историкам никто не заказывал. Так что, вероятно, число участников Холокоста в Литве мы никогда точно не узнаем. Однако мы всегда будем знать, что их было слишком много.

* Alfredas Rukšėnas. Lietuvos gyventojų stojimo į Kauno savisaugos batalionus 1941 m. vasarą ir rudenį motyvai. Iš: *Genocidas ir rezistencijai*, 2012, Nr. 2 (32), p. 40.

* Альфредас Рукшенас. Присоединение жителей Литвы к батальонам самообороны Каунаса летом и осенью 1941 года. Из: *Геноцид и сопротивление*, 2012, № 2 (32), стр. 40.

Момент расстрела.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ С ВРАГОМ

Эфраим Зурофф говорит молитву Кадеш на родине своих дедушек и бабушек, возле памятника убитым евреям-линкменам. *Фото автора.*

Литовские историки говорят, что Холокост в литовских провинциях – белое пятно, явление, которое не изучалось в последние годы. Логика жизни гласит, что в Литве было очень мало людей, которые видели смерти евреев, которые видели это своими глазами. Тем, кому было 10 лет в 1941 году, сейчас 85. Тем, кому было 7 лет, сейчас 82 года. Мои личные обязательства после окончания проекта «Быть евреем» – раскапывать правду не только в архивах и в книгах историков, но и побывать на местах массовых убийств и говорить со свидетелями, которые ещё живы, и до сих пор помнят. Ехать одной? С кем-то – но никто не будет иметь для этого времени, а нанимать другого человека не на что.

Что остаётся? Путешествие с врагом? Путешествие к правде... Удастся ли? Согласен ли враг Литвы с такой авантюрой, знает ли он и без поездки, что в Литве все являются убийцами?

Я написала письмо Эфраиму Зуроффу – я предложила путешествовать по 12 городам и местечкам Литвы. Он может выбрать половину из них – местечки родителей, бабушек и дедушек или городов, которые были самыми важными еврейскими культурными центрами. С другой стороны, я бы выбрала места рождения моих родителей или бабушек и дедушек – мой город. Бензин пополам.

Ответ скоро пришел. Это было очень длинное письмо от врага литовцев о своих связях с Литвой.

Эфраим Зурофф. Литва в моей жизни

С детства Литва значила для меня много. Мой дедушка родился здесь – *Зейде*, как его называли евреи, Шмуэль Лейб Зарас (его имя в Америке каким-то образом стало Самуэлем Л. Сару). Влияние моего деда в моей жизни было очень большим – даже до того, как я родился. Фактически, он выбрал моё имя, почитая одну из жертв Холокоста в Литве. Это было решение, которое мистики считали роковым для меня как человека.

Я всё ещё сохраняю письма, которые мой отец и дед посылали друг другу. «Эстер родила мальчика», написал отец своему тестю, который работал в то время, помогая евреям, пережившим Холокост, в лагерях беженцев в Европе. И мой Зейде немедленно ответил: «Я предлагаю имя Эфраим». Вероятно, в то время, в августе 1948 года, он уже был уверен, что его младший брат Эфраим (один из шести) был убит в Холокосте в Литве. Поэтому его предложение было принято, и родители дали мне имя Эфраим Яков вместо намеченного Моисея Даниила.

Дед не только выбрал мне имя, но и решал вопросы моего образования, предлагая школы, которые я должен был посещать, и интересовался моими достижениями. Я никогда не забуду открытку, которую он послал мне, отдыхая в Майами. Он ответил на моё письмо, в котором я хвастался, как я заработал деньги на уборке снега. Он написал, что заплатит мне столько же,

сколько я буду зарабатывать на уборке снега, если я это время потрачу на учёбу. Он имел огромное влияние на мою жизнь – ещё и потому, что дед был одним из самых важных людей университета Ешив в США – самом важном современном ортодоксальном учебном заведении.

Знакомство моих родителей было также идеей деда. Он выбрал моего отца как одного из самых ярких студентов, видя его в качестве потенциального зятя. Мой отец стал учителем в возрасте 24 лет. Так дед в нашей семье был патриархом и примером для всех мужчин семьи.

Мой дед был гордым литваком. Он был убежден, что литваки чрезвычайно умные и талантливые. У него был очевидный литвацкий комплекс величия. Литвакское сочетание: интеллектуальные способности деда с одной стороны и *bubba meises* – сказки бабушки с другой – повлияло на меня очень сильно.

Как ни странно, тема Холокоста в нашей семье не звучала, и тот факт, что брат моего деда Эфраим был одарённым талмудистом, был более важным, чем трагические смерти в Литве его, его жены Беллы и сыновей Хирша и Елияху. Только чуть позже я узнал подробности их смерти. В то время я уже был втянут в тему Холокоста в Литве и в других местах. Знакомство с новыми фактами ещё больше меня связало с Литвой.

Первый раз я приехал в *alte heim* – старую родину, когда Литва была ещё в Советском Союзе. С 1970 года я уже жил в Израиле, а в 1985 году израильское правительство предложило мне отправиться в Советский Союз, чтобы встретиться с так называемым «отказниками», т. е. евреями, которые хотели эмигрировать в Израиль, но советские власти не позволяли им сделать это. Люди, с которыми мы должны были встретиться, были сионистами, еврейскими учителями. Организаторы искали людей, которые прибыли жить в Израиль из западных стран, всё ещё имели паспорта этих стран и поэтому могли путешествовать в Советский Союз как туристы. Я выбрал Вильнюс, и мне разрешили поехать туда.

Итак, 1985 год. Я впервые приехал в Вильнюс осенью. На самом деле я хотел поехать в Понары (Паняряй), где был убит мой старший брат Эфраим. Я знал, что не смогу добраться до Линкмениса, потому что туристы с Запада не могли свободно путешествовать по стране. Но Понары всё ещё были Вильнюсом. Накануне запланированной поездки в Понары мы столкнулись с КГБ.

Как и в каждом городе СССР, который мы посетили, мы отправились в синагогу – посещение еврейской общины в Советском Союзе не было запрещено. Конечно, среди тех, кто молился, всегда был засланный человек,

агент КГБ. Когда в тот день мы пришли к вечерней молитве, среди стариков в синагоге был один молодой человек, и он предложил нам показать еврейский Вильнюс.

Мы все перешли с улицы Пилимо, где была синагога, на улицу Басанавичюса. Внезапно двое мужчин, одетые в гражданское, напали на нашего гида и положили его на землю. Затем они приказали нам немедленно вернуться в отель, где на следующее утро нас ждет разговор. На следующее утро мы спустились в вестибюль гостиницы «Литва» и ждали запланированного разговора. Никто не появился. Мы отправились в Понары – если мы понадобится им, они всё равно найдут нас, где бы мы ни находились.

Спустя 30 лет, летом 2015 года, когда я написал запрос в Литве, я получил архивную справку КГБ, в котором говорилось, что наш разговор в синагоге был прослушан – слушал сотрудник милиции и передал в КГБ. Был ли он в синагоге или слушал из машины неподалеку – неизвестно...

ОХОТА НА НАЦИСТОВ В ЛИТВЕ

Давайте перейдём к временам падения Советского Союза. Удивительные новости: Литва становится независимым государством, и мне это дало большие надежды. То, что десятилетия было немыслимо, теперь, при новых политических обстоятельствах, пожалуй, станет возможным. Я взял статьи, в которых я говорил о том, что Литва должна честно посмотреть на своё кровавое прошлое – Холокост. «Мы ждём справедливости от Литвы» – эта статья, опубликованная в ежедневной газете «Джерузалем пост» в 1990 году, была стартом моей многолетней деятельности в Литве.

Мой первый контакт с независимой Литвой состоялся в июне 1991 года в довольно специфических условиях. В Литву пригласили большую делегацию из Израиля, в том числе людей, которые пережили Холокост в Вильнюсе, чтобы открыть новый памятник в Понарах. На этом памятнике больше не будет советских надписей, маскировавших и жертв (евреев), и палачей (в основном литовцев). Не будет небольших памятников там, где погибло около 100 000 человек, из которых 70 000 были евреями. Однако, как раз на церемонии открытия памятника, под дождём, я начал понимать трудности евреев, связанные с проблемами Холокоста как в Литве, так и в других посткоммунистических странах. Эти вопросы связаны как с памятью жертв, так и с преследованием убийц, а также с документацией истории, образованием и особенно деликатной проблемой реституции.

Премьер-министр Литвы Гедиминас Вагнориус, основной оратор церемонии, попытался уменьшить масштабы трагедии и роль литовских убийц в уничтожении еврейской общины в Литве. «Мы не должны забывать, что эта трагедия произошла не за одно мгновение, а по крайней мере за три месяца» – торжественно сказал Гедиминас Вагнориус, сократив трехлетнюю резню до трёх месяцев.

Хуже того, он попытался описать участие местных жителей в массовых убийствах как действия небольшой группы преступников, хотя данные показывают, что нацисты сотрудничали со всем спектром литовского общества – от священников и интеллектуалов до хулиганов и преступных элементов. Таким образом, по мнению Вагнориуса, литовцы, которые спасали евреев в Холокост, их подвиги и общие усилия евреев и литовцев, чтобы восстановить независимость Литвы, гораздо важнее для истории, доброго имени страны и национальной совести, чем действия группы преступников.

Таким образом, в самом начале независимости на самом высоком уровне трагедия Холокоста была унижена публикацией ложной симметрии среди немногих тех, кто спасал евреев и тысяч тех, кто активно участвовал в убийстве практически всей литовской еврейской общины. Поэтому, если кто-то ожидал, что литовцы открыто посмотрят на кровавое прошлое страны и фактически попытаются привлечь к ответственности нацистских преступников, они должны были послушать Вагнориуса и понять, что их надежды напрасны.

После церемонии в Понарах мне удалось отправиться в город Линкменис, в местечко (*štetlq*), где родился мой дед и его пять братьев. Мой дед Элияху, ещё будучи молодым, утонул в озере Линкменай и оставил свою вдову, мою бабушку (*bubbe*), одну с шестью сыновьями. Это было очень волнующее путешествие, прежде всего потому, что в городе не было никаких признаков того, что евреи жили десятилетиями или, возможно, веками. Земля моих предков была открыта и доступна, но ничто на ней не напоминало мне о прошлом моей семьи.

Я пишу это через четверть века после моего визита в Литву, когда страна обрела независимость и имела возможность взять на себя ответственность за свое прошлое впервые за всю свою историю. Это то, что я хотел все двадцать пять лет моего общения с Литвой, общения со страной, где рождались и росли мои предки и со стороны моей матери и со стороны моего отца. В течение четверти века я стремился, чтобы память жертв была почтена привлечением убийц к ответственности, чтобы историческая правда

об участии литовцев в Холокосте была раскрыта и стала известна как в Литве, так и за рубежом. Для меня было очевидно, что эта задача непростая и что мои усилия в Литве не будут оценены. Но мне казалось, что в этой миссии я не должен искать компромисса или популярности. Враждебность литовцев ко мне и к тому, что я сделал, была той ценой, о которой я знал, что мне придется её заплатить.

Сейчас, через двадцать пять лет, я не жалею, что выбрал этот путь, но я признаю, что не оценил все трудности, с которыми мне пришлось столкнуться. Я не мог представить себе, что через четверть века Литва будет ещё более далека от истины, и как слово божье будет распространять искажённые факты о Холокосте и теорию двойного геноцида. Согласно этой теории, геноцид Сталина и Холокост одинаковы. Однако я не думаю, что моя борьба за правду завершена, и я уверен, что ложь, распространяемая властями и финансируемыми ею институтами, не будет всемогущей. Но «победа» может быть достигнута только в далёком будущем, когда литовские историки и другие известные люди оспорят повествования, сфабрикованные после обретения независимости. И я могу остановиться на том, что я не предал жертвы Холокоста в Литве или унизил их память.

Человек, вдохновивший меня выбрать этот образ жизни и упорно по нему идти, это известный охотник за нацистами Симон Визенталь, именем которого назван наш центр. На вопрос, почему после войны он отказался от карьеры архитектора и отправился на охоту за нацистами, Симон сказал: «Я не религиозен, но я считаю, что существует не только этот мир. Я уверен, что мы после смерти отправимся на небеса и встретим там жертв Холокоста. Они сразу же спросят нас: «Вам повезло, вы выжили. Вы сохранили свою жизнь и получили много подарков жизни. Как вы использовали эти подарки? Что вы сделали в вашей жизни? Некоторые из нас ответят: "Я стал предпринимателем", другие: "Я стал адвокатом", и ещё другие: "Я стал учителем". Я хочу им ответить так: "Я вас не забыл"».

Эта поездка с врагом является важной частью книги «Наши» и в то же время своего рода примирением или, возможно, даже прощением с Литвой, передачей памяти о Холокосте литовцам, а также автору книги Руте Ванагайте, которая имела мужество признать, что её родственники принимали участие в Холокосте. «Наши» — это попытка показать, что убийство коренных и привезённых из других стран евреев было трагедией Литвы, которая бросает тень над этой прекрасной страной, пока эта трагедия не будет, наконец, понята и признана. Только тогда, когда вы, литовцы, поймёте, что мой народ, убитые евреи, хотя другой веры, традиций, образа

жизни, также были также и ваши — только тогда в вашей стране начнется настоящий процесс возрождения. Я надеюсь и молюсь об этом.

Миссия возможна?

Разговор перед поездкой

Итак, Эфраим Зурофф прибывает в Литву – поездка с врагом состоится. Идеей заинтересовалась одна телевизионная программа, предлагавшая поехать вместе, но я не согласилась с этой идеей – я была уверена, что камеры и микрофоны повредят этой книге: литовские люди просто испугаются.

Но прежде чем мы начали планировать поездку, нам пришлось поговорить и прояснить некоторые моменты. Итак, первый не очень дружеский разговор произошёл сразу же по прибытии Эфраима Зуроффа.

Рута: Многие мои знакомые, узнав об идее «путешествия с врагом», предупреждали меня. Говорили, что вы агрессивный и опасный человек и лучше не работать с вами. Первое, что говорят СМИ и люди о вас: Зурофф ненавидит Литву. Он не успокоится, пока на Земле не останется ни одного литовца. Это действительно так?

Эфраим: Да, в мире есть люди, которые пережили Холокост, родственники которых погибли от рук литовцев. Некоторые из них думают: если атомная бомба упадёт на Литву, этого будет недостаточно. Есть и другие люди, которые, как и я, убеждены, что преступники должны нести ответственность за свои преступления, но их детей и внуков нельзя обвинять. С тех пор, как я начал свою деятельность в Литве, я всегда говорил, что я не

чувствую ненависти к странам Балтии. Напротив, то, чего я добиваюсь, Литве будет очень полезно в долгосрочной перспективе. Ваша страна должна оглянуться назад в свое прошлое, честно оценить, что произошло во время Холокоста. Тогда она будет равна другим демократическим западным странам. Вы должны это сделать. Сделать не ради меня или какой-либо еврейской организации, чтобы нам угодить. Вы должны сделать это ради самих себя.

Рута: Я спрошу вас по-другому: можете ли вы сказать что-то хорошее о Литве?

Эфраим: Я бы сказал две вещи. В глазах евреев Литва – самая важная прибалтийская страна. В начале нацистской оккупации в Литве проживало 220 000 евреев. В Латвии их было 70 000, в Эстонии – всего 1000. Во-вторых, природа Литвы невероятно красива. Моя проблема в том, что когда я вижу ваши леса, я говорю себе: грустно, что в этих красивых лесах насчитывается несколько сотен мест массовых убийств. Эти убийства – огромный контраст с красотой природы в Литве. И ещё одно, что я должен признать: я стараюсь не реагировать эмоционально на Холокост, но я становлюсь старше и больше думаю о брате моего деда Эфраиме и его семье, убитой в вашей стране. Их убили ваши.

Рута: Вы любите свой народ. Я люблю свой. Да, представители моего народа убили людей вашего народа. Поэтому я понимаю, что вы не считаете наших людей людьми – ни убийц, ни безразличных свидетелей массовых убийств. Мы враги, и это неизбежно. Вы представитель жертв, я представляю в ваших глазах нацию палачей. Если я совершу поездку с врагом, то, прежде всего, чтобы понять, что случилось с моим народом, с литовцами, которые их убивали. Почему они это сделали? В конце концов, они не были роботами, и не были выродками... Что мне об этом скажут оставшиеся в живых их соседи? Я хочу понять, что случилось с моим народом, и если это случилось однажды, возможно, это может повториться опять.

Эфраим: Мне неприятно сказать вам то же самое, но это может случиться снова. Потому что это уже случилось один раз. Если в 1930 году кто-то предсказал бы, что тысячи литовцев пойдут стрелять в своих соседей, этот человек был бы заперт в сумасшедшем доме. Но только это произошло. Я хочу сказать следующее: мой многолетний опыт показывает, что 99,99% людей, участвовавших в Холокосте, были нормальными людьми. Они не участвовали в преступной деятельности до или после Шоа (Холокоста). Они имели семьи и жили нормальной жизнью.

Рута: Один из нацистов в Нюрнбергском суде отрицал участие в преступлениях. Он сказал, что в полицейской школе он был обучен определению того, что является преступлением. Преступление должно состоять из четырёх компонентов: субъекта, объекта, намерения и действия. Поскольку он, обвиняемый, не собирался убивать, то намерения не было, и это не было преступлением. Так и эти молодые литовцы, которые присоединились к батальонам самообороны, чтобы служить своей Родине, не собирались расстреливать евреев. Их просто приводили или привозили в определенное место и приказывали охранять евреев, конвоировать их или... да, стрелять. Шаг за шагом они втягивались в убийства. Попадая в такую ситуацию, возникает большое давление и нужно очень много сил, чтобы отказаться делать то, что приказывают, и что делают все. Ты не в саду у отца, ты в армии.

Эфраим: Прежде всего, мы все знаем, что можно было отказаться от участия в расстрелах. Об этом говорил не один допрашиваемый преступник. Можно было не участвовать в изоляции евреев или приведении их к месту расстрела. Сколько литовских мужчин воспользовались этой возможностью? Сколько людей отказалось помочь нацистам в организации изоляции и убийства евреев? К сожалению, большинство делало то, на что надеялись власти. То есть, они участвовали в массовых убийствах или делали возможными такие убийства.

Рута: Но вы прекрасно знаете, насколько сильна инерция. Вступил в армию. Получил оружие. Согласился охранять территорию, или людей, которые находятся на ней. Охранять от кого? Или зачем? Ведь вы не знаете... Если вы начали, пути назад нет.

Эфраим: Вот поэтому международное право признает личную уголовную ответственность. Никто не говорит, что эти молодые люди были такого уровня преступники, как Антанас Импулявичюс. Никто не говорит, что они руководили бойней. Но они стреляли. Они совершили преступление. Холокост никогда бы не достиг такого масштаба, если бы эти люди этого не сделали. Они должны взять на себя вину.

Рута: Я не могу не чувствовать жалости к тем введенным в заблуждение молодым людям...

Эфраим: Твоя милость просто неадекватна. Если убийство было бы одноразовым действием, то аргумент о заблудшем человеке был бы веским. Но массовые убийства совершались одно за другим. Скажем, люди Импулявичюса или Особого отряда прекрасно знали, что делают, и всё равно это делали.

Рута: Власть независимой Литвы побудила их делать это, командиры им приказали, Церковь молчала, все остальные в отряде делали это, и, в конце концов, Бог позволил этому случиться – что будет делать этот человек? Они так думали, не я, поймите это правильно. Давайте будем реалистами: большинство из этих людей не получили образования, половина из них были неграмотны или почти неграмотны. Они не слишком много думали о моральных ценностях. Некоторые из них – просто примитивные сельские парни...

Эфраим: Пойдите к людям, чьи родственники были убиты в Холокост, и скажите им: «Извините, а вы знаете, наши люди, которые это сделали, были не очень образованными». Это звучит убедительно?

Рута: Нет. Но я ещё думаю о роли Церкви, самом важном моральном авторитете в Литве того времени. Или о роли Бога, просто говоря. Невероятно, даже абсурдно полагать, что большинство убийц были верующими, посещали церковь, шли на исповедь, и это позволяло им чувствовать меньше ответственности за то, что они делали. «Почему Бог допускает такие ужасы?» – сказал один из убийц Импулявичюса. Если Бог разрешает это, что может сделать ничтожный человек?

Эфраим: Тем не менее, мы должны требовать, чтобы каждый человек понял, что то, что он делает – самое страшное преступление, которое можно вообразить. С каких пор недостаток образования или глупость снимает ответственность? Мы не говорим о каком-либо несчастном, который когда-то случайно нажал на курок и убил одного человека. Мы говорим об убийствах тысяч людей – мужчин, женщин, детей, пожилых людей и больных – убивая, человек должен был быть полным идиотом для того, чтобы не понимать, что он делает. В Литве, по сути, было два вида преступников. В небольших городах были люди, которые стреляли один или два раза. Но были те, кто служил в Особом отряде, в Летучем отряде или в батальоне А. Импулявичюса, которые убивали целыми часами, из месяца в месяц, из года в год.

Рута: Я тоже думаю об этих людях. Некоторые из них говорили, что стрелять было трудно только в первый раз, а затем привыкаешь, стреляешь автоматически, ничего не чувствуя. В конце концов, те, кто стрелял, даже не видели лица жертв, жертвы были поставлены в 10 метрах спиной к ним, или ничком лежали в ямах.

Эфраим: Вы как будто пытаетесь оправдать или уменьшить их вину любой ценой. Я не хочу говорить о своей семейной трагедии, но думаю о брате деда, Эфраиме, невинном, замечательном, талантливом человеке, о его

маленьких детях. Кем они могли бы стать? Сколько замечательных людей мы потеряли, вы потеряли – сколько они могли бы дать вашему государству?

Рута: Конечно, я думаю как литовка. Но думаю и о том, и что некоторые из этих полунеграмотных, запутанных, пьяных сельских парней, вероятно, убили будущих ученых, которые могли бы изобрести лекарства против рака и спасти этим, допустим, их сестру... Но он нажал на спусковой крючок, а затем выпил ещё водки.

Эфраим: Хорошо сказано. Но это то, о чём думает человек, который избегает признать свою вину.

Рута: Я не могу принять все обвинения, которые вы предъявляете моим соотечественникам. Я открыла книгу, которую вы прислали мне – еврейские свидетельства из литовских провинций, и меня чуть не стошнило. Каждая страница – страшные обвинения, обвинения всех литовцев, литовцы грабили, насиловали, пытали, расстреливали, разбивали головы детей... Нигде не сказано, что это солдаты батальонов или полицейские. Просто литовцы. Книга полна ненависти ко всей моей нации. Я хотела бы, чтобы в этом путешествии с врагом и вы попытались бы понять, что были разные люди, разные судьбы, а не просто убийцы, безразличные и спасатели. И я сама хочу увидеть более полную картину – ведь это мои люди, это история моей родины.

Эфраим: Слушайте, большинство литовцев были равнодушные – не убийцы и не праведники. Очевидно, что в ваших аргументах вы пытаетесь хотя бы частично оправдать убийц.

Рута: Нет, на самом деле нет.

Эфраим: Уверены в этом?

Рута: Нет, не совсем.

Эфраим: Ну, по крайней мере, вы честно признаете это. Но вы всё ещё пытаетесь смягчить удар. Вы пытаетесь облегчить для литовцев согласие со своим прошлым. Но если вы хотите примириться с прошлым, вы должны принять его таким, каким оно было, а не с приукрашенной, дезинфицированной версией. Принять факты такими, какие они были. Это ваш долг перед собой, вашей собственной страной. Не мой. Я здесь не живу. Я поеду домой. И моя страна этого не делала.

Рута: Я знаю, почему ты ненавидишь Литву. Потому что она тебя отвергла. Вы приехали к нам в 1991 году, мы только что обрели независимость. И вот вы приехали сказать нам: вы убийцы. Вы приехали, чтобы испортить свадебный бал, испортить наши праздники. Вы должны

были начать медленно и осторожно, начиная издалека, шаг за шагом. Дать нам больше времени.

Эфраим: Как вы считаете, сколько должна длиться эта свадьба?

Рута: Хм... может, двадцать лет. Может быть, десять. Пока не пришло время для похмелья. Это время уже наступило. Это заняло немного времени, пока мы не поняли, что счастливая свадьба всё ещё не означает счастливый брак... И ещё одна из ваших ошибок. Вы нагрузили на нас слишком много бремени вины. Нам очень трудно признать, что мы, литовцы, сотрудничали с нацистами. Если бы это было вашим единственным обвинением, мы могли бы сказать: ну, может быть, мы посмотрим, исследуем, как это было на самом деле. Но вы напали на нас, сказав нам, что мы начали убивать евреев ещё до того, как нацисты пришли. Это было слишком много. И ещё одна ваша ошибка. Вы приехали и попытались прикончить наших стариков – бывших преступников Казиса Гимжаускаса и Александраса Лилейкиса, депортированных из Соединённых Штатов. Стариков, которым было почти 90 лет...

Эфраим: Потому что они прикончили старшего брата моего дедушки и его семью.

Рута: Но если вы прикончите брата моего дедушки, это не вернёт к жизни брата вашего дедушки. Эти два старика, которых вы пытались привлечь к суду, были совсем дряхлыми. Лилейкис жил в соседнем доме на Театральной улице в Вильнюсе. Несколько раз я видела его на улице. Выглядел очень жалко. Какой там суд... Все литовцы видели этих стариков по телевизору. Мы, литовцы, католики, глядя на озлобленного Зуроффа и тех стариков, подумали: пусть этот Зурофф едет туда, откуда приехал. Если эти дедушки и бабушки на самом деле виновны, они попадут в ад и очень скоро. Пусть Бог судит их, людям уже слишком поздно делать что-либо.

Эфраим: Вы ничего и не сделали. И не собирались этого делать. Пятнадцать военных преступников были депортированы и прибыли в Литву. Ни один не был осуждён... Это плохая новость для всего мира. Если никто не был осуждён, то это означает, что и преступления не было. Евреи придумали всё, не так ли?

Рута: Почему вы сосредоточили всю свою энергию на преследовании двух стариков? Почему вы никогда не искали человека, который считается величайшим военным преступником в Литве? Я говорю о начальнике полиции Витаутасе Рейвитисе, который отдал приказ массово собирать евреев по всей Литве и готовить к истреблению. После войны Рейвитис

эмигрировал в Шотландию, затем отправился в Америку и в 1988 году спокойно умер в Чикаго.

Эфраим: Знаете ли вы, когда я начал свою деятельность – охотиться на литовских нацистских преступников? В 1991 году. Если в 1988 году Рейвитис умер, то это объясняет, почему я его не искал. Но почему американцы не искали его? Это невероятно. Я в шоке. Я не знал, что он живёт в Америке. Все эти годы я сделал всё, что мог, чтобы найти военных преступников и привлечь их к суду. Но я был один. Ни одно государство не ждало меня с распростертыми руками, готовое судить своих собственных граждан, как это требует Зурофф. Кстати, я всегда говорил, что я прекрасно понимаю, как трудно Литве признать свою вину. Прошло 50 лет, прежде чем Франция признала свою вину. У Германии не было выбора. Но ради вашего же блага, ради блага ваших детей, вы должны честно посмотреть прошлому в глаза. Чем скорее вы это сделаете, тем скорее заживёт большая рана Литвы.

Рута: Если Франция признала свою вину только через 50 лет, то и Литве будет нужно столько же.

Эфраим: Нет, Литве потребуется 90 лет, потому что ваши преступления больше, а способность справляться с проблемами слабее. Французы собрали своих евреев и отправили их за границу, чтобы они были убиты там. Они не убивали их. Литовские евреи были убиты самими литовцами. Вашими людьми.

Рута: Наши люди, наши бедные люди...

Эфраим: Можете плакать до самого дня Последнего суда, но факт остаётся фактом. Вы должны посмотреть правде в глаза. Вы, а не я. Знаете, почему литовцы меня ненавидят? Потому что они знают, что я прав.

Рута: Позвольте мне самой убедиться, правы вы или нет. Позвольте мне посмотреть правде в глаза. Давайте сделаем это вместе. Давайте отправимся в путешествие по Литве и посмотрим, что мы услышим от людей, которые помнят. Что мы увидим. Поедем в путешествие враг с врагом. Бензин пополам. И ещё. Надеюсь, мы не будем ругаться всё время, и поездка не станет кошмаром.

Эфраим: Хорошо. Пусть это будет путешествие с врагом, но без драк.

ПОЕЗДКИ

Линкменис / Лингмян

*В конце XIX века в Линкменисе было 297 евреев (35,1% от общей численности населения).**

Первый город в Литве, куда прибыли два врага, является родиной бабушки и дедушки Эфраима Зуроффа. Дедушка Зуроффа утонул в озере Жездра. Эфраим всё ещё боится воды. В Линкменисе перед войной жило 23 еврейских семьи.

На озере Жездра – деревня Пажездрис. От Линкмениса и, следовательно, от еврейских домов эта деревня отдалена примерно на полтора километра. Адомас Лунюс, командир убийц евреев и партизанского батальона, родился в этой деревне.

Что здесь произошло в 1941 году? Свидетельства зафиксированы в делах литовских специальных архивов.

Рассказывает свидетель Билейшис, житель Линкмениса:

* Здесь приводятся данные о количестве евреев, основанных на карте «Города и посёлки, населенные литовскими евреями в XIX веке», подготовленной в конце 2003 года Международной комиссией по преступлениям нацистского и советского оккупационных режимов в Литве.

В начале войны Германии против СССР в Линкменисе и его окрестностях действовал так называемый «партизанский отряд», командиром которого был сидящий в настоящее время передо мной Лунюс Адомас. Я тоже был участником этого «партизанского отряда». Как командир отряда, Лунюс был вооружён пистолетом.

Я точно не помню дату, где-то в конце июля 1941 года Лунюс Адомас собрал всех членов отряда в помещении, где ранее была пожарная, а в то время штаб. На этом собрании было около 30-40 человек. Я тоже был там. Затем Лунюс Адомас, обращаясь к нам как к «партизанам», «повстанцам», сообщил, что надо обязательно согнать все еврейские семьи в здание сельской школы Дваришкяя. В тот раз Лунюс Адомас разделил всех повстанцев на группы по 4-5 человек. Лунюс поручил каждой группе конкретную еврейскую семью, они должны были их взять и доставить в здание деревенской школы Дваришкяя. Я помню, что я, с двумя незнакомыми «партизанами», получил задание доставить еврейскую семью на место сбора, их фамилии я не помню. Выполняя эту задачу, я пошёл в тот дом, в семье было 3-4 человека, теперь в этом доме живет Шеренас Юргис.

Когда я и другие пошли вывести еврейские семьи, мы им предложили пойти вместе с нами в деревенскую школу Дваришкяя. В тот момент, когда мы привели еврейскую семью в школу, Адомас Лунюс, сидящий теперь передо мной, предложил мне и другим «партизанам» и «повстанцам» доставить евреев на участок поля за деревней Дваришкяй возле озера Усю. По его словам, мы найдём место сбора там. Когда мы привели евреев на поле у озера, там уже были евреи, которые были отконвоированы другими «партизанами». Я помню, евреи сидели на земле в одной куче, а «партизаны» стояли рядом и их охраняли. Мы привели наших трёх евреев туда, где сидели другие евреи.

Всего в этом месте было собрано около пятидесяти советских граждан еврейской национальности, возможно, больше, возможно, меньше. Когда все евреи были собраны у озера, пришёл Адомас Лунюс, чтобы осмотреть место сбора, и приказал всем евреям лечь на землю, что они и сделали. После этого Лунюс сказал: стрелять в евреев, и «партизаны» должны начать стрельбу согласно его сигналу, т. е. когда он выстрелит из пистолета.

Когда евреи, лежащие на земле, услышали, что их расстреляют, они начали кричать и плакать. Стоя рядом с местом расстрела, я видел хорошо, что Адомас Лунюс выстрелил из пистолета, но куда он выстрелил вверх или в лежащих евреев, я не видел.

После этого выстрела, это было около 11-12 часов дня, все «партизаны» (повстанцы), которые имели оружие, открыли огонь по лежащим на земле евреям. Расстрел еврейских советских граждан продолжался около 15 минут. После расстрела евреев Адомас Лунюс обратился к повстанцам, которые не имели оружия, и сообщил, что желающие могут вернуться домой, что я и сделал.

*Через несколько дней из квартир казнённых евреев в синагоге Линкмениса были собраны еврейские вещи, а затем некоторые из этих вещей получили «партизаны», среди них и я получил 2 полотенца, скатерть и ещё что-то, но я не помню что.**

Говорит Адомас Лунюс:

*Я не совсем согласен с некоторыми показаниями свидетеля. [...] Повстанцы попросили у меня разрешения расстрелять евреев голыми, забрав у них часы, кольца и другие ценности, но я это делать запретил и дал команду расстрелять евреев с одеждой. [...] Показаний свидетеля, что он после моей команды «огонь» убежал от места расстрела, я не подтверждаю. Не было случаев побега повстанцев с места стрельбы вообще.***

Свидетель Владас Ключас, который жил рядом с местом расстрела: Увидел из своего окна, как члены повстанческого отряда ведут евреев на поляну на берегу озера Усю. Меня заинтересовало, что повстанцы будут делать с евреями. Я вошёл в свой сад и, прячась за деревьями, пошёл в сарай хозяйства Миколаса Пиланиса. Вошёл в сарай, поднялся по лестнице к стене из досок и стал смотреть через большую 30-сантиметровую дыру в стене сарая, через которую хорошо было видно поле у деревни Дваришкяй. С моего места наблюдения я видел еврейских советских граждан, которые сидели на земле. [...] Некоторые из евреев начали просить повстанцев разрешить им помолиться перед смертью. Как евреи молились – сидя или лежа, я не помню за давностью событий.

* LYA, K-1, ap. 58, b. 46360/3, т. 2, стр. 213-215.

** Там же, стр. 230.

*В конце расстрела я вышел из сада и решил пойти посмотреть свою лошадь, которая паслась примерно в 300-400 метрах от места расстрела. Когда я подошел к лошади на 20-25 метров, кто-то из повстанцев позвал меня на место расстрела. Когда я подошёл, Адомас Лунюс показал мне лопату и приказал выкопать яму. Мы выкопали 4-5 ям.**

Свидетель Алекса, 7 января 1960 7 года. Спец. отдел КГБ, кабинет 157. Очная ставка происходит при электрическом освещении, на литовском языке, через переводчика Тарашкявичюса. В протоколах сказано:

Летом 1941 года, в начале войны Германии против СССР, я шёл по городу Линкменис, где я встретил сидящего передо мной Лунюса, который предложил мне присоединиться к руководимому им повстанческому отряду, он также сказал, что если я присоединюсь к отряду, меня не мобилизуют в немецкую армию и не вывезут в Германию. Узнав об этом, я дал Лунюсу согласие на вступление в группу повстанцев. Таким образом, я в отряде Лунюса пробыл в течение двух недель.

Я помню, что два раза по приказу сидящего передо мной Лунюса в синагоге Линкмениса я охранял еврейские предметы, собранные после того, как расстреляли евреев, которые жили в Линкменисе. Я помню, как Лунюс велел мне идти охранять еврейские вещи, потому что их могут унести. В комнате штаба были винтовки, я пошёл, взял ружьё и пошёл охранять, в той комнате, где были винтовки, был и Лунюс, у которого были ключи от синагоги.

Примерно через четыре-пять дней Лунюс велел мне следить за другими повстанцами, которые стояли на посту в синагоге, как он сказал, для того чтобы они, стоя на посту, не растащили вещи через окна, что я и сделал.

*Через несколько дней после охраны предметов в синагоге мне сказал кто-то из повстанцев, что я в какой-то день приду в синагогу и получу часть еврейских предметов, которые будут делиться среди повстанцев руководимой Лунюсом комиссией. В тот день я подошёл к двери синагоги и мне кто-то из повстанцев дал нижнее бельё, простенькое, и некоторые другие мелочи. Получив эти вещи, я ушёл.***

* Там же, стр. 235.

** Там же, стр. 210-212.

Группа повстанцев во главе с Адомасом Лунюсом убила 70 человек. Из них девять были детьми. Команда убить Лунюсом была получена в каком-то штабе, вероятно, от нацистов. Своих соседей расстреливали не все повстанцы, а только те, кто служил в армии независимой Литвы – в каждой группе повстанцев по одному. Только у них были винтовки. Так рассказывается в материалах дела.

Лунюсу, который руководил убийствами, было тогда 26 лет. У него была жена и двое детей, они жили здесь же, в деревне Пажездрис. В его деле записаны все члены семьи: родители, дети и другие близкие родственники. Старшая сестра Адомаса Лунюса жила в Австралии в то время, когда его брата арестовали. Её фамилия Ванагене. Мне даже неприятно стало, когда я это прочитала. Может быть, Она Ванагене, сестра убийцы, является женой одного из моих родственников? Я никогда не узнаю, но иногда я думаю о том, как мы все связаны...

Адомас Лунюс был впервые арестован в 1950 году. Приговорён к 5 годам тюремного заключения по статье 117 Уголовного кодекса. КГБ не знало об его деятельности по убийству людей. Вернувшись из тюрьмы, Адомас Лунюс создал новую семью на новом месте. Арестован второй раз 25 декабря 1959 года, в Рождество.

При аресте Адомаса Лунюса в тюремный склад были отданы его личные вещи:

Кожаный ремешок – один

Шерстяная куртка – одна

105 рублей и 05 копеек

(Подпись кладовщика)

В конце концов, у арестованных всегда отнимают то, что можно использовать для повешения.

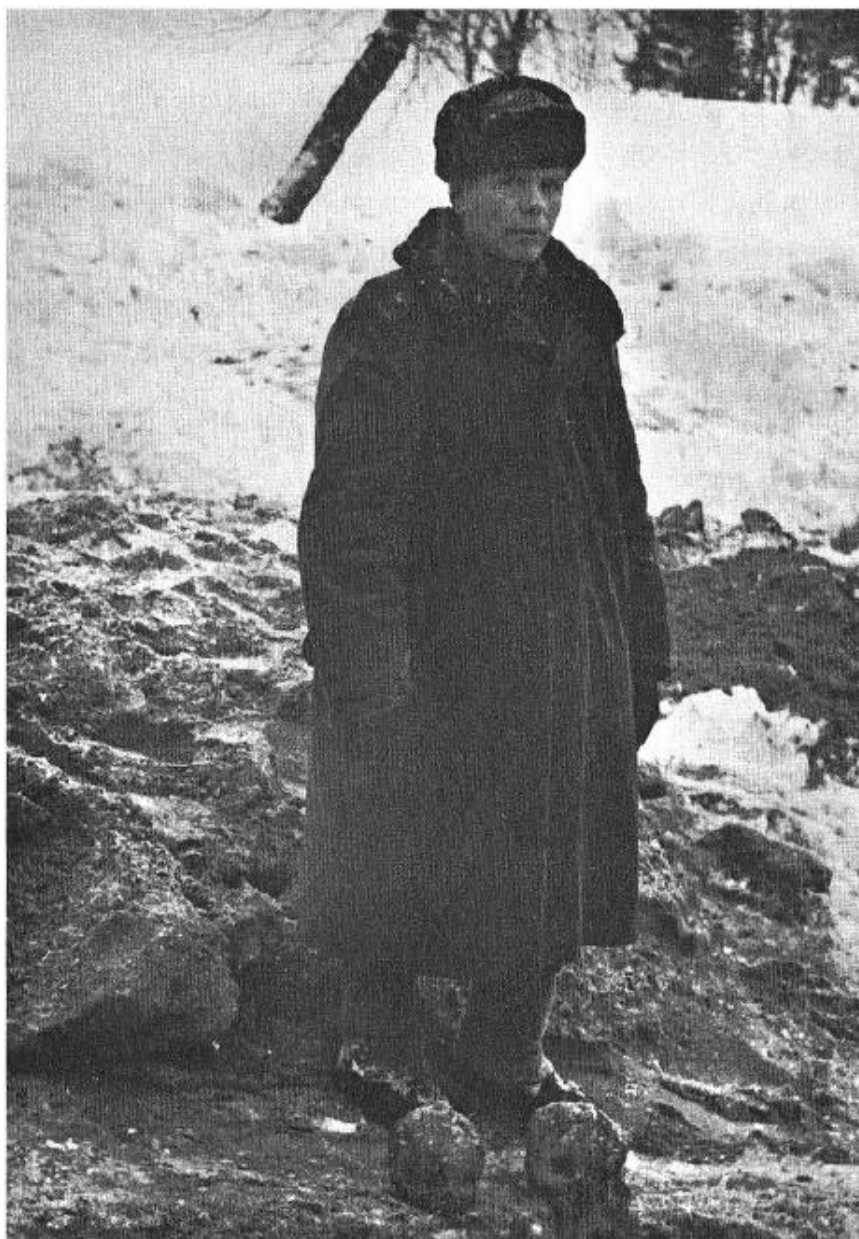
Адомас Лунюс, заключённый под стражу, в следственном изоляторе жаловался на боль в плече, поэтому тюремный хирург доктор Овсеюс 23 мая 1960 года принялся за лечение. Сделав рентгеновский снимок плечевой области Лунюса, врач определил неподвижность сустава.

Лечение, назначенное пациенту:

1. Разогревающие процедуры (парафин, «Sollux»),

2. ЛФК и массаж.

Помогло ли лечение – неизвестно. Несколько месяцев спустя, в сентябре 1960 года Адомасу Лунюсу исполнен смертный приговор в Вильнюсе. Его дочери было пять лет.

Обвиняемый Адомас Лунюс на месте массовой казни возле Линкмениса.
Производится эксгумация. 17 февраля 1960 г.

Детский сад, в котором были закрыты дети во время расстрела евреев Линкмениса.

Апрель 2015 г.

Спустя 74 года после смерти евреев Линкмениса мы с Эфраимом Зуроффом стоим на лугу, где, согласно приказу Адомаса Лунюса в июле 1941 года евреи были усажены, а затем положены лицом к земле. Вероятно, он всё-таки ещё позволил им помолиться. И не раздел догола, расстрелял в одежде. Поступил гуманно. Вокруг лес краснеет от малины – в этом году больше, чем когда-либо. Может быть, тогда, в июле 1941 года, было так же? Путешествуя по Литве, мы увидим огромное количество ягод во всех местах массовых убийств. Зурофф никогда в жизни не видел лесной малины. Увидел теперь. И когда я смотрю на малиновые ягоды, в голову приходит давно прочитанное стихотворение Марины Цветаевой:

*Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед:
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.*

«Самые большие и сладкие ягоды – кладбищенская земляника»...

Эфраим Зурофф стоит у памятника и говорит Кадиш – молитву за умерших. Молитва, а после неё псалом. Я не знаю, как мне себя вести,

поэтому я держусь подальше и жду, пока он не закончит. Затем я слышу странный звук. Очень странно. Охотник за нацистами плачет.

Здесь есть усадьба рядом с местом расстрела и памятником. Человек, косящий сено за трактором, женщина, пропалывающая огород. Подойдя, я спрашиваю об убийствах, которые произошли под их окнами – окнами их родителей или дедов, потому что эти люди слишком молоды, чтобы видеть. Здесь жил её отец. Женщина показывает старый сарай, стоящий рядом. В тот день, когда отряд Лунюса расстрелял евреев, всех детей деревни Дваришкяй белоповязочники закрыли на полчаса в этом сарае и охраняли их, чтобы они не могли вылезти и не увидели. Усадьба Миколаса Пиланиса на холме уже снесена, а этот сарай всё ещё стоит. Кто были стрелки, спрашиваю. Литовцы, все литовцы, из Линкмениса, ответила женщина. Так сказал отец. И родители моего мужа, и они были в этом сарае, когда расстреливали евреев. Они также знали тех евреев и тех литовцев.

Поблизости избушка. Здесь живет одинокая 90-летняя старушка Янина. Она всё помнит. Соседи так сказали. Но она не расскажет. Муж Янины был партизаном. Мы долго сидим в домике старушки. Я не хочу, я не буду говорить, говорит она. Кто стрелял? Немцы, отвечает, только немцы. В конце концов, однако, рассказывает:

Я была молодой. Когда евреев вели на расстрел, я была рядом с девушками по другую сторону дороги. Вели рядом с нами. Мы думали, что их вывели из домов, сказали, что на собрание. Мы думали, что пока они на собрании, дома у них будут обыскивать, а потом их приведут назад. Сидя на месте, мы слышали выстрелы. Когда выстрелы утихли, я вернулась домой и только потом я узнала от своей матери, что всех евреев расстреляли.

Мужа Янины при возвращении русских застрелили стрибасы (отряды, боровшиеся с «партизанами»). Её депортировали в Сибирь, по-видимому, из-за её мужа. Был ли муж Янины, партизан, тогда при расстреле евреев? Я не знаю. Я хочу спросить фамилию старушки, но зачем? Чтобы в архивах между этими убийцами поискать и его? Но в этом нищем доме живёт одинокая старуха, она ведь ни при чём. Мы прощаемся. Я вижу на стене фотографию красивого молодого человека в рамке. Он ваш муж? Нет. Это сын, – говорит она. Единственный. Уже умер.

Идём к машине, поедem дальше. Женщина, которая познакомила нас с Яниной, догоняет, хочет дать нам только что выкопанную картошку и лук. Она не хотела ни разговаривать с нами, ни быть с нами у Янины. Узнала

меня, видела по телевизору. Давая картошку, она сказала, почему она не хотела говорить или участвовать: «А, ты ещё напишешь или расскажешь по телевизору... Я не хочу».

Швянчёнис / Свенцяи

В конце XIX века в Швянчёнисе проживало 3172 евреев (52,6 процента населения города)

1941 год

В еврейский Новый Год – 7-8 октября – из Вильнюса прибывает Особый отряд. 30 мужчин.

Как записано в протоколах допроса членов Особого отряда, 7 октября 1941 года из Вильнюса на грузовике прибыли, чтобы расстреливать евреев в Швянчёнисе и прилегающих районах, следующие сыновья Швенчёнского края: Хуберт Денинис, Стасис Чепонис, Дионизас Гольцас, Владас Клюкас, Владас Буткунас.*

Свидетельствует кормилец убийц евреев Юозас Буткявичюс:

Когда проводились расстрелы, я в то время работал заведующим склада в Литкопсоюзе Швянчёниса. Я выдавал продукты питания Швянчёнским городским столовым и ресторанам. Начальник кооператива, Дуденас, сказал мне, что в течение нескольких дней нужно будет кормить отряд военных, откуда-то прибывший. Что за отряд был и откуда прибыл, он мне не объяснял, просто сказал, что мне нужно будет давать им обеды

* LYA, K-1, ap. 58, b. 47746/3, т. 3, стр. 115-116.

в буфете Швянчёнской железнодорожной станции, и велел мне дополнительно выделить продукты из кооперативного склада на тридцать человек.

Я, желая посмотреть, что за люди были убийцы, отправился в вокзальный буфет около 13 часов, где им был приготовлен обед. Убийцы прибыли двумя непокрытыми грузовиками. Все были одеты в военную форму, но какой армии я сейчас не помню. Убийц было где-то около тридцати человек. Пообедав в буфете, они сели в грузовики и поехали в сторону полигона, где до вечера снова слышались выстрелы. [...]

Теперь я не помню, в какой день расстрела осуждённых Дуденас, глава кооператива, сказал во время разговора со мной, что есть приказ (которого не упоминал) организовать для убийц ужин. Узнав от Дуденаса, что ужин будет организован в ресторане, расположенном на улице Кальтаненай, я посоветовал ему освободить официанта, отпустить подавальщиц, сказав, что пьяные убийцы могут приставать к молодым девушкам. Насколько я помню, Дуденас так и сделал, назначив обслуживать убийц кухонных работников пожилого возраста.

Теперь я вспоминаю, что Дуденасу мог дать приказ организовать убийцам ужин бурмистр Циценас.*

Свидетельствует Юодис-Черняускас:

Осенью 1941 года, возможно, это было в конце сентября или в начале октября, я точно не помню, я увидел группу пьяных людей, идущих по улице Адутишкис. Они шли не в строю. Их могло быть около двадцати или тридцати человек, одетых в форму бывшей буржуазной литовской армии, одни были вооружены военными винтовками, другие автоматами. По тротуару шёл мужчина в форме немецкого офицера. Некоторые из них, очень пьяные, кричали. Один из них кричал, что он Стёпка Мелаганский или Стёпка из Мелагену, сейчас я не помню точно. Он кричал, что этот город ему знаком. Он и другие кричали на литовском языке.

Как только они появились, жители стали говорить, что в Швянчёнис приехали расстрелявшие еврейских граждан «убийцы евреев», чтобы отдохнуть.**

* LYA, K-1, ap. 58, b. 47746/3, т. 3, стр. 115-116.

** Там же, стр. 110.

8-9 октября 1941 г. на полигоне Швянчёниса было расстреляно 3450 человек. Простая арифметика: каждый из тридцати членов Особого отряда должен был прикончить 115 человек.

2015 год

Мы находимся в центре Швянчёниса, недалеко от гетто. В музее нас встречает один из музейных экскурсоводов.

Мы спрашиваем о Холокосте. Руководительница музея: «Почему всегда нагнетается этот вопрос, ведь есть и другие вопросы. Мы должны учитывать не только евреев, но и свои беды. Этот вопрос не очень актуален для городских жителей. И так мы сделали много, ни один литовский район столько не сделал».

(Позже, осенью, мне пришлось слышать речь той руководительницы в память о жертвах расстрела в Швянчёнисе. Она вдохновенно говорила, что в 1941 году для еврейского гетто была выбрана самая красивая, центральная площадь города, и оттуда евреям даже открыли двое ворот в вечность...)

Сотрудница музея даёт нам бесплатную образовательную публикацию для учеников, а также я покупаю брошюру «Евреи Швенчёнского края». Осматриваем и стенд о Холокосте: там лежат очки, кошелёк и ещё несколько вещей – всё, что осталось от 3450 погибших на полигоне Швянчёниса. Во всех публикациях одна и та же фраза – форма словесного безличного: «7-8 октября 1941 года еврейская община района Швянчёнис была уничтожена в лесу недалеко от Швянчёниса» ... «были согнаны» ... «палачи равнодушно убили детей» ... Кто согнал? Кто убил? Кто те палачи?

Безымянная форма исчезает, когда начинается разговор о спасателях. Не пишут: «были спасены». Написано более конкретно: Елена Сакалаускене, жительница Швянчёниса, спасла и т.д. («Евреи Швенчёнского края». Книга памяти).

Мы останавливаемся у магазина, за которым должен быть поворот к полигону Швянчёниса. Эфраим видит старушку во дворе, она едва движется, но её лицо светлое и умное. Осторожно спрашиваю, где находится полигон, и помнит ли она, как всё происходило.

Старушка из Швянчёниса:

Я видела, как гнали... О, как жаль, что мы не спасли евреечек. Мы жили с нашей матерью в деревне Падумбляй. С евреями хорошо уживались, давали в долг муку. Две девочки Бентских были 15 и 7 лет. Когда их вели мимо, мы плакали с нашей матерью, что мы не могли спасти девочку. Как

взять – все вооружённые. И если бы мы взяли её раньше, мы бы спрятали в подвале. Многие бы взяли евреев, но боялись. Не немцев боялись, своих. Чего свои не скажут, того немец не узнает... Жестокое дело было. Люди озверели. Затем, когда всех там расстреляли, на озере Шалнайчяй, говорили, что на полигоне два дня кровь сочилась из земли. Тот, кто всё это видел, уже умер, а другие, молодые, хотят только выпить. И они ничего не понимают и не хотят знать.

Полигон около Швянчёниса – могила 3450 жертв. *Фото автора*

Кто стрелял, спрашиваю старушку.

Стреляли все, кто хотел, – ответила она. – Никто не мог остановить. Как тут взбешённых остановишь? Возможно, боялись только священников.

Я спрашиваю её имя. Старушка говорит её имя, она только просит никому не говорить. Мне нужно жить, и я живу одна, говорит она. Конечно, мы не будем говорить. Прощаемся. Мы оставили её, плачущую за забором, у двери домика. Плачущую из-за девочки Бентских, которую она и её мать не спасли 75 лет назад.

Памятник жертвам на полигоне Швянчёнис был построен в советское время (1961 год). В 2001 году мемориал был восстановлен за счёт посольства Англии, это написано в листовке музея. Молодцы англичане...

РАЗГОВОР С ВРАГОМ. ШВЯНЧЁНИС – ВИЛЬНИУС

Эфраим: Я потрясён тем, что жители Линкмениса живут так близко с местом массового убийства. Вернулись в места, где под землёй лежат убитые, и живут, словно никогда ничего здесь не было. Словно эти убийства были рядовым событием.

Рута: Может быть, вы думаете, что они взяли и придумали поселиться здесь после этих убийств? В конце концов, здесь жили их предки и родители. Это всегда был их дом, их земля... На эту землю пришли другие, облили невинной кровью. Куда деться тем, кто здесь родился и жил в течение многих лет?

Эфраим: Эти люди не хотят говорить о том, что здесь произошло. Может быть, у них есть что-то связанное с ужасными событиями, или, возможно, они боятся, что, начав говорить, расскажут то, о чём не хотели вспоминать? Их соседи, невинные люди, были стёрты с лица земли, словно их здесь никогда не было. Их имущество было украдено, даже скатерти... Я повторяю еврейскую молитву траура – Кадиш, Кадиш снова и снова Кадиш, я молился в Пабраде, Линкменисе, полигоне Швянчёнис... так много в таких небольших местах массовых убийств. Хочется кричать так громко, чтобы быть услышанным всеми: как это могло случиться?

Рута: Разве вас не удивляет, что старые люди так боятся говорить? Я была удивлена...

Эфраим: И да, и нет. Кажется, что после стольких лет люди могли бы осмелиться говорить. Мне кажется, что люди словно что-то скрывают. Они отказываются говорить либо из страха или из солидарности с другими людьми и со своими соседями. Они больше боятся вас, чем меня,

чужестранца. В конце концов, они видели вас на экране телевизора. Они опасаются, что литовское телевидение их покажет и расскажет: вот этот человек говорил о массовых убийствах, происходивших в вашей стране.

Рута: Эти люди старые. Они одиноки. И они боятся. Если такие ужасные вещи происходили в прошлые времена, они могут повториться. Один очень старый человек, который живёт в районе Швянчёнис, однажды рассказал мне об убийствах. Потом, когда я приехала с диктофоном, он отказался говорить. Убьют, говорит он. Кто будет убивать, спросила я. Улыбнулся невесело и говорит: кто-кто... литовцы. Люди боятся, и я их прекрасно понимаю. Их бабушки и дедушки, их родители и они сами так много пережили столько исторических потрясений и опасностей, что им не говорить гораздо безопаснее. Тишина не наказывается. Есть русская пословица: «Будь ниже травы, тише воды». Вся жизнь этих людей – это литовский, русский и немецкий урок: молчи и выживешь. Это как в такой ситуации: если вы видели преступление и дали показания, преступник будет приговорён, но после освобождения из тюрьмы он или его сообщники придут и отомстят вам.

Эфраим: Извините, но этот аргумент совершенно глуп, так как почти все убийцы уже давно умерли. И если не умерли, сколько из этих девяностолетних могут прийти и отомстить вам? Ещё одна вещь. Вы говорите, что эти люди видели убийства. Однако убийства должны были произойти в совершенно изолированном месте, чтобы не было свидетелей, кроме тех, кто стрелял и хоронил трупы. Они видели только ведомых людей, но не расстреливаемых людей.

Рута: Они слышали выстрелы. Слышали рассказы. В конце концов, в каждой деревне люди говорили о том, что произошло, о том, как земля была пропитана кровью, как она ещё несколько дней шевелилась, потому что и живых людей похоронили... Поэту, чьё свидетельство в начале этой книги, было пять лет, когда он увидел ночью приползшего окровавленного еврея, который выбрался из-под трупов. Это ужасное впечатление, которое длится всю жизнь.

Эфраим: Возможно, это повлияло на некоторых людей...

Рута: Те, кто видел убийства евреев, будучи детьми, никогда этого не забывают. Но если никто никогда публично не говорил и не говорит об этом, эта тема остаётся табу. Если полиция не расследует преступление, они не собираются расследовать это преступление сами. Если никто не говорит о массовом убийстве евреев, то и они не рвутся на телевидение рассказать. Кто

ты, одинокая старуха, живущая на опушке леса? Зачем тебе говорить? Почему сейчас? В конце концов, мёртвых не воскресить...

Эфраим: Должно было произойти противоположное. Если полиция не воспринимает преступление, а вы его свидетель, идите в полицию и дайте показания. Старушке девяносто лет? Хорошо, но почему она не стала свидетелем раньше? Я понимаю, почему она молчала в советское время, но Литва независимое государство уже в течение 25 лет. Центр Симона Визенталя также объявил инициативу «Операция: последний шанс», мы заплатили деньги за информацию о Холокосте. Все литовские газеты печатали наши объявления. Зачем говорить всё время о страхе? В конце концов, вы живете в демократическом государстве, вы являетесь частью Европейского Союза...

Рута: Но убийцы были их соседями. Дети этих соседей всё ещё живут рядом с ними. Если и не рядом с ними, то где-нибудь в Литве. Если они начнут об этом рассказывать, то их семья остановит их. Вся деревня, вся родня будет относиться к ним как к стукачам. Когда я сказала своим родственникам, что собираюсь написать книгу о Холокосте, упоминая о наших родственниках, они были очень расстроены. Вы Павлик Морозов? Или, может быть, вы работаете на евреев за гнилые евро? Может быть, я буду осуждена, я стану чёрной овцой в своей семье. Мне это надо?

Эфраим: Но у каждого преступления есть своя цена, и кто-то должен это заплатить.

Рута: Почему я? Если моё правительство, суды, полиция ничего не делают? Если мне исполнилось девяносто лет, и я живу в хижине возле леса, как Янина из Линкмениса? Да, я, Рута Ванагайте, лично, готова стать чёрной овцой, потому что я считаю, что я должна делать то, что не делали другие люди. Если не я, то кто? Если не сейчас, то когда? Все свидетели вымирают. Но знаете что? Если бы мой дедушка лично расстреливал евреев, я бы, наверное, молчала. Мне было бы слишком больно, слишком стыдно. Я уверена, что никто в моей семье никогда не направлял ружьё на другого человека и не нажимал на курок.

Эфраим: Почему ты так уверена? Вы можете даже не знать об этом. Но вернёмся к разговору о страхах. Вы пытаетесь сказать, что люди жили в советские времена в страхе и боятся до сих пор. Я хочу спросить: когда же придёт время и вы перестанете прикрываться советской эпохой? Если чьё-то детство было очень трудным, наступает время, когда человек всё равно должен взять на себя ответственность за свою жизнь и перестать обвинять во всём своего отца или мать.

Рута: Мы не говорим о чьём-то детстве. Мы говорим обо всей человеческой жизни. Жизни нескольких поколений. Жизни в страхе. Это большая разница.

Эфраим: Хорошо. Другими словами, через 25 лет люди начнут говорить?

Рута: Те, кто знает, будут давным-давно мертвы. Теперь они очень старые, а старость – это не то время, когда вы хотите стать героем.

Эфраим: Таким образом, единственный способ достичь нашей цели – обратиться к молодому литовскому поколению, к тем, кто не пережил советскую эпоху. Но это означает, что вы освобождаете от ответственности как старшее поколение, так и литовскую власть.

Рута: Власти не хотят слышать правду, потому что этого не хотят их избиратели. Правительство хочет остаться у власти. Это единственная его цель. Если кто-либо и будет расследовать, то никто не обратит на это слишком много внимания. Центр исследований геноцида и сопротивления Литвы составил список из 2 205 человек, которые, возможно, внесли свой вклад в Холокост, и отправил его правительству Литвы. Вы думаете, что-нибудь случилось? Ничего не случилось. Так что, если бы бабушка из Линкмениса сказала по телевизору о том, что отец её соседа стрелял в евреев? Стрелял, ну и что, как сказал цитированный мною литовский историк.

Эфраим: Но тогда, наконец, откроется истина.

Рута: А что из того? Какая польза?

Эфраим: Большая польза для Литвы и её общества.

Рута: А кто есть это литовское общество? Я говорю о позиции этой старушки.

Эфраим: Общество, в котором она живет, будущее, которое её заботит.

Рута: Но...

Эфраим: Я понимаю, что ты сейчас говоришь. То, что старушка живёт в своём маленьком мире, в маленькой бедной деревенской хижине без туалета и воды. Её не заботит какое-либо общество. Общества для неё нет. Всё это очень печально.

Каварскас / Коварск

В конце XIX века в Каварскасе проживало 979 евреев (63,3% от общей численности населения города).

Каварскас – здесь дом моей бабушки, место рождения моего отца. Дом всё ещё находится на главной улице Укмерге. Во дворе был колодец. Старик Ванагас, как его называли в семье, доставал воду и уронил бадью. Его сын, Витукас, единственный брат моего отца, сидел у колодца. Крутящаяся рукоятка ворота колодца ударила мальчика по голове. Через десять дней Витукас умер, все эти десять дней он кричал от боли. Только родившись, умерла его сестра Эмилия, умерла и его сестра Валерия. Ей был 21 год, незадолго до войны её подкосил туберкулез. Все остальные члены семьи были высланы в Сибирь Советами. Выслали из-за моего деда.

На Каварском кладбище похоронена вся моя семья. Кладбище ухожено, на всех могилах посажены цветы, памятники с фотографиями. Я постояла у могил семьи, хотя на этот раз у меня не было свечей.

«Впервые в моей жизни я нахожусь на католическом кладбище», – говорит Зурофф. Но наше путешествие проходит через другие могилы. Через неподписанные, стоящие без присмотра. Через безымянные.

На этом кладбище есть также памятник моему дедушке Йонасу Ванагасу, хотя он умер где-то в Карлаге, в лагере в Казахстане. Его дело в Литовском специальном архиве небольшое – один 96-страничный том на

двоих: мой дедушка и его сосед Балиус Шимке, арестованный Советами в том же году, 20 января 1945 года. Они оба были участниками одного дела, им был вынесен приговор, а затем они были отправлены в лагерь. Вернувшись из лагеря, Шимке сказал нам, что Йонас Ванагас провёл полгода в своем лагере и 16 февраля 1946 года умер, замерзнув на лагерных нарах.

Свидетели дела говорят, что Йонас Ванагас был богат – 50 гектаров земли, 6-8 лошадей, 14 коров, 16-18 овец и большой дом. Он рассердился – Советы отняли у него 20 гектаров земли и передали их безземельным Каварскаса.

Он был довольно старым в начале войны – 60 лет, поэтому ему не пришлось носить оружие с молодыми повстанцами по Каварскасу.

Что действительно сделал мой дед? Три свидетеля говорят одно и то же: он был человек, уважаемый немцами, имел браунинг и был членом нацистской судебной комиссии.

В самом начале войны комиссия сформировала список из 10 активистов. Эти активисты были расстреляны в самом начале войны. Кто они?

Только евреи? В деле упоминается только одна фамилия убитого – секретарь комсомольской организации Яков Овчинников.

Мой дед не признал свою вину в суде. Он был приговорен к 15 годам тюремного заключения на основании свидетельства трёх свидетелей. Как это было на самом деле, дед? А не ввали ли свидетели? Может, мстили за что-нибудь?

Август 2015 г.

Мы в Каварскасе. Мы не знаем места расстрелов, они просто не отмечены. На центральной улице Каварскаса мы видим пожилого человека. Человек по имени Ромас, работает завхозом по соседству и знает всё. У Ромаса есть время, и он соглашается всё показать. Спрашиваем, где была синагога, куда, согласно приказу начальника местной полиции Мажейкоса в августе 1941 года были согнаны евреи Каварского района – 500 человек.

Синагога стоит в самом центре Каварскаса. Она приватизирована. В советское время здесь был продуктовый магазин, теперь это склад и гаражи одного промышленника. Конечно, нет никаких признаков того, что было до войны или во время войны. Мать промышленника открывает нам бывшую синагогу. Идём по обломкам железа, автомобильным запчастям, поднимаемся на второй этаж синагоги. Как здесь помещалось 500 человек,

чем они дышали эти два дня до их смерти в Укмерге? Как они без воды, голодные, заключённые в тесноте – молились и верили?

Памятник убитым евреям Каварскаса.
Фото автора.

Спрашиваем Ромаса о смерти 10 еврейских активистов в Каварскасе. Один из вариантов – кладбище атеистов, другой – деревня Пумпучай, недалеко от Швянтойи. Наверное, там. Римас едет вместе с нами в деревню Пумпучай на полях близ Каварскаса. Нет знака, нет указателя на место казни. Дорожка заканчивается, вниз километр по тропинке идём пешком. Путь почти не виден, трава высокая, у реки – плотные заросли. Даже река не видна. «Надо когда-нибудь скосить» – говорит Ромас. В кустах – небольшой памятник. Кто-нибудь приходит сюда? Едва ли. Пара из Израиля в прошлом году, Римас и привел их. Зурофф стоит и молчит. Я вижу, как он смотрит на улитку, ползающую по памятнику. Я забираю её. Затем он говорит молитву Кадиш, мы ждём с Ромасом в стороне. Молчим.

Затем все трое поднимаемся на холм, проходя через соседей, которые живут на расстоянии 100-200 метров. Одна избушка, другая – никто не знает, не помнит. О, если бы Вебросы были бы живы, они наверняка знали бы... Да, Веброс упоминается в качестве свидетеля убийств в Каварскасе. Но нет Вебросов, убийц тоже нет. Только заросли глухо закрывают реку Швянтойи.

1941 год

Свидетельство церковного звонаря

Протокол допроса 1952 г. в деле осуждённого свидетеля Антанаса Гуденаса. Гуденас упоминается в деле моего дедушки между белоповязочниками. За участие в отряде и ему инкриминируемые преступления он был приговорен к 25 годам лишения свободы и переведён в лагерь в Мордовии. В 1963 г. был отправлен из Мордовии в Вильнюс, чтобы дать показания по уголовному делу Кароля Чюкшиса, командира Каварского отряда белоповязочников.

Антанас Гуденас, звонарь церкви Каварскаса, вступил в группу белоповязочников на четвёртый или пятый день войны и пробыл там до октября 1941 года, когда команда разошлась. Все евреи Каварскаса были тогда уже под землей.

В июле 1941 года, я не помню даты, около 20 часов, я для чего-то, теперь я не помню, отправился из своего дома в город. Когда я только что вышел из двора, я встретил в Каварскасе трёх белоповязочников, из которых я теперь помню только Мисюнаса Йонаса и Бригацкаса Йонаса, а третий белоповязочник был мне незнаком. Все они были тогда одеты в гражданскую одежду и в руках держали по лопате.

А один из них, которого я не помню, держал две лопаты. Когда я только что познакомился, Мисюнас Йонас и Бригацкас Йонас сказали мне, что мне дали приказ отправиться с ними на берег реки Швянтойи и помочь им выкопать яму. Кто именно дал им такой приказ, и для чего им нужно было вырыть яму, они мне не сказали, и я их не спрашивал. Сначала я хотел отказаться от копания ямы, но когда Мисюнас Йонас и Бригацкас Йонас сказали, что я должен это делать, потому что людей больше нет, я взял у одного белоповязочника, у которого было две лопаты, одну, и мы пошли прямо через поля к берегу реки Швянтойи. Когда мы прошли от города Каварскаса на расстояние около одного километра и пришли в деревню Пумпучай, Мисюнас Йонас и Бригацкас Йонас остановились у берегов реки Швянтойи возле кустарников, которые там росли, и сказали, что нам нужно вырыть яму в этом месте.

По указаниям Мисюнаса и Бригацкаса, мы все начали копать яму в этом месте. Больше людей в этом месте тогда не было. Когда мы начали копать яму, солнце уже село и на улице стемнело.

Когда мы рыли яму, мы увидели, что с дороги Каварскас-Укмерге, которая проходит по полям, остановился грузовик примерно в 50 метров от

нас. Когда грузовик остановился, мы увидели, что в нём сидят люди, охраняемые со всех сторон мужчинами, вооружёнными винтовками и автоматами, стоящими в грузовике. Когда я увидел это, я понял, что эти вооружённые люди привезли на расстрел арестованных советских граждан.

Когда грузовик остановился, один мне незнакомый человек вылез из него и подошёл прямо к нам. Когда он подошёл к нам, он сначала посмотрел на вырытую нами яму, а затем он приказал нам выбраться из ямы и отойти в сторону. Сказав это, он снова вернулся к грузовику. Этот человек был одет в гражданскую одежду, и я не помню, было ли у него оружие.

Когда человек ушёл от нас, мы вышли из ямы и отошли примерно на 20 метров от неё. Таким образом, мы тогда выкопали на берегу реки Швянтойи яму длиной 2,5 метра, шириной 2 метра и около 160-170 сантиметров в глубину.

Когда человек вернулся к грузовику, сначала из грузовика вышло около 8-10 человек, вооружённых ружьями и автоматами, а затем из грузовика высадилось около 10-12 задержанных, сколько точно, я сейчас не помню.

Когда арестованные вылезли из грузовика, их окружили вышеупомянутые вооружённые люди, которые отвезли их к нашей яме. Все те вооружённые люди были одеты в гражданскую одежду и были среднего возраста. Среди них моих друзей не было. Я никого не узнал и из арестованных. Один из арестованных был с бородой.

Когда задержанных привели к яме, им дали приказ раздеться до нижнего белья и положить одежду в одну кучу. Потом задержанные сняли обувь и тоже положили её в кучу. Потом им приказали подойти к вырытой яме и остановиться у неё. Таким образом, арестованные встали примерно в 1-1,5 метрах от ямы, лицом к яме и спиной в сторону реки Швянтойи. Когда арестованные остановились от них на расстоянии около 4 метров, встали в один ряд и все вооружённые лица, которые говорили по-литовски. Среди них не было одетых в военную одежду, и не было среди них белоповязочников из города Каварскаса.

Когда вооружённые люди остановились с винтовками и автоматами, направленными на осуждённых, раздалась команда: «Огонь!», но кто из них дал эту команду, я не заметил. Услышав команду, палачи, которые стояли в одном ряду, начали стрелять из автоматов и винтовок в советских граждан, которые были приговорены к смертной казни. Во время стрельбы не было криков. Выстрелы продолжались всего несколько минут.

После стрельбы палачи подошли к трупам, лежащим у ямы, но так как один или двое были ещё живы, их прикончили одиночными выстрелами.

Таким образом, палачи, убедившись, что всех арестованных застрелили, бросили мёртвые тела в выкопанную яму, а затем, взяв всю ту одежду и обувь, пошли к грузовику. Там они загрузили все вещи в грузовик, а затем сели на него и поехали по той же дороге Каварскас-Укмерге. [...]

*Когда палачи сели в грузовик, мы вчетвером закопали тела расстрелянных. Закопав трупы, мы взяли лопаты и отправились в город Каварскас, а оттуда, никуда не заходя, мы отправились по домам.**

Место массового убийства евреев Каварскаса у реки Швянтойи. Фото автора.

Я читаю дело дальше. Похоже, что Гуденас, однако, был не только свидетелем, он был не просто ямокопателем. Звонарь делал гораздо больше. Это подтверждают другие убийцы и свидетели. Неудивительно – и церковный звонарь хочет жить. Согласно всем свидетельствам, в тот день активисты были расстреляны не незнакомцами. Стреляли свои, жители Каварскаса. Соседи.

* LYA, K-1, ар. 58, б. 47397/3, т. 3, стр. 170-176.

РАЗГОВОР С ВРАГОМ. КАВАРСКАС – ВИЛЬНЮС

Эфраим: Мы едем из Каварскаса. Место казни советских активистов не отмечено. В 700 метрах от дороги, через поля до оврага в реке, без помощи местного населения, мы бы никогда не нашли его. Можно прекрасно понять, почему они были убиты здесь. Никто не видит, никто не знает. Мы разговаривали с местными жителями, и они ничего не знают. Кто-то приехал сюда из Израиля год назад, ещё какая-то пара два года назад, но, похоже, никто из живущих в Литве не бывает здесь даже в День памяти жертв Холокоста, 23 сентября. Этот дальний угол в прибрежных кустарниках – одно из самых шокирующих и ужасающих мест гибели евреев. Нет никаких обозначений того, кто умер, сколько умерло, когда они умерли, и кто убийцы. Согласно советским протоколам допроса и показаниям свидетелей, погибло 10-12 человек, а источники в Израиле говорят о 30-40 убитых здесь.

Рута: Израильские источники увеличивают число жертв и тяжесть насилия в два-три раза.

Эфраим: Вот поэтому мы и не согласны. Мы посетили синагогу, т. е. что осталось от синагоги, которая сегодня стала частным складом. Это не вина Литвы – советская власть очень давно превратила синагогу в магазин товаров. Мы добрались до второго этажа синагоги, где когда-то молились женщины. Здесь евреев держали, пока их не привезли в тюрьму Укмерге, и вскоре они были убиты в лесу Пивония. Я могу только представить эти ужасные молитвы, наполненные тревогами, которые говорили евреи, молясь о том, чтобы Бог спас их. Вероятно, они не знали, что их ждет, но чувствовали, что все они столкнутся с ужасной судьбой.

Теперь это всего лишь небольшая точка среди многих других вопросов – массовых убийств в Литве. Еврейский польский историк Ян Гросс написал книгу «Соседи» об убийствах в польском городе Едвабне. Поляки сами расстреляли местных евреев. Когда эта книга появилась, вся Польша была в шоке. Так и должно было быть. Я говорю себе: есть страна за границей, полная таких мест, каждое из которых настоящее Едвабне, и эта страна до сих пор не шокирована происходящим. Об этом мы и должны говорить. Не имеет значения, что мы с противоположных сторон баррикад, на разных позициях, но наши чувства аналогичны, а также наша цель: раскрывать правду, добиваться, чтобы люди слышали и понимали её.

Рута: Я думаю о дедушке, который действительно ненавидел советскую власть, и если он и был в комиссии, которая составляла списки еврейских коммунистов, то он не знал, с какой целью эти списки делались...

Я думаю о тех 10-12 или 30-40, по вашим словам, человек, которых вели через поля, через кусты, к яме недалеко от Швянтойи. 700 метров вниз по дороге к смерти. Они знали, куда их привели, потому что их вели пять вооруженных людей. Я ненавижу такие места. Никогда не гуляла, не ходила на реку со слишком высокой травой, полной клещей. Это самые ужасные места природы Литвы. Когда я вижу такие кусты и заросшие кустарником непроходимые места, я думаю: если бы меня переехали и бросили в такие кусты, никто бы не нашел, пока бы не поднялся запах... Это неприятный, ужасный последний путь человека. Ужасное место, чтобы лежать после смерти. Прежде чем вы прочитали Кадиш, вы показали мне улитку, которая ползла по памятнику вашим людям. Вы ничего не сказали, но я поняла, что вы хотите убрать эту улитку. Так я и сделала. Я сняла улитку с памятника вашим людям.

Эфраим: Да. Спасибо за это. Теперь проезжаем через город Каварскас по центральной улице Укмерге. Эта улица, как указано в показаниях свидетелей, вскоре после прибытия нацистской армии была подожжена. Она была сожжена местными жителями, потому что там жили евреи. Любопытно, что дед и отец Руты жили на этой улице, и мы только что видели их дом.

Рута: Я этому не верю, мой отец рассказал бы мне о пожаре. Отец родился в 1921 году, поэтому, когда началась война, ему было двадцать. Он учился в Каунасе, но он был летом в Каварскасе, помогая родителям в хозяйстве. Он рассказал мне о том, как он жил здесь до войны рядом с евреями и что антисемитизма почти не было. Вы неоднократно и постоянно повторяли, что литовцы хотели расправиться с евреями перед появлением нацистов. Возможно, это были отдельные случаи, но я не могу поверить, что это всеобщее явление. Я никогда не слышала об этом от своих стариков и родителей. Я знаю, что случилось в Литве с приходом нацистов, но я прошу вас не заставлять меня считать, что всеобщие зверства начались еще до того, как появились нацисты.

Эфраим: Хорошо. Я приведу вам выдержку из книги «Литовские евреи» – *Яхадут Литва*, изданной в Израиле. Том четвёртый. Раздел об Укмерге. «В Укмерге было много литовцев, которые, как только началась война, грабили еврейские дома, пытали и убивали евреев. Женщины, которые работали в еврейских домах, приводили вооружённых людей и показывали, где были скрыты еврейские ценности».

Рута: Когда ты говоришь «много», моё сердце останавливается. Что такое «много»? То, что вы говорите, кажется, делает всю мою страну одним большим монстром. Все два миллиона литовцев ждали много лет, чтобы

убить своих еврейских соседей, которые жили тут рядом 600 лет? И, наконец, дождались?

Эфраим: Я не сказал «все литовцы». Я сказал «много литовцев». На самом деле их было много. Укмерге был большой город. Здесь проживало 8 000 евреев...

Рута: Сколько это «много»?

Эфраим: «Много» – это сто, пятьдесят, восемьдесят, двести. Что с вами делается? Вы реагируете слишком чутко.

Рута: Да, я чутко реагирую, когда лгут о моём народе. Это нормально. Когда вы говорите «многие литовцы», меня просто тошнит.

Эфраим: У меня есть предложение. Вы можете петь гимн Литвы, если от этого вам будет лучше. Как ваши соотечественники после бойни в гараже «Лиетукис» в Каунасе.

Укмерге / Вилкомир

В конце XIX века в Укмерге проживало 7287 евреев (53,8 процентов от общей численности населения города).

Мы едем по тому пути, по которому осенью в 1941 году евреев вели из синагоги. Мой дедушка Йонас их не вёл. Счастье, дедушке было тогда 60 лет, поэтому никакой начальник полиции не мог его ни во что впутать. А вёл ли евреев Балис Шимке, который был арестован и заключён в тюрьму вместе с Йонасом? Протоколы допросов говорят, что да. Что за конвоирование или охрану евреев Шимке получил награду – еврейский дом и 4,5 гектара земли. В другом месте написано, что Шимке был командиром белоповязочников, а ещё в одном месте – что Б. Шимкус упоминался в свидетельствах об убийствах в Укмерге рядом с фамилией Чюкшиса? Тот ли это Балис Шимке, который включён в одно дело с моим дедушкой?

Пятьсот евреев Каварскаса из синагоги были пригнаны в тюрьму Укмерге. В тюрьме было 37 камер. В июле 1941 года число заключённых увеличилось с 45 до 789. В тюремных книгах записано количество заключённых:

1 сентября – 667 взрослых, 8 детей.

5 сентября – 1409 взрослых, 24 детей.

6 сентября – 11 взрослых, 0 детей.

Мы останавливаемся у руин имения Вайткушкис. Сюда согнали тысячи евреев. Их группами вели по дорожке вниз. Расстреливали группами. Усадьба частная. Открыта. Никакой отметки, конечно, нет. Усадьба, видимо, ждёт поддержки со стороны Европейского Союза и будет реставрирована. Затем здесь появится знак – логотип Европейского союза.

У смерти нет логотипа, поэтому его здесь и нет.

1941 год

Свидетель Адомас Данунас, 24 года, дезинфекционист в Каварской больнице, который присоединился к группе белоповязочников, потому что начальник полиции Каварскаса угрожал ему: если он это не сделает, его отправят в Саксонию.

В октябре или сентябре 1941 года, я точно не помню, я вместе с другими членами Каварского отряда националистов один раз участвовал в массовом расстреле евреев в лесу Пивония.

Около 10 часов утра Каролис Чукишис пришёл ко мне домой и сказал, чтобы я пошёл с ним в Укмерге, также он мне сказал, что по приказу начальника полиции мне нужно пойти на охрану в Укмерге. Но что нужно охранять, он мне не сказал.

Усадьба Вайткушкис, в которой в 1941 году тысячи евреев ожидали смерти, уже приватизирована. Фото автора.

Я оделся и вышел с Чукишисом Каролисом из моей квартиры, которая в то время была в помещении школы. Выйдя, я увидел телеги на дороге у школы, в которых сидел каварский отряд националистов. Каково было общее число телег, я сейчас не помню, и также я не помню, чьи они были и кто были возницами. Из Каварскаса нас поехало примерно 12 человек. Все были вооружены военными винтовками. Чукишис, который был старшим, мне тоже дал винтовку. Я получил русский карабин. Карабин лежал в повозке, на которой я сидел. Патроны были в обойме, т. е. карабин был заряжен боевыми патронами.

Когда мы покинули Каварскас около 10:30, мы приехали прямо в поместье Вайткушкис. Усадьба от Укмерге находилась примерно в 4-5 километрах. Развалины поместья сохранились на дороге от Укмерге до Вильнюса и сейчас. Когда мы приехали к имению, мы остановились во дворе, и все вышли из повозок. Мы прибыли примерно в 1-2 часа дня. Когда мы прибыли в усадьбу, мы увидели там около 100 вооружённых людей. Некоторые из них были в немецкой или полицейской форме. Мы все были одеты в гражданскую одежду. Помимо нас, более половины всех бывших вооружённых людей в имении Вайткушкис были одеты в гражданскую одежду. Немцы были в зеленоватой униформе. Полицейские были одеты в форму полиции бывшей буржуазной Литвы.

Примерно через час после того, как мы прибыли в поместье, вооружённые люди, незнакомые мне, привели толпу еврейских граждан, включая детей, женщин, мужчин и стариков. В общей сложности в толпе было около 50 человек. Чукишис всем нам, приехавшим участникам каварского националистического отряда, велел взять эту еврейскую толпу со двора усадьбы и вести к лесу. Сначала мы не поняли, зачем нам надо вести их в лес. Нам сказали, что их отправляют куда-то на работу.

По полевой дорожке, идущей в лес, мы отвели их на площадку примерно в 40-50 метрах от края леса. Какая была площадь площадки, я сейчас не помню. На площадке было несколько больших ям. Ямы были примерно одинаковые. Они были около 20 метров в длину, 2,5 метра в ширину и около 2 метров в глубину. Концы ямы были со спуском. Мы встретили у ям группу людей. Среди них было около 20 человек в форме, немцев и полицейских. Они окружили со всех сторон эту полянку. Также было около 10 или 15 вооружённых людей, одетых в гражданскую одежду.

Когда мы привели их к лесной полянке, Чукишис Каролис приказал всем еврейским гражданам раздеться до нижнего белья. Когда они разделись, Чукишис приказал им спускаться в яму. Некоторые пошли, а другие не хотели

идти. Тогда Чукишис и незнакомые мне вооруженные лица, одетые в гражданское, стали избивать их деревянными палками и загонять в яму. Палки они выломали из кустов, которые росли в лесу.

Мы все стояли на краю ямы. На противоположной стороне ямы было 5 или 6 немцев с автоматами. Когда все еврейские граждане были загнаны в ямы, им приказали лечь рядом друг с другом. Они легли как попало. Когда все евреи легли в яме, нам всем приказали выстроиться у ямы в один ряд. На краю ямы выстроились все без исключения члены каварского отряда националистов. Выстроились около одного метра от края ямы. Когда мы выстроились, кто-то приказал нам зарядить ружья, что мы и сделали. После этого кто-то скомандовал на литовском языке: «Огонь в яму!»

После команды «огонь» мы все выстрелили в яму. Я выстрелил только один раз, но я не видел, куда я попал. После этого выстрела у меня затряслись руки, и это увидел немец, который стоял на другой стороне ямы, и отогнал меня от ямы. Один из них, говорящий на литовском языке, велел мне положить винтовку в сторону и взять лопату. Лопаты были возле ямы. Наша группа расстреляла только самую первую группу еврейских граждан. Когда мы расстреляли их, мы закопали яму лопатами и, взяв оружие, вернулись в имение, и в тот день мы больше не стреляли.

Вопрос. Почему вы не рассказали нам о массовом расстреле советских граждан в лесу Пивония во время предыдущего допроса?

Ответ. Ранее я не хотел признавать, что я участвовал в массовых расстрелах советских граждан в лесу Пивония из-за того, что мне было стыдно.*

Каролис Чюкшис так и не был осужден советской безопасностью. Что он им предложил?

Отчет К. Егера содержит статистику Укмерге:

5 сентября 1941 г.:

4709 человек. Из них 1123 мужчины, 1849 женщин и 1737 детей.**

* LYA, K-1, ap. 58, b. 47397/3, т. 3, стр. 277-282.

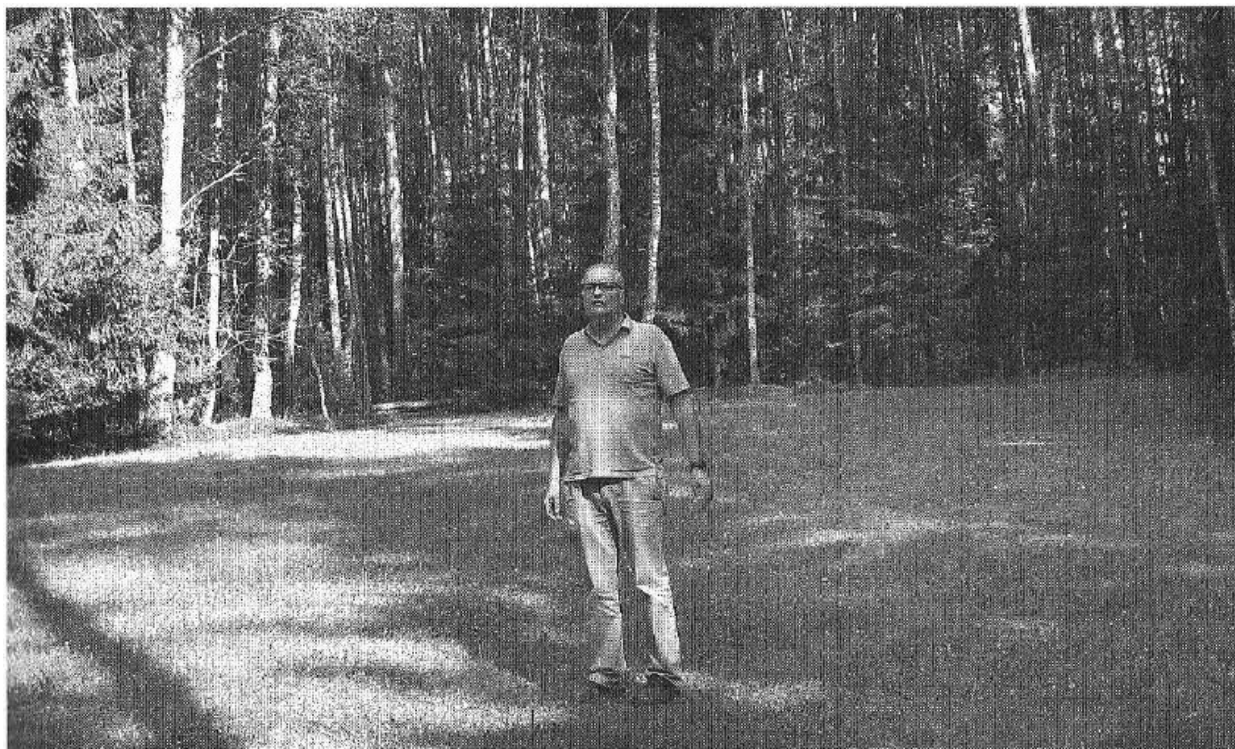
** *Masinės žudynės Lietuvoje, 1941-1944*, p. 134.

«Пожалуйста, учтите мой низкий уровень образования и дайте мне более мягкое наказание».

Обращение главы тюрьмы Укмерге Й. Кузьмицкаса.

Кузьмицкас по списку принимал в тюрьму еврейских заключённых и по списку выдавал их, чтобы расстрелять. Он также участвовал в повешении 117 евреев в сарае возле усадьбы и в расстреле в лесу Пивония.

2015 год

Захоронения в лесу Пивония. *Фото автора.*

Эфраим: Лес Пивония... Здесь убили 10 239 человек. Это мои данные. Все они были пригнаны из Укмерге, Каварскаса и всех окружающих деревень и городков. Самое страшное, что эти места не могут быть найдены. Мы стоим на 14 гигантских могилах, обозначающих четырнадцать ям. О Боже, мы стоим на вершине одной могилы, мы стоим на тысяче человеческих останков!

Рута: Это невозможно понять умом, что под нами – груда набросанных тел, кости, черепа... Горы, слой за слоем, метр за метром... Знаете, есть такой известный польский психиатр Антон Кепинский, который прошёл концентрационный лагерь Миранда де Эбро. Он писал, что оставшиеся в живых из концентрационного лагеря позже, после возвращения в

нормальный мир, больше не могут участвовать в каких-либо похоронах. Над ними смеялись: столько переживаний из-за одного мёртвого человека... Это страшно сказать, но иногда я думаю, что после этой поездки я поеду навестить могилы родственников. Каждая могила красивая, благоустроенная, присмотренная, поименованная... Прополю цветники, почищу памятники, зажгу свечки, как привыкла, но и буду думать о других погребениях – о десятках тысяч чужих родственниках, брошенных под землёй безымянных людях – разбитые черепа, челюсти с выдранными зубами... обнимающие своих детей, которых закопали живыми... И таких мест в Литве – 227... Как так может быть, что литовская земля больше не шевелится?

Эфраим: Каждый в Литве должен думать так, как вы думаете сейчас...

Рута: Так и будет когда-нибудь. Послушайте, уже есть положительные сдвиги. Вот в лесу Пивония уже даже металлические столбы вокруг монумента и металлические цепи, не украденные, как в Каварскасе.

Прежде чем мы садимся в машину, нахожу записи из специального архива – открываю один из протоколов эксгумации, о которых я постоянно думаю, который выучила почти наизусть. Я прочитала его, но Эфраиму не перевожу. Зачем?

Останки захоронены в могилах 2-3 слоями, иногда в 4 слоя. В одной могиле были обнаружены скорчившиеся трупы, и их нижние конечности тянулись к животу или к груди, а верхние конечности большинства к лицу, глазам или обнимали детские трупы.

Мы направляемся в центр Укмерге. Думаю об убитых детях и подростках в лесу Пивония... Я вспоминаю декламировавшееся в школе стихотворение Юстинаса Марцинкявичюса – одно из моих любимых: «О, сколько эйнштейнов и галилеев шестнадцатилетних спят в земле!» Писал поэт о лесных братьях, а не об убитых евреях. Возможно, это совпадение, что он упомянул еврея Эйнштейна. Только совпадение, что 16-летние евреи, будущие эйнштейны, были убиты в 1941 году литовцами ненамного старше их. Не галилеями.

Мы останавливаемся в центре Укмерге. Заходим в городской музей Укмерге. Мы спрашиваем о Холокосте. О лесу Пивония. Вот что показывает нам стенд, посвящённый Холокосту. Установлен на средства Международного альянса памяти Холокоста (англ. *International Holocaust Remembrance Alliance*, IHRA). Несколько фотографий и традиционный, обязательный текст, как и в музее Швянчёниса или в брошюрах: евреев арестовывали, перевозили, убивали. Кто арестовывал? Кто убивал? Какая разница? В конце концов, это было давно. И, в конце концов, разве это история Укмерге?

Мы пытаемся найти площадь, которую руководство города Укмерге недавно назвало именем партизана Юозаса Крикштапониса. Никто из местных жителей не знает ни площади, ни памятника или Крикштапониса. Знают только, что есть памятник, к которому каждый год приходит монсеньор Альфонсас Сваринскас. Да, так и есть. Рядом с центральной улицей Витаутаса, у публичной библиотеки, находится огромный памятник с выбитым барельефом героя. Крикштапонис знаменит тем, что он был сын сестры Антанаса Сметоны, и малоизвестно об этом партизане то, что ранее он честно служил нацистам в батальоне Импулявичюса. Участвовал во всех казнях, главным образом в Белоруссии, был одним из командиров казней. По словам литовских историков, батальон А. Импулявичюса убил там 15 452 еврея. В 2002 году указом Президента Литвы Юозас Крикштапонис получил звание полковника (посмертно).

Центр изучения геноцида и сопротивления литовцев в 2014 году признал Юозаса Крикштапониса военным преступником. Памятник все ещё

стоит. Только Сваринскас больше не посещает. Приезжают другие литовские патриоты.

Памятник Юозасу Криштапонису на центральной улице Укмерге. *Фото автора.*

Интересно, хотят ли муниципалитеты Литвы, прежде чем решать, какие памятники должны быть в городах, какие памятные доски, названия

улиц, по крайней мере, спросить историков, кто эти герои были до своей героической антисоветской деятельности? Сколько людей они убили?

Стоим у огромного памятника палачу, и мне стыдно смотреть в глаза Зуроффу. Он тоже не смотрит на меня, он смотрит прямо на барельеф и говорит: «Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо». Я думаю, было бы лучше, если бы мы не нашли этот памятник.

РАЗГОВОР С ВРАГОМ. УКМЕРГЕ – ВИЛЬНЮС

Эфраим: На третьем этаже краеведческого музея Укмерге есть стенд Холокоста. Этот стенд установлен Международным альянсом по защите жертв Холокоста. Вот что написано о Холокосте: «18-19 августа и 5 сентября 1941 года в лесу Пивония около Укмерге погибло более 6 354 человек». Но здесь не написано, кем они были убиты. Больше всего я был ошеломлён тем, что установка этого стенда финансировалась Альянсом памяти Холокоста – то есть эта организация платит деньги за то, что преступления в Литве будут скрыты! Это происходит в городе, где проживало более 8 000 евреев...

Рута: Лучшей информацией о Холокосте был бы не музейный стенд с несколькими абстрактными предложениями, а памятные знаки во всех местах, связанных с убийствами. В Каварскасе в частном гараже или на складе, в бывшей синагоге, где держали евреев Каварскаса. Рядом с именем Вайткушкис, которое также является частным. Десять лет спустя уже никто не узнает, что там произошло. Никто не знает и теперь, к сожалению...

По дороге в Вильнюс мы посетим еще два позорных места. Вероятно, здесь, по дороге в Жельву, глава тюрьмы в Антакальнисе П. Й. Кузьмицкас, который в суде называл себя не очень образованным, повесил со своими товарищами примерно 100 евреев. Повесил в сарае. Почему так мучился и вешал, ведь проще было бы расстрелять, как и всех остальных 10 000 в лесу Пивония. Место убийства не отмечено. Нет указателя. На месте, где были повешены евреи Укмерге, был построен мясной комбинат. Теперь этот комбинат производит что-то другое.

Едем дальше. В селе Шешуоляй мы должны найти другое место, где нет памятника. Неизвестно, кто их убил, сколько и когда. Увидели столбик – указатель, мы добираемся через пустырь до холма, и перед нашими глазами открывается большая яма, покрытая ветками и травой... Видимо, здесь и лежат евреи Шешуоляй, расстрелянные целыми семьями.

Место смерти евреев Шешуоляй около Укмерге. Памятника нет. *Фото автора.*

РАЗГОВОР С ВРАГОМ. ШЕШУОЛЯЙ – ВИЛЬНЮС

Рута: Если никто не заботится о тех местах, где погибли евреи, о массовых захоронениях, это очень простое послание для широкой публики: то, что здесь произошло, не имеет значения. Смерть этих людей не важна... Их память не имеет значения, их жизнь не имеет значения, и их потеря не важна. Евреев привезли, повесили или расстреляли – ну и что? Была война. Более того, это было давно, и это не наши люди. Не наши. Не наши люди погибли, и не наши люди убивали. Разве нет других проблем, как сказала директор музея в Швянчёнисе?

Эфраим: Это потрясающее послание. Эти люди не были вашими людьми. Их могилы для вас не могилы.

Рута: Мы не такая богатая страна, чтобы строить памятники, ставить указатели на них и присматривать 227 мест массовых убийств евреев в Литве.

Эфраим: Надо было подумать об этом раньше, прежде чем начинать стрелять в евреев.

Рута: Те, кто стрелял, были не очень грамотными. Они даже считать не могли... Если мы уже говорим так скверно, я скажу что-то ещё. Вы заметили предупредительные знаки на дороге? «Опасность свиной чумы». Если наши свиньи погибают от чумы, тогда, возможно, евреи умерли от чего-то подобного. Есть ли разница?

Эфраим: Наверное, нет.

Рута: Нет, разница есть. Свиней больше. Является ли этот юмор слишком чёрным? Холокост был еврейской чумой. Если хочешь, теперь можешь меня ударить.

Ефрем: Нет. Это поездка без насилия. Мы договорились.

Шедува / Шадово

В конце XIX века в Шедуде жили 2513 евреев (56,2% от общей численности населения города).

Эфраим: Поедем в Шедуву. Это город, где родилась моя бабушка со стороны моей матери – Берта (Батья) Зар. Я позвонил своей матери в Иерусалим, и я был рад, что я еду на родину матери. Семья Заров была довольно богатой. Откуда я знаю? В Шедуде был филиал Тельшайской ешивы. Мальчики, обучающиеся здесь, жили в общежитии, где не было столовой. Они были распределены по еврейским домам, в семьи, в которых ели каждый день. Одной из этих семей, которые забрали некоторых учеников ешивы за свой стол, была семья моей бабушки. За обеденным столом моя бабушка, ученица тогдашней ешивы, встретила дедушку. Они полюбили друг друга и поженились. Впоследствии оба отправились в Америку. Так они выжили, не погибли в Холокосте, как брат моего деда Эфраим. В то время, до войны, более половины шедувцев были евреями. Сейчас здесь нет евреев. Об этом даже не стоит говорить, это очевидно. Вот пожилой человек. Может быть, он покажет нам, где еврейское кладбище Шедуды, где похоронены мои предки. Остановимся и спросим его.

Здесь была самая большая синагога в Шедуве. *Фото автора.*

Так мы познакомились с Ромасом. Ромас, который проработал в мелиорации в течение 30 лет, хорошо знает всю область Шедува. Мы едем на еврейское кладбище. Затем – на аэродром, где евреев держали в ангарах, перед тем как повели на расстрел. В центре города вместо синагоги стоят несколько временных торговых павильонов. «В советское время синагога стояла, – говорит Ромас, – там были выставки животных. Затем разрушили».

Ромас – первый человек, встреченный нами в пути, который сказал свои имя и фамилию. Он рассказывает:

Отец был фермером, выращивал быков. В основном у него покупали евреи. Они платили золотыми деньгами. Мы вместе учились с еврейскими детьми, вместе играли, и всем хватало места под солнцем. Когда пришли немцы, наши люди думали, что они будут здесь навсегда, и начали лезть к ним в доверие. Других убивали за имущество. Сначала искали тех, у кого было больше имущества. Всё было здесь, люди говорили мне, что на евреях верхом ездили и пальцы отрезали – так они кольца снимали. Были и те, кто предлагал какого-нибудь еврея спрятать. Тот привозил имущество, а затем его и выдавали. У брата отца осталось много стульев из еврейских домов. Многие белоповязочники были из деревни Вайдатоняй, сыновья хозяев. Я помню, как священник сказал на проповеди матерям этих молодых людей: как вы можете разрешать убивать своим сыновьям. Ведь всё имеете, всего достаточно...

Эфраим: Я хочу спросить вас обоих. Слово «Žydšaudys» (Жидшаудис – стрелок евреев) – это просто слово или имеет отрицательный оттенок?

Ромас: О, это плохое слово...

Рута: «Жидшаудис» – это тот, кто стрелял в евреев. Я думаю, что на литовском языке должны быть другие подобные слова, описывающие других людей, которые внесли свой вклад в Холокост, например, «žydgaidys» – как «šungaidys» – (евреелов, как собаколов). Другим может быть «žydvedys» – «евреевод» – тот, кто конвоировал в места казней, или «žydvagis» – тот, который разграбил еврейский дом или выдирал зубы...

Эфраим: А как насчёт людей, которые стояли за этим процессом – Литовский активистский фронт или Временное правительство Литвы?

Рута: Эти люди как будто изменили слова литовского гимна. Вместо «Во имя той Литвы единство пусть цветёт» они словно сказали своими действиями: «Единство без евреев»...

Эфраим: Это печальная шутка. Но это правда. Они этого и добивались в своей стране – чтобы Литва осталась без евреев. И им это удалось.

Рута: Нет, им это не удалось. Единство, которое мы так и не достигли.

Эфраим: Им удалось избавиться от евреев, но они не смогли достичь единства народа Литвы...

Рута: Вот Шедува... Разве это не прекрасно – город без евреев? Только посмотрите, когда не осталось ваших, сколько пустых домов появилось для нас, чтобы поселиться.

Эфраим: Я привык к такому чёрному юмору. И в музее «Яд Вашем», и в центре Симона Визенталя иногда тоже так шутят. Поэтому, твои идиотские шутки меня не шокируют. Я хочу спросить Ромаса, нашего гида: сколько людей в настоящее время живёт в Шедуве? Только 300? Вы убили вдвое больше евреев, чем живёт сейчас! Убили даже восемьсот!

Ромас предлагает отправиться в Радвилишкис, где живёт его старшая сестра Юра. Она прекрасно помнит эти события. Мы едем.

Юра, сестра Ромаса, пенсионерка, бывший учитель литовского языка. Когда началась война, ей было 12 лет. Мы слушаем её рассказ:

Это было очень страшно. Мы были знакомы с этими людьми. Одна еврейка, может быть, 18 лет, мне понравилась, она работала в магазине, дочь владельца, и теперь там есть магазин под названием «Айбе». В школе не было враждебности, классы были рядом. Когда началась бойня, мужчины повязали белые повязки, выгоняли евреев из домов, не позволяли им идти по

тротуару, видели, как их ведут по улице. Были и дети. Куда вели – я не знаю. Говорят: сначала загнали в синагогу, где сейчас рынок. Вели всё время, начали в июле и вели в течение многих дней. В то время в городе не было немцев. Люди говорили об этих массовых убийствах по-разному – те, кто хорошо знал евреев, очень им сочувствовали. Наши родители, приезжая из деревни, всегда ставили повозки в еврейском дворе. И когда была еврейская Пасха, они давали родителям мацу.

Я слышала проповедь священника, где он говорил с матерями убийц. Кричал: «Как вы позволяете своим детям убивать? Кровь потребует крови!» Они возвращались, принося окровавленную одежду, матери стирали эту одежду в ручье. Мы не видели никаких убийств, мы только слышали разговоры. В городе никого не убивали. Кто жил у леса, те видели, как везли, слышали, как стреляли, и рассказывали другим. Когда уже расстреливали, там, конечно, были немцы. Все знали, что такой Сенулис убил много... Гринюс тоже... Он был учителем математики. Затем русские вернулись и отправили его в Сибирь. Остался сын, внуки. Есть и другие, которые убивали, они были отправлены в Сибирь, а затем возвратились.

Люди называли их «стрелками евреев». В Шедуве они все вымерли после войны. Просто пили без конца. Они были убийцами, они должны были пить. Может быть, ещё совесть была. И было на что-то выпить. Они нигде не работали, ничем не занимались. Все пропились. Люди сказали, что они сгорели изнутри. Были такие люди, очень плохие. Очень плохие. Я не знаю, стреляли ли эти сыновья фермеров, или может быть, они только вели евреев. Были такие безработные, пьяницы, они хотели грабить. Люди не уважали их, они называли их «Стрелками евреев».

«Стрелок евреев» – это последний человек. Но сказать что-нибудь против них боялись. Очень боялись. В конце концов, война. Это было страшное время. Я не помню, чтобы кто-то пытался спасти и спрятать евреев, потому что каждый знал: спаси, и ты сам умрешь.

Акт Специальной комиссии от 10 сентября 1944 года.

В Ляудишском лесу было обследовано 20 трупов, в том числе 8 детских трупов (6-8 лет), дефекты на всех черепах. Найденные на трупах травмы, трещины костей детских черепов свидетельствуют о том, что эти травмы были сделаны тогда, когда они были ещё живы, твёрдыми предметами или ударами головой по прочной поверхности.

*Председатель комиссии Сиромолотный**

РАЗГОВОР С ВРАГОМ. ДОРОГА ШЕДУВА – ВИЛЬНЮС

Рута: И Ромас и его сестра сказали нечто важное, о чём я никогда не думала. Когда немцы прибыли в 1941 году, большинство литовцев считали, что они пришли надолго. Поэтому, вероятно, многие молодые люди в Литве надеялись, что если они будут сотрудничать с немцами, они не только выживут, но и будут жить хорошо и процветать. Это один из факторов, объясняющих, почему нацистам пытались так угодить.

Эфраим: Я не сомневаюсь, что те литовцы, которые были готовы убить, хотели угодить нацистам. Это ещё один аспект мотивации убийства. Я бы посмотрел на это с другой точки зрения: одним из главных мотивов было желание, чтобы Литва снова стала независимым государством. С одной стороны, литовцы хотели обрести независимость, с другой стороны, они знали, что немцы ненавидели евреев. Поэтому они были убеждены, что немцам это понравится, если литовцы сами, своими руками уничтожат литовских евреев.

Это путешествие от одной братской могилы к другой ужасно. Когда вы преодолеваете этот ужас, вами овладевает другое чувство – гнев. Гнев, что так случилось, так произошло, что ничего нельзя сделать для того, чтобы вернуть жизнь этих людей. Это цена, которую евреи заплатили за все ваши «мотивации» и «причины». Вы, литовцы, ищите оправдания, чтобы облегчить вашу вину. Некоторые из вас по-прежнему чувствуют вину, стыд и отвращение, хотя ваши родственники, возможно, не нажимали на курок. У всех ваших людей был тот или иной мотив.

Рута: Потому что они были людьми.

Эфраим: Да, я понимаю. Знаете ли вы, насколько особенной будет эта книга? Вы пишете о людях, как на уровне глаз, как будто глядя этим людям в

* LYA, K-1, ap. 46, b. 1276, конверт 37-2.

глаза. Вы смотрите на эти события не как историк, а глазами каждого человека. Вы хотите, чтобы читатель мог идентифицировать себя с описанным человеком.

Рута: Если я хочу, чтобы литовские читатели внимательней посмотрели на тех из своих соотечественников, которые убивали, мне нужно самой посмотреть на них как на людей. Не как на отбросы общества, которых мы можем с легкостью списать. Итак, мы сейчас подходим к одной важной теме...

Эфраим: Это...

Рута: Это дневник убийцы. Сны участника Особого отряда, которые он написал в Лукишеской тюрьме в ожидании расстрела. Я перевела и отправила вам эти сны, и вы написали, что не можете это читать, потому что вам просто плохо. Это вас разозлило. Я подумала: как это может быть, что человек, который расследует преступления Холокоста в течение 35 лет, не может прочитать снов убийцы – ему делается плохо? Почему? И я нашла ответ. Всё, о чем вы беспокоились или читали за эти 35 лет, было вашим, т.е. свидетельства родственников жертв или самих выживших. Страшно, шокирует, но это были свидетельства хороших людей. Вы никогда не думали, что плохие, т.е. убийцы тоже были людьми. То, что они жили, мечтали, видели кошмары во сне, любили своих детей и боялись смерти. Этот новый угол зрения заставил вас рассердиться.

Эфраим: Неправда. Я всегда знал, что убийцы – тоже люди. Моя проблема другая. Когда я начинаю думать о них как о людях, и я пытаюсь понять их, это неизбежно приведёт к уменьшению моей решимости, чтобы привлечь их к ответственности за совершённые преступления. На пути к выполнению отмщения, по пути к правосудию так много препятствий, что я не могу себе позволить роскошь, думая о том, что чувствовали эти преступники. Мы отличаемся этим.

Рута: Если я глубже смотрю на этих людей, чудовищ или не чудовищ, значит ли это, что я пытаюсь их оправдать? Ибо, если вы считаете мечты человека, стихи, его свидетельства на допросе, этот человек неизбежно становится человеком в ваших глазах...

Эфраим: Вот здесь и есть вся суть. Самый большой ужас Холокоста – тот факт, что преступления совершались обычными людьми. Они были до Холокоста нормальными, после Холокоста они были нормальными, но во время Холокоста они совершили самые ужасные преступления. Это можно говорить почти обо всех нацистских преступниках.

Рута: Что вы подразумеваете под словом «нормальный»?

Эфраим: Мы говорим о людях, которые придерживаются законов и норм в обществе.

Рута: Знаете что? Эти люди были нормальными на протяжении всей своей жизни – до, во время и после Холокоста. Просто закон изменился. Новый закон «Долой евреев» не был включён в кодекс законов или Конституцию. Он просто был. И они подчинялись этому закону, подчинялись властям, требовавшим, чтобы они участвовали в осуществлении этого закона на практике. Таким образом, период Холокоста не был «вырезан» из их жизни нормальных людей. Они были нормальными – они всегда нормальны в жизни. Это страшно, но это правда.

Эфраим: Вероятно это правда. Ваше замечание очень интересное, грустное, но весомое. Очень важный взгляд. Убедили меня. К сожалению.

Рута: Простые законы и социальные нормы всегда были обычны в Германии, и в этом случае граждане Литвы сделали то, что им сказали их власти. Они охраняли евреев, конвоировали. Стреляли. Некоторые с удовольствием. Некоторые, может, без. Старались не думать, а потом – не помнить, что они сделали. И я, как и они, не думала об этом раньше. О многом я не думала... Знаете, насколько ценны наши разговоры в автомашине? Вы, профессионал Холокоста, углублялись в эту тему треть века, 35 лет. Мне эта тема нова, год назад я ничего не знала об этом. Я задаю наивные вопросы. Но иногда эти наивные вопросы или замечания позволяют вам смотреть на то, что вы знаете, по-другому.

Эфраим: Да, они показывают что-то, что я не полностью обдумал. Третий рейх создал реальность, в которой лишь немногие, только самые сильные, могли действовать морально. Большинство людей плыло вниз по течению. Вниз по течению в Освенцим – убивать... По течению к бойне в литовских лесах.

Рута: Теперь давайте послушаем музыку. Я помню, что вас здесь не было в апреле этого года, в конце проекта «Быть евреем», во время церемонии Йом Ха Шоа – памяти Холокоста. Слушайте псалом, который пели ученики на Ратушной площади, прежде чем отправиться в Понары, чтобы почтить там погибших евреев. 200 детей на лестнице мэрии, 500 обнявшись на площади, остановившись у звезды Давида. Они поют на иврите, может быть, можете мне перевести? До сих пор я не знаю, о чём этот псалом. Я знаю только, что Бог на иврите *Хашем*.

Мы слушаем. Длительная пауза. Эфраим не переводит слова псалма. Он повернулся к окну. Плачет.

Эфраим: Я просто заплакал. Я не мог себя контролировать. Просто проняло. И совершенно понятно, почему. То, что я вижу в Литве, поражает меня в сто раз больше, чем посещение Освенцима. Наверное, потому что это личное. Я всегда думал, что единственный способ вынести и сделать то, что я делал – т. е. охоту на нацистов – это иметь холодную голову, чтобы Холокост не стал моей личной трагедией. Если нацистов не прощают, я должен идти в ногу. Если им удаётся скрыться, я должен смотреть дальше. На протяжении многих лет мне это удавалось. Но теперь я чувствую, что моя оборонительная стена начинает рушиться, что вся эта поездка становится очень личной. Почему мои усилия в Литве не дали ожидаемых результатов? Я был практически один. Я был иностранцем.

И я появился в Литве слишком рано. Я приехал сюда в 1991 году, как только вы восстановили свою независимость, и, как вы сказали, я пришел, чтобы испортить свадебный бал. В то время я действительно не понимал, что я порчу.

Рута: Нормально. Это была не ваша свадьба.

Эфраим: Да, это была не моя свадьба.

Рута: И мы не приглашали вас.

Эфраим: Вы правы. Меня никто не пригласил. И поэтому мои усилия не дали удовлетворительного результата. Теперь, наверное, мой последний шанс – добиться чего-то. Теперь я с другим человеком, партнёром из Литвы. С человеком, которому литовцы доверяют. По крайней мере, до сих пор было доверие, пока Рута не взялась писать о Холокосте. Если это доверие существует, возможно, некоторые люди, которые прочитали более ранние книги Руты, откроют и эту и подумают. Возможно, другие люди присоединятся к Руте и поговорят с другими. Это лучшее, что вы можете ожидать. История Холокоста в Литве настолько драматична и шокирует, что люди, читающие книгу, будут взволнованы и, вероятно, начнут изучать историю своей страны другими глазами.

Рута: Мне в голову пришла одна мысль. Критикуйте, но я расскажу вам это. Если бы эти дети, которые пели, изучили 5-6 еврейских псалмов, я бы наняла им несколько автобусов, и мы путешествовали бы вместе по самым забытым местам массовых убийств. Мы останавливаемся в кустарниках Каварскаса, возле мясокомбината в Антакальнисе II и около ямы в Шешуоляй. И мы воздаём должное памяти жертв как своего рода детский реквием для евреев. Мы ползаем через кусты, чистим, останавливаемся и поём, потому что никто никогда 75 лет этого не делал. Не отпевал тех убитых, засыпанных известью, закопанных и забытых людей. Это неважно,

есть в ямах десять человек или тысяча. Меня более всего злит не то, что евреи были убиты. Я знала и, в некотором смысле, с этим соглашалась. Но я не знала, что память о них была стерта. Они закопаны и оставлены под кустами, как сдохшие крысы. Дорожки заросли, памятники построены в советские времена, или на деньги родственников жертв. Или за счёт английского посольства... Или памятников даже нет, если мы не рассматриваем мясной комбинат как памятник бойне. Прошу прощения за эту отвратительную мысль.

Эфраим: Ничего, я уже смог привыкнуть к вашим циничным замечаниям.

Рута: Что случилось с нами, литовцами? Ведь мы так уважаем мертвых? Вы видели Каварское кладбище, где похоронены мои родственники? Это просто ботанический сад. Мы ссоримся в семье, если что не так, если не те растения высаживаем на могиле, если не так памятник стоит... На Велинес (День всех усопших) мы едем за сотни километров, чтобы зажечь свечу на могиле каждого родственника, даже на могилах, на которые никто другой не придёт... Почему мы не уважаем массовые захоронения мёртвых, т. е. могилы убитых евреев? Почему мы хотим их забыть? Потому что евреи не наши? Это потому, что наши убили их, а чем более плотные кусты будут покрывать этот позор, нам будет легче?

В этой поездке я обнаружила две вещи, обе неожиданные. Первое: через 75 лет после трагедии люди всё ещё боятся говорить. Боятся очень старые люди, у них страх быть убитыми самим, несмотря на то, что они уже умирают... Второе – полное равнодушие к тем, кто был убит. Которые были убиты нами – литовцами. Женщина, с которой я говорила в Каварскасе, живёт в нескольких стах метров от места убийств. Почему она не сажает цветы там, почему бы не попросить мужчину иногда выкосить дорожку? Во всей Литве могилы евреев присматриваются учениками, потому что их туда ведут учителя. Пусть не национальный хор, а 100 обычных студентов отправятся в Каварскас, где в кустах уже 75 лет лежат забытые 10 или 12 евреев. И пусть они тем десятерым евреям под землёй споют мощный реквием, и весь Каварскас должен это услышать. Или, может быть, вся Литва, если реквием будет транслировать литовское телевидение. И пусть Литва думает: вы видите, как...

Тельшай / Телз

В конце XIX века в Тельшые жили 3088 евреев (49,8% от общей численности населения города).

Едем в направлении Тельшай. Мы останавливаемся в лесу Райняй. Райняй – это то место, о котором много говорили мои друзья: пишут о вине литовцев перед евреями, а ведь в Райняй наши люди были замучены евреями...

Эфраим: Я прочитаю свидетельство о том, что случилось с евреями в Райняе. Они были согнаны во временный лагерь – бараки в лесу.

В пятницу вечером раввин Блох попросил коменданта Платакио разрешить евреям молиться. Раввин сказал: если мы останемся в живых, мы всегда будем соблюдать три правила – субботу, кашрут и чистоту семьи. Все евреи сказали: «Аминь», и перед началом иудейской субботы евреи опустошили свои карманы, потому что в субботу евреям ничего нельзя носить с собой. Вечером были отправлены домой женщины и дети, а мужчины остались. Женщины поняли, что судьба мужчин была решена. Рабби попросил разрешения мужчинам носить шляпы и молиться молитвами, которыми молятся перед смертью...

Рута: Теперь моя очередь. Мы поговорим о нашей трагедии в Райняй.

25 июня 1941 г.

После начала войны сотрудники НКВД и НКГБ называли расстрел заключённых эвакуацией. В документах это называется эвакуацией

категории I. [...] Из 162 заключённых 76 заключённых содержались в тюрьме НКГБ Тельшай. [...] Красноармейцы отвели заключённых из камер в помещение охраны. Затем заключённых сложили в грузовики одного на другого. На рассвете 25 июня машины с заключёнными отправились к Локес, в лес Райняй. То, что там происходило, не очень хорошо известно. В Литве это была, вероятно, единственная казнь, после которой не осталось живых свидетелей, за исключением исполнителей казни. Домас Роцюс сказал: «Расстрел проводился красноармейцами. От нас были: начальник отдела НКГБ Раслан Пётр, оперуполномоченный Галкин и начальник тюрьмы Поцявичюс».*

Среди 26 сотрудников НКВД, участвовавших в аресте, следствии или убийстве заключённых Тельшай, есть две наиболее вероятные еврейские фамилии: Нахман Душанский, оперативный агент Тельшай, и Данил Шварцман.**

Свидетельствует Стасис Кильчаускас, житель Райняй:

Мученики лежали в ямах. Я и Йонас Чинскис неожиданно обнаружили в Райняйском лесу свежевскопанную землю. [...] Там лежали два двигателя, валялась капуста. [...] Через полчаса в лес собрались люди, в основном евреи. Большинство копали руками.***

Пранас Сабалияускас:

Я родился и вырос около Райняйского леса. [...] Я знаю об убийстве из рассказов Антанины Роцене, которая с её мужем участвовала в убийствах. Два чекиста приехали в исполнительный комитет и приказали ему отправиться в тюрьму, взяв с собой верёвки, гвозди, молотки и ножи. Войдя в тюрьму, он привёл заключённых и приказал их подвергнуть пыткам. Чекисты указали методы пыток: заключённым заламывали руки за спину, разрезали губы. Когда забивали гвозди в голову, заключённые начали очень сильно кричать. Чтобы не кричали, им отрезали половые органы и затыкали ими рот, потом вывели на улицу в автомобиль.

* Rainių tragedija, 1941 m. birželio 24-25 d., p. 6-7.

Райняйская трагедия 24-25 июня 1941 г., стр. 6-7.

** Там же, стр. 68-69.

*** Там же, стр. 78.

Пытали ещё и в лесу, там был приготовлен бак с горячей капустой. В горячую капусту засовывали руки и загоняли в ямы, всё ещё живых. Трое выползли с верха ямы из леса в поле ржи, там и были найдены эти три трупа. Чтобы заглушить крики людей, были поставлены три машины. Я сам видел, что происходило в лесу.

*Трупы выкапывали евреи. Говорили, что когда трупы обмывали, евреям приказали выпить эту воду, и тех, кто не пил, немедленно выводили и расстреливали.**

Эфраим: Теперь моя очередь.

Через несколько дней после резни литовцы обнаружили тела убитых заключённых. Епископ Стаугайтис и литовские власти решили организовать похороны, которые станут символическим актом победы над Советами. Каждый день евреев отправляли в лес Райняй, туда, где заключённых казнили, и заставляли выкапывать тела, мыть их, лизать раны, ложиться возле трупов в гробы. Большая часть просто не могла этого сделать. Отказавшиеся расстреливались на месте. Только 13 июля была похоронная церемония. Евреи были поставлены возле кладбища, и каждый участник процессии мог подойти и ударить или плюнуть в лицо. 15 июля все 700 евреев были убиты в лесу Райняй. Перед расстрелом раввин Блох обратился к литовцам и сказал: «Ваша страна залита нашей кровью. Но наша кровь будет звать вашу кровь. Наша кровь польет деревья. Ваша кровь омоет улицы».

Рута: Вернемся к литовской трагедии в Райняй. В более поздних расследованиях этих массовых убийств было показано, что и в те времена, в начале войны, и затем, события в Райняй были и остаются политическим делом. Как еврейский след, считались конкретные способы пыток жертв и тот факт, что Душанский был вовлечен в пытки, и его любимым способом пыток, якобы, было терзание половых органов. Главный организатор убийств Петрас Расланас бежал в Россию, не были осуждены ни участвовавший в убийствах Роцюс, ни Роцене. Душанский уехал в Израиль. Но вся Литва по-прежнему убеждена сегодня, что убийцы Райняй – это евреи-энкавэдисты. По словам учителей, учащиеся, которые рассказывают о Холокосте, говорят: «Хорошо, что евреи были расстреляны, потому что они мучили наших в Райняй». Некоторые из моих друзей также рассказывали мне то же самое.

* Там же, стр. 85-86.

Да, один Душанский стал большим количеством душанских, поэтому мы можем их обоснованно ненавидеть... Ведь они сами виноваты: Душанский бежал в Израиль и не был выдан в Литву. Если вы, евреи, утверждаете, что мы должны осудить виновных в Холокосте, почему вы не дали нам одного из самых важных виновников убийств в Райняй?

Ефраим: Я встретил Душанского в 1991 году, когда он бежал из Литвы. Его обвинили в двух вещах. Первое обвинение: он участвовал в убийстве политических заключенных в Райняй около Тельшай. Второе обвинение – во время допросов в послевоенные годы он подвергал пыткам литовских партизан. Душанский утверждал, что он не участвовал в убийствах в Райняй, потому что в тот день он отправился в другое место, кажется, в Алитус. Правительство Литвы обратилось к израильской юридической помощи при расследовании дела Душанского. Была собрана группа экспертов: Иосиф Меламед, представитель литовских евреев в Израиле, Дов Левин, известный историк и я. В Израиле существует закон: если заявление о правовой помощи было продиктовано антисемитизмом, нам не нужно предоставлять такую юридическую помощь. Поэтому Израиль ответил: помимо Душанского, 25 чиновников того же или более высокого ранга участвовали в трагедии Райняй, и ни на кого из них не было возбуждено дело. Это всё, что я знаю о Душанском.

Рута: Оставим его в покое. Или не в покое, если он действительно виноват. Душанского уже нет, как и большинства других преступников. Ни вы, ни я не знаем, виновен ли он. Однако мы знаем, что события в Райняй сильно разожгли антисемитизм литовцев.

Эфраим: И мы знаем, и мы видим, что 72 жертвы райняйской резни – литовцы – почтены уважением – огромной часовней, построенной на дороге, и дубовым парком, высаженным по другую сторону дороги. Для 700 жертв убийств в Райняй – евреев – нет ничего. Даже нет указателя на место их смерти. Старый советский памятник стоит рядом с упавшим забором недалеко от недавно построенного завода.

Рута: Итак, жизнь литовца стоит 10 еврейских жизней, так? Стоит часовни и дубов. Стоит около десяти книг, написанных об этих убийствах. В конце концов, в Райняй убили наших. Ваших погибло в 227 местах в Литве, или даже в большем числе мест, поэтому Райняй – совсем не уникальное место. И нет дубовых рощ, потому что дуб не подходящее дерево для евреев. Под дубами мы их расстреливали.

Забор, окружающий место казни евреев в лесу Райняй. *Фото автора.*

Плунге / Плунгян

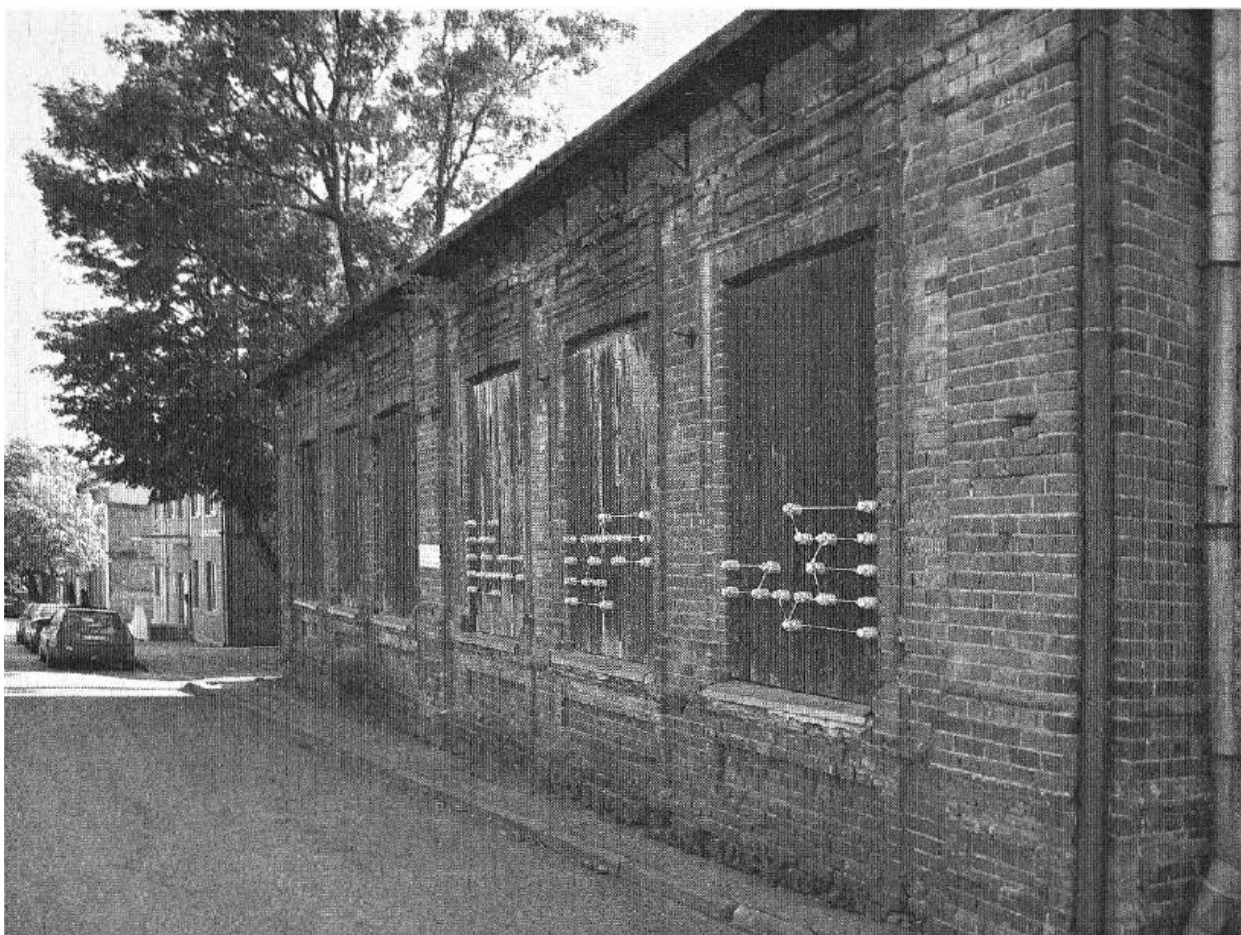
В конце XIX века в Плунге проживало 2502 еврея (55,6% от общей численности населения города).

Эфраим: Мы прибыли в Плунге, где встретились с Евгением Бункой, сыном последнего еврея Плунге, художника Якова Бунки. Отец Евгения недавно умер, поэтому в Плунге, одном из самых важных еврейских городов Литвы, нет ни одного еврея... Яков Бунка учился в Тельшайской ешиве – так называемой мехине, школе для младших мальчиков, которые ещё не могут быть допущены в ешиву. В советское время здание ешивы превратили в сувенирный завод, там работал Яков. Вот надпись на стене прежней ешивы: «Информация для посетителей ешивы. В 1940 г., при советской оккупации Литвы, ешива переехала в Кливленд».

Рядом с ешивой была и синагога, одна из нескольких, что здесь действовали. В этом здании теперь магазин окон и дверей. Я сам был в Тельшай только один раз, в 1991 году. Тогда, кроме Бунки, жили ещё три еврейки, все вышедшие замуж за литовцев. Теперь их уже нет.

Евгений отвез нас в гости к Ванде, одной из свидетелей событий в округе Плунге. Ванда угощает напитком из черной смородины и рассказывает:

Кто убивал? В Алседжяй Балтеюс, кузнец. Здесь было 134 еврея. До войны мы все прекрасно уживались. Когда немцы пришли, Балтеюс

Знаменитая ешива в Тельшяй. Фото автора.

немедленно себя показал. Здесь немцы не расстреливали. Только их штаб был. После войны этот Балтеюс уехал, оставив здесь свою жену и троих детей. Он был пойман в Польше, и когда его сюда привезли, вся рука была выкручена. Понимаете, это так. Он убил 29 женицин. Мы спрятали трёх евреек, а одна служанка выдала. Еврейки были из Алседжяй. Служанка работала в хозяйстве и заметила, что мы варим кашу, а мама куда-то носит. Евреек было три – швея Сара Браудене, её 20-летняя дочь Браудайте и Брикманайте, совсем им чужая, ей было 40 лет. Они пришли совсем голыми к нам, и жили в течение трёх лет, но с переездами. Полтора года пробыли, меня воспитывали, мне было два года.

По воскресеньям мой отец возил служанку в церковь, а в одно воскресенье она решила вернуться. Она приходит, и вот три еврейки, меня держат на руках и брата. Сколько отец просил, не помогло. Она дружила с полицейским, который расстреливал евреев, молодая, глупая. Сразу же отец увёз этих женицин. Обыск делали, отец был арестован, и его держали в течение трех месяцев. Затем они снова вернулись к нам. Мы все смотрели в окно, если кто-то шел по дороге, немедленно скрывались в подвале.

Приходит к отцу Балтеюс, другие белоповязочники, их отец усаживает на кухне за стол, он ставит бутылку, пьют все, а они со мной в подвале и мне рот затыкают, чтобы ни звука не было. Они выпили, уехали, и мы вылезли через несколько часов. Встретился Балтеюс с отцом в городе, говорит: я знаю, ты, Карейва, скрываешь евреев. Отец говорит: Пойдем, поговорим. Сидят, пьют оба. Балтеюс продолжает кричать: Ну, поймаю я тебя... Рядом с ним сидел сосед, слышит всё, прыгает на лошадь и говорит жене, чтобы она предупредила мою мать. Все евреи были расстреляны в Алседжяй во время Рождества. А те, которых мы прятали, все остались живы. Мой отец, Пранас Карейва, имеет эту медаль Праведников Мира. Но ещё несколько человек спасали, и священники спасали.

Рута: Кажется, здесь, в Жемайтии, люди гораздо больше доверяют друг другу, чем в других районах Литвы. Жемайтийцы другие? Они намного солидарнее, верно? Если два жемайтийца, проживающие в Вильнюсе, встречаются через 30 лет, какими бы они не были представителями элиты, они обязательно начнут разговаривать друг с другом по жемайтийски. Кроме того, люди здесь жили не в деревнях, а на хуторах, поэтому можно было меньше бояться соседа, кроме того, сосед был важен и нужен – мало ли что...

Эфраим: Евгений, знаете ли, сколько литовцев участвовало в убийстве евреев? По моим данным, от 25 до 40 тысяч.

Рута: Вы, евреи, даже здесь, особенно здесь, применяете коэффициент не менее 50 процентов...

Евгений: Могу только сказать одно: в районе Плунге таких было около 700. Когда немцы пришли, эти люди думали, что на все времена. Те, кто спасал евреев, также думали, что немцы пришли и останутся. Они знали, что, скрывая евреев, они взяли на себя ответственность на всю свою жизнь. Им придётся прятать этих людей в подвалах до самой смерти. Мало того, что они сами берут на себя этот долг, но также создают опасность своим детям. Это не смелость. Это намного больше.

Эфраим: Я ничего не слышал об этом. Мне никто этого не рассказывал. Но, с другой стороны, меня интересовали не праведники Холокоста, а убийцы.

Рута: Но ты должен слушать. Даже если вы враг и не любите нас, вы должны слушать и слышать всё, что мы говорим.

Эфраим: Я слушаю, я слушаю. Евгений, как вы думаете, что объединяло людей, которые спасали евреев? Были ли они хозяевами? Верующими? Чем они отличались от своих соседей, которые были либо

безразличны, либо убивали? Были ли люди, которые спасали евреев, удостоены чести в Израиле? Если нет, мы должны позаботиться об этом.

Евгений: Для них это не имеет значения. Они спасали евреев, потому что они были их соседями, их знакомыми. Возможно, некоторые из них работали в еврейских домах, воспитывали еврейских детей. Другие торговали с евреями, ели в еврейских кабаках, покупали у них, получали товары в долг. Говорят, что еврей, сосед литовской женщины, просил сохранить свои драгоценности, в том числе золотые изделия. Он планировал отправиться в Палестину, и когда он был бы уже там, она послала бы ему все это. Женщина сказала: «Нет. Если не хватит еды для моих детей, я продам ваше золото, и тогда я не смогу вернуть его вам». Где сейчас еврейское золото? Я думаю, что убийцы нашли его и забрали.

Рута: Кто был убийцами в Плунге? Необразованные? Неверующие? Примитивные? Безработные?

Евгений: Всекие были... Были среди них учителя, врачи, государственные служащие...

Эфраим: Я говорю об этом в течение 25 лет. Сотрудничество с нацистами охватывало весь спектр литовского общества. А правительство Литвы уже 25 лет говорит, что это всего лишь несколько подонков...

Евгений: Большинству убийц была важна еврейская собственность. Также у них было что-то не так с головой. В самом городе было около 30 убийц. Одного убийцу спросили, почему он убивает евреев, он ответил: «Потому что евреи – мошенники. Когда я продавал им гусей, они всегда торговались». Один еврей, из Ужвенчяй, Цикас, был арестован и его охраняли. Он попросил его отпустить, а охранял его его друг. Этот литовский друг Цикас и говорит: «Беги». Цикас убежал в хозяйство на холме к хозяину, и тот спрятал его. Прятал всю войну. Самое ужасное было то, что через эту усадьбу водили евреев на расстрел. Цикас видел это сквозь трещину в стене дома. Затем он женился на дочери этого хозяина.

Евгений отвез нас в лес Каушенай, где на средства фонда его отца построен огромный мемориал. На стене выбито 1200 еврейских фамилий. В отдельной яме лежат 84 убитых девочек-гимназисток, они были убиты отдельно. Евгению пришлось заплатить муниципалитету штраф за ремонт лестниц, ведущих к мемориалу – месту убийства – на территории парка. Штраф не был большим, но он был. Когда Евгений начал приводить в порядок территорию места убийства, работник муниципалитета тут же купил

участок там. Надеялся выгодно продать. Деловой парень. Продал – участок был куплен Евгением. Территория мемориала продолжает благоустраиваться.

Гимназистки Плунге. Около 1939 года.
Из личного архива Якова Бунки.

Здесь похоронены 84 девочки Плунге и другие убитые в Плунге евреи – 1200 имен.
Фото автора.

Плателяй / Плотель

В конце XIX века в Плателяй жил 171 еврей (28% от общей численности населения города).

Луг. Холм. Гора Язминай (Бокштакальнис) – кладбище еврейского геноцида. Лестница вверх к памятнику. Здесь были расстреляны молодые, сильные люди Плателяй. Евреи. Рядом с усадьбой старик и его жена связывают веники. Подходим. Жемайтйское наречие трудно понять, но я это понимаю. Странные эти жемайтйцы, малоразговорчивы, но каждое слово взвешено. Может быть, из-за того, что мало разговаривают, мало и выдавали?

Вы видели, когда расстреливали?

Я всё видел. Мне было восемь лет. Я всё помню. Нас было десять человек. Мы смотрели с горы. Машина пришла, вышла такая женщина, красивая немка, и дала команду. Всех расстреляли, поехали, один остался пьяный на страже. Дремал, сидя возле дороги и этой ямы. Затем Норвилас пришел закапывать. Норвилас был ублюдок, и зубы вынимал у трупов. Я этого не видел, только родители рассказывали.

Ну, один вылез из могилы, окровавленный, но не раненый. Глупенький, он мог бежать в гору, бежать и сбежать, так нет, он побежал к этому стражнику. У того змея был ещё один выстрел. И застрелил. Пьяный, но застрелил. Перетащил за ноги и бросил назад...

А с молодыми евреями дружили до того?

Как не дружить, мы знали всех. Отец был кузнецом, для евреев, бывало, колеса обивал... Дедушиус стрелял.

Дедушиус?

Да. Молодых людей. По шесть они ставили, или по пять к яме. Из винтовки стреляли. Никто не кричал. Как замершие были. После этого привезли хлорку и засыпали. Те, кто не стрелял, засыпали.

Рассказывали родителям, что видели?

Как не расскажешь. Но не разрешали идти смотреть. Говорили, куда вы лезете, ещё подстрелят. Жалел отец тех евреев, как не пожалеть. Хорошо уживались... Пока они были живы, я шёл в магазин, приносил баранок за пять центов, обернув вокруг руки. Пирогиев несли, телят забивали. И копильня была и бойня. Мы всех знали, но когда стреляли, я никого не узнал, это далеко было...

Через две недели расстреливали женщин Плателяй.

В синагоге осталось около 100 человек. В конце августа Якис (начальник полиции безопасности Кретинги) направил приказ командиру повстанцев учителю Баркаускасу их ликвидировать. Было созвано собрание, на котором планировалось место, день и час, и было рассмотрено, как без шума собрать женщин, которые в то время служили хозяевам, где взять достаточно повозок для детей и стариков. Среди собравшихся были Баркаускас, Жвинис, Зубавичюс, который до войны служил писарем в городском управлении. Обсудив всё, вызвали 12 человек, полицейских и повстанцев. Среди них было 6 добровольцев.

*Когда еврейки были доставлены к яме около озера Плателяй и ясно поняли, что их ждёт, начались разрывающие нервы крики и плач. Взрослых раздевали и стреляли по порядку одного за другим. С детьми обращались по-другому. Их расстреливали дальше от ямы, а затем бросили в неё. Всех детей от 1 до 10 лет было около 20. Все они были расстреляны Бертой Гришманаускаене, женой полицейского Гришманаускаса. Стрельба продолжалась всего около часа. Участники поделили одежду. На другой день Баркаускас послал Якису отчёт о выполненной задаче.**

Убийца Берта Гришманаускаене был немкой. Короче, не наша.

* Rūta Puišytė. Masinės žudynės Lietuvos provincijoje. Iš: *Žydų muziejus: almanachas*, 2001, p. 182-183.

РАЗГОВОР С ВРАГОМ. ПЛАТЕЛЯЙ – КЛАЙПЕДА

Эфраим: Меня беспокоит одно в этом путешествии. Рута отвергает все свидетельства, которые я читаю во время её вождения. Свидетельства о литовцах, которые жестоко обращались с евреями перед приходом нацистов. Она не считает, что люди могли быть такими.

Рута: Да, вы читали мне, что по Плунге шли голодные еврейские девушки, а литовцы через окна им бросали в окна объедки и кости. Как этому верить.

Эфраим: Да, это рассказы свидетелей. Я не вижу причин не верить в это. Это один из самых важных источников взаимного напряжения в этом путешествии. Рута явно пытается показать события Плунге в качестве примера, что в Литве было немало людей, которые не убивали, а спасали евреев. Может быть. Возможно, жемайтийцы были такие, и они не боялись своих соседей и осмеливались скрывать евреев.

Рута: Почему я должна доверять показаниям, которые через столько лет израильским издателям дали выжившие жертвы Холокоста? Люди через определенный период времени часто увеличивают степень своих страданий. Страшный ужас становится двойным или тройным ужасом, а из-за нескольких десятков литовских убийц евреев весь литовский народ становится убийцей. Вся идея нашего путешествия – не читать друг другу всякие свидетельства, но проехать через Литву, чтобы обоим послушать то, что сейчас говорят люди – живые люди, те, которые видели, слышали сами или от своих родителей. Посмотреть в глаза этих людей, посмотреть на слёзы в их глазах, услышать их интонации, их молчание...

Эфраим: Как мы можем знать, что люди говорят правду?

Рута: Ну, где уж там, ведь они литовцы, верно? Но в Плунге мы поговорили с пятью людьми, и все они говорили о том, сколько местных жителей пытались помочь евреям. Почему мы не должны им верить?

Эфраим: Хорошо. Мы остаёмся с нашей верой и нашими сомнениями. Пойдём дальше.

Рута: Я хотела бы вернуться к разговору о мотивации убийц.

Эфраим: Может быть, однажды мы перестанем говорить о мотивации...

Рута: Нет, я хочу поговорить об этом. Вернемся к Плателяй. Вспомните, что говорил старик, который вязал веники на месте казни в Бокштакальнисе? Я спросила его, почему эти сыновья хозяев стали убийцами евреев? Хотели ли они грабить еврейские богатства? Были ли они жестокие

или просто пьяные, или хотели понравиться немцам? Этот человек сказал: они хотели быть могучими. Это новая идея. То есть, эти молодые и примитивные деревенские парни наслаждались, унижая евреев, потому что они чувствовали себя сильнее и могущественнее. Они ведь не сразу стали стрелять. Они стали белоповязочниками, полицейскими, ничем не рискуя. Впервые в жизни у них есть оружие, повязки, а заодно – право контролировать других, других людей, делать с ними всё возможное. «Мы им покажем» – это менталитет, который заставляет парней одной деревни бить парней другой деревни на танцах. Сила группы. Тупость группы. Жестокость группы. И всё же: немцы для них означали силу, и они чувствовали себя сильнее вместе с немцами.

Эфраим: Они стали частью силовой структуры, верно? Но евреи в литовском обществе всегда были теми «другими». Антисемитизм был очень важным фактором. Эти люди, наконец, почувствовали себя сильнее евреев. Они всегда знали или чувствовали, что евреи были в чём-то более превосходящими. Они получили образование, им везло, они занимали большую часть местного бизнеса, значительную часть свободных профессий. В этой поездке я понял одну важную вещь. Отчуждение евреев и литовцев... Евреи, живущие в литовской провинции, несомненно, чувствовали себя выше, чем жители деревни, и это приводило ко всё возрастающей враждебности. С литовской стороны.

Рута: Я никогда не думала об этом. Как евреи «транслировали» это послание – мы превосходим вас.

Эфраим: Сначала они были изолированы. Исторически было необходимо, чтобы евреи сохраняли свои особенности неассимилированными. Евреи считают, что они избранный народ. И тогда тоже верили в это. Литовцы, конечно, это чувствовали. Это был большой барьер между евреями и более примитивной частью литовского общества, особенно в провинции.

Рута: Исследование историка Римантаса Загрецкаса свидетельствует о том, что половина литовцев, судимых за расстрелы евреев, были неграмотные, а четверть из них окончили несколько классов начальной школы. Правда, он изучил только несколько сотен файлов из тысяч, хранящихся в Специальном архиве.

Эфраим: Я склоняю голову перед историком, который открыл это. Это очень важное исследование. Однако все труды и исследования, которые были или будут опубликованы в Литве, не решают проблемы, потому что о них не пишут в средствах массовой информации, они не отражаются в речах

политиков и не помещаются в учебники, по которым учится молодое поколение. Они не влияют на сознание людей.

Рута: Но вы соглашаетесь с тем, что такие исследования, которые проводятся изучающими Холокост литовскими историками – шаг вперед?

Эфраим: Да, их исследование – это один шаг вперед.

Рута: Всё, что нам нужно сделать, это популяризировать то, что историки написали в своих научных исследованиях. Сделать эти факты, эти открытия доступными и понятными каждому литовцу.

Эфраим: Существует огромный разрыв между тем, что написано в академических исследованиях литовских историков и тем, что знает ваша широкая общественность.

Рута: Кто должен заполнить этот пробел?

Эфраим: Как ни странно, я думаю, что это вы должны сделать. Я надеюсь, что этой книгой вы пробьёте стеклянный потолок и правда прорвётся. Я уже говорил вам о классическом примере польского историка Яна Гросса, о книге «Соседи». Когда она появилась, поляки были в шоке: что, мы – убийцы? Так мы же жертвы, мы всегда были жертвами. Эта книга в Литве может вызвать подобный эффект.

Рута: Но, этот эффект должны были вызвать все книги историков, изучающих Холокост: Арунаса Бубниса, Альфонсаса Эйдинтаса, Валентинаса Брандишаускаса, Альфредаса Раукшенаса, Людаса Труски, Саулюса Сужиделиса, Руты Пуйшите, Римантаса Цизаса, Римантаса Загрецкаса...

Эфраим: Да. Эти исследования не прозвучали, как они были должны прозвучать. Никто не хотел, чтобы это произошло. Тем историкам посчастливилось, что почти никто в Литве их не читал и не дискутировал о том, что они написали. У них есть безопасная работа, они делают академическую карьеру, и всё это могут уничтожить люди власти, пытающиеся скрыть правду. Чем меньше людей читают литовские исторические исследования, тем лучшие возможности у них продолжать делать то, что они сейчас делают.

Рута: Те же историки, однако, признают, что убийства евреев в провинциях Литвы практически не изучены. Это белое пятно. Я бы сказала наоборот – это очень, очень чёрное пятно. В истории и историографии Литвы. Самое чёрное. Руководитель исследовательского Центра изучения геноцида и сопротивления сообщила журналистам, что исследования Холокоста неполные просто потому, что не хватает людей их выполнить. Но

людей хватает на всестороннее исследование антисоветского сопротивления.
Исследования наших людей.

Таураге / Тавриг

В конце XIX века в Таураге проживало 3634 еврея (54,6 процента от общей численности населения города).

1941 год

*Я, Антанас Шегжда, заявил о своей готовности добровольно присоединиться к полиции. Моя цель присоединиться к полиции заключалась в том, чтобы получить больше прав, что сделало бы мою жизнь лучше, поскольку у меня будет больше возможностей получить всё, что нужно.**

Антанас Шегжда с 1939 года учился в семинарии учителей Таураге. 15 июня 1941 г. студентов семинарии отпустили на летние каникулы. Антанасу было 19 лет.

25 или 26 июня двое друзей пришли ко мне и предложили присоединиться к отряду добровольцев. Они сказали, что если я присоединяюсь к этому отряду, мне будет легче жить. [...] В полиции я носил гражданскую одежду, я был вооружён винтовкой, на левой руке у меня была белая повязка из белого материала, на который я написал сам «Ordnungsdienst», что означает «Служба порядка»

* LYA, K-1, ap. 58, b. 43767/3, стр. 5-6.

В конце августа 1941 года я три раза участвовал в расстреле евреев. Нас было 50 полицейских. В первой операции я лично расстрелял 10 евреев. Из города в лес их конвоировали кадровые полицейские. Они вели их рано утром, чтобы их не могли видеть жители города. Мы отняли у них деньги и ценности, положили одежду в кучу, а затем отвезли на склад и раздали потерпевшим от войны, включая мою мать, со склада. Мать принесла мне со склада новое синее шерстяное пальто.

Кроме того, я находил большие суммы денег у евреев, прибывших на расстрел. То есть, когда приводили партию евреев к яме, вырытой для стрельбы, я им предлагал отдать мне деньги, потому что их всё равно ждет смерть. Тогда они отдавали мне различные суммы денег, за которые я купил шляпу за 50 рублей, в Каунасе я купил скрипку за 700 рублей, а другие деньги я потратил на еду. За весь период я забрал у убитых евреев около четырех тысяч рублей. За всю свою деятельность я убил около 50 евреев.

*В полицейской части я служил около трёх месяцев, т.е. с 26 июня по конец августа, а с 15 сентября я снова начал учиться.**

Антанас Шегжда работал хористом в Шяуляйском городском театре в послевоенные годы, а также литературным сотрудником в газете. В 1948 году был арестован и приговорен к 25 годам лишения свободы.

2015 год

Таурагский краеведческий музей. Есть ли информация о еврейской общине, жившей здесь, об убитых 4000 евреев из Таураге?

Мы встречаем дружелюбного музейного работника, который ведёт через экспозицию музея. Нет, у нас нет ничего о 4000 евреях, которых убили. Но мы очень гордимся другими частями экспозиции. Мы рассматриваем коллекцию монет в один цент Соединённых Штатов. Парень говорит, что многие посетители удивляются, видя такую большую экспозицию монет в 1 цент. Другой стенд о писателе Оноре де Бальзаке, который когда-то путешествовал по Таураге и даже останавливался там.

* LYA, f. 3337, ap. 55, b. 153, стр. 4-7.

РАЗГОВОР С ВРАГОМ. ТАУРАГЕ – ЮРБАРКАС

Рута: Пройдя столько мест массовых убийств, я уже знаю, в каком лесу искать их. Я уже узнаю «годные» на убийства леса. Лес должен быть большим, плотным, недалеко от города и дороги. Должна быть поляна, где удобно копать ямы и иметь достаточно места для стрельбы в людей и достаточно места для самих стрелков. Здесь, например, имеется подходящий лес. Это знак, что евреев убивали здесь.

Эфраим: Здесь убито 3000 человек.

Рута: Литва такая прекрасная страна... И вы это признаёте... Мы можем думать о ней как о молодой красивой девушке, чьё цветущее тело ранено ранами, хорошо скрытыми от взглядов людей. 227 ран – 227 мест убийства. Мы можем объявить, что девушка здоровая и раны давно зажили, но от наших разговоров они не заживут. Мы должны что-то сделать с этими ранами. Историк Альфонсас Эйдинтас в 2001 году говорил в сейме: «Необходимо открыть раны и позволить выйти гною...» В Литве нет других таких запущенных, гнойных ран – только это...

Старое еврейское кладбище вместе со своим забором – это место массового убийства. 2000 юрбаркассских еврея – вся еврейская община Юрбаркаса, расстрелянная 3 июля 1941 года.

Эти убийцы были милосердны – они убивали людей возле своего родового кладбища, а не где-то у болот или в кустах... Давно умершие дедушки, бабушки и родители слышали крики своих детей и внуков. Дети, наверное, думали перед убийством возле могил своих родителей, встречая смерть в 30 метрах от могилы своего отца: «Отец, помоги мне...» Что думали люди перед смертью? Какие молитвы они говорили, какие псалмы они пели или произносили про себя?

Эфраим: Есть много историй о евреях, ожидающих смерти. Я слышал о четырёх разных псалмах или песнях, которые чаще всего пели евреи, прежде чем они погибали. Одна очень известная песня рассказывает о еврейской вере в пришествие Мессии. «Я буду ждать каждый день, когда он придёт, и даже если он опоздает, я все равно буду ждать». Ещё одна песня называется «Хатиква», ранее была гимном сионистского движения, а теперь она стала гимном Израиля. Эта песня выражает желание еврейского народа вернуться на родину и создать независимое государство. Третья песня – «Интернационал», а четвертая – национальный гимн Чехословакии. Многие евреи из Чехословакии были патриотами своей страны и, идя к газовым камерам Аушвица, пели этот гимн.

Рута: Когда я писала книгу о проблемах ухода за пожилыми людьми, я много читала о смерти. Я видела много людей на смертном одре – знакомых и незнакомых людей. Мне кажется, что смерть достаточно милосердна. Прежде чем взять человека, она затемняет его сознание. Прежде чем вы умрёте, вы уже не думаете, живы ли вы ещё или нет. Входите в бессознательное или полусознательное состояние. Вероятно, это своего рода механизм самозащиты, который работает в это время. Я надеюсь, что все евреи, которых вели стрелять или стояли на краю ямы, находились в таком состоянии. Зная, что смерть уже здесь, они, казалось, были парализованы. Их ум затмился. В конце концов, многие убийцы в своих рассказах говорят: евреи молчали перед расстрелами, они молчали, застывали, словно парализованные, как будто они были наполовину мертвы...

Эфраим: Во многих случаях евреи не знали, что их ведут расстреливать. Убийцы говорили им, что их ведут на работу, собрания, митинги, даже прививки. Евреи, вероятно, полагали, что есть шанс избежать смерти, поэтому их уводили без сопротивления. Если бы они убегали, охранники бы их расстреляли. Я думаю о том, почему евреи почти не сопротивлялись, хотя иногда их охраняли или конвоировали очень мало охранников. Была ли их воля разрушена унижительным и мучительным пребыванием во временных лагерях и гетто? Была ли здесь традиция еврейских мучеников? На протяжении веков евреи поклонялись мученикам, которые вместо того, чтобы отвергнуть свою веру, предпочли умереть. В период инквизиции многие евреи отказались принять христианство и умирали с *Киддуш Хашем* (почитанием имени Бога). Возможно, это был один из факторов. Ещё одна важная вещь: евреи были меньшинством, где бы они ни жили, беспомощным меньшинством. Когда вы соедините все эти факторы в один, вы поймете, почему евреи так редко осмеливались сопротивляться.

Рута: Это удивляет всех свидетелей. Всех убийц. Когда их допрашивали, они говорили, что они видели, что евреи были спокойны, как овцы. Восемь солдат 1-го батальона TDA / PPT вели несколько сотен еврейских партий одну за другой из Каунасского гетто в IX форт за несколько километров. Ни один еврей даже не пытался бежать. Ни один из 10 000. Правда, один одиннадцатилетний ребенок бежал из ямы – так рассказывал зубной техник, «любитель убивать людей» Пранас Матюкас. Мальчик был по имени Юделе. Его тогда из автоматов расстреляли немцы.

Бутримонис / Бутриманты

В конце XIX века в Бутримонисе жили 1919 евреев (80,1 процента от общей численности населения города).

1941 год

*Бутримонис был одной из старейших еврейских общин в Литве. У местной еврейской общины были каменная синагога, школы с преподаванием на иврите, благотворительные общества, 52 (из 54) магазинов, пивоварен, пекарен и других предприятий.**

Начальник полицейского участка Бутримонского района сообщил начальнику полиции области, что еврейский вопрос «очень актуален, потому что в городе насчитывается 2000 евреев, которые должны быть “приведены в порядок” в ближайшем будущем».**

8 сентября по приказу командира полиции Бутримониса Леонардаса Каспарюнаса-Касперскиса все оставшиеся живые евреи были загнаны ночью

* Arūnas Bubnys. Holokaustas Alytaus apskrityje 1941 m. Iš: *Genocidas ir rezistencija*, 2012, Nr. 1 (32), p. 37.

* Арунас Бубнис. Холокост в Алитусском уезде в 1941 году. Из: *Геноцид и сопротивление*, № 1 (32), стр. 37.

** Там же, стр. 38.

в начальную школу города. На следующее утро были запланированы убийства бутримонских евреев.

По-видимому, ждали, что 3-я рота батальона TDA во главе с Бронюсом Норкусом завершит работу в Алитусе и «освободится» на работу в Бутримонисе. 9 сентября 1941 года произошла самая большая казнь в Алитусе. Согласно докладу К. Егера, в тот день мужчины во главе с Б. Норкусом в Алитусе «обслужили» 1 279 евреев: 287 мужчин, 640 женщин и 352 детей. Мужчины не отдыхали, они сели в автобус. Ждала работа, а затем заслуженный отдых в непосредственной близости от Бутримониса.

*9 сентября 1941 года из Алитуса прибыл автобус с примерно 20 солдатами мобильного отряда. Во второй половине дня местные полицейские и белоповязочники начали выводить евреев из школы и строить их по колоннам. Одетым в лучшие одежды евреям было приказано раздеться до нижнего белья. Колонны евреев привели в деревню Клиджоняй, расположенную в 2 км от Бутримониса. [...] Расстрел окончился вечером. Затем убийцы вернулись в Бутримонис, и конец работы был отпразднован в столовой городка. 9 сентября 1941 г. в Бутримонисе убили 740 евреев (67 мужчин, 370 женщин и 303 детей).**

Когда Л. Каспарюнас-Касперскис, который был знаменит зверствами, был переведён на работу главой полицейского участка Бирштонас, «уезжая из Бутримониса, он вёз с собой 14-15 больших повозок награбленного имущества». Местные жители, увидев это, говорили: «Едет еврейский король Касперскис».**

2015 год...

Прежде чем отправиться с Зуроффом в Бутримонис, я посетила художника Антанаса Кмеляускаса, единственного живого свидетеля, процитированного в начале книги, который видел убийство 1941 года своими глазами.

Антанас Кмеляускас до сих пор помнит всё, как будто это произошло вчера. Он рассказывает то, что не рассказывал после своего прибытия из США в 1998 году:

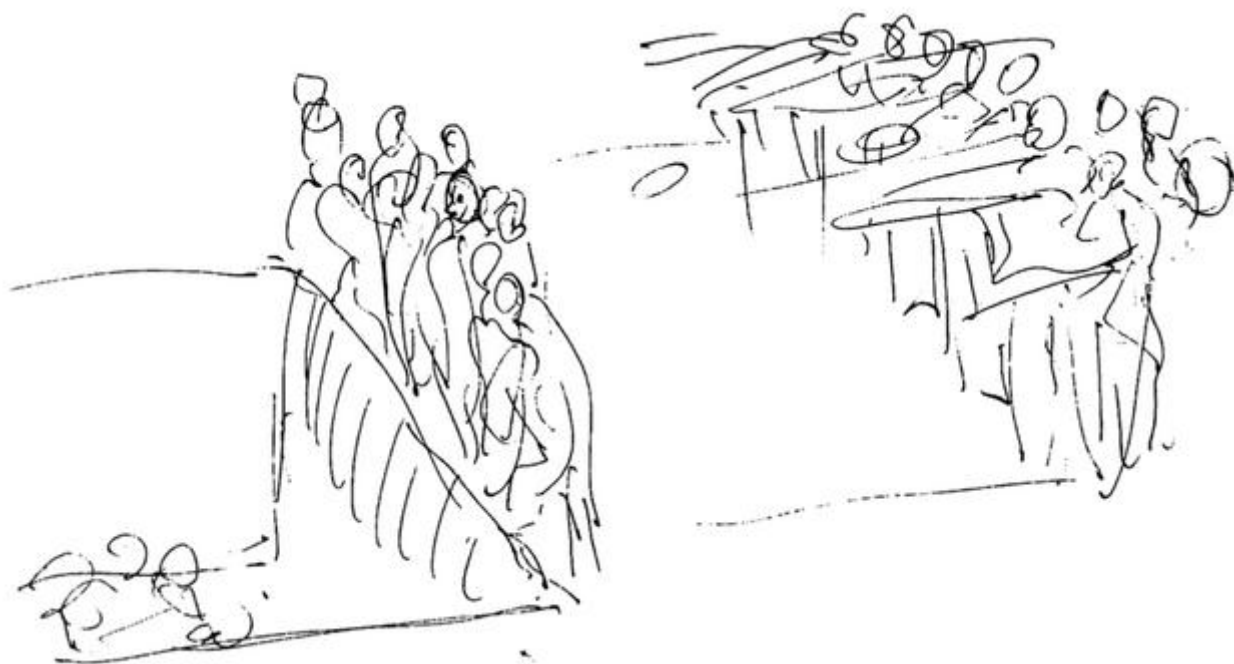
Когда убийства закончились, мы, дети, которые наблюдали всё из дома, пошли туда к яме. Пришли и другие бутримонцы. Мы видели, что

* Там же, стр. 39.

** Там же, стр. 40.

некоторые люди в яме всё ещё живы. Одному из раненых ребят трудно было дышать, очевидно, был залит кровью его нос, он пошевелился, пытаясь дышать воздухом. Убийцы не хотели расходовать пули, они искали камень около ямы, чтобы прикончить этого человека. Но не литовцы это придумали, а немцы. Литовцы только были втянуты в эти убийства.

Можете ли вы нарисовать то, что вы видели, спрашиваю художника.
Антанас Кмеляускас рисует...

Казнь в Бутримонисе. Рисунок свидетеля Антанаса Кмеляускаса, лауреата Национальной премии в области культуры и искусства Литвы, через 75 лет.

Бутримонис – небольшой городок. Пустой. Мы ищем старика – как и во всех городах, которые мы посетили до сих пор. Вот около магазина идёт старый, совсем старый и потрёпанный бутримонский старик, опираясь на палку, по направлению к лесу. Он согласен показать нам за пачку сигарет массовые захоронения и в городе и в лесу Клиджонай.

Клиджонис находятся всего в нескольких километрах от Бутримониса. По пути – то место, где художник Антанас Кмеляускас в возрасте девяти лет видел убийства. Здесь убили стариков, потому что молодые и сильные бутримонские евреи уже были расстреляны в Алитусе.

А где второе место убийства, где, по словам нашего старого гида, расстреляно 352 ребенка? Мы проходим через поля, через луга, без указателей, не понимая, куда нас ведут, и сколько ещё надо идти. Старичок идёт, опираясь на палку, его лёгкие надрывно хрипят. Звук ужасен. Слышится издалека. У старика очень плохо с лёгкими. Наконец, старик останавливается и говорит: «Я не могу пойти с вами дальше. У меня нет здоровья. Идите в этом направлении, вы найдёте место убийства детей». Старик остаётся ждать нас посреди поля. 35 градусов жары.

Мы идём в поля дальше, но куда идти? В каком направлении? Налево от пасущейся лошади или направо? Канава. Эфраим останавливается. Я иду дальше. Мне нужно найти детское кладбище.

И всё же я не нахожу его. Вот и всё. Как-то очень жалко старика, который там на жаре сильно хрипит лёгкими. Мы возвращаемся. Старичок приносит извинения за то, что не нашёл место, жалуется – живёт один, бедствует, жена давно мертва, а сына убили в Италии. Прощаясь, он нам ещё показывает дом последней еврейки Бутримониса Ривки, огромное здание в центре города с забитыми окнами.

Когда всех бутримонских евреев убили, Ривка со своей сестрой спаслась и осталась у себя дома. Жили здесь до 1977 года, потом они обе переехали в Вильнюс.

Эфраим: Ривка была одна из немногих бутримонских евреев, переживших Холокост. Она и её сестра остались здесь, чтобы сохранить свои воспоминания о своих родственниках и соседях. Это был очень редкий случай, потому что евреи, пережившие Холокост, не оставались там, где они родились, и где их близкие были убиты. 220 еврейских общин в Литве были стёрты с лица земли. Вся литовская провинция осталась без евреев. Евреи остались в нескольких городах – Вильнюсе, Каунасе, немного осталось в Шяуляе и Паневежисе. Я встретил Ривку Богомолну в 1991 году. Она была первым человеком в Литве, которая привлекла внимание мирового сообщества к незаконной реабилитации преступников Холокоста в Литве. Хотя в Литве был установлен правильный закон – никто, кто участвовал в геноциде, не должен быть реабилитирован – но закон практически не работал.

Рута: Кто были эти люди – убийцы евреев Бутримониса? Ведь стреляли люди 3-й роты знаменитого TDA / PPT, возглавляемого Норкусом, был приглашён и летучий отряд Хамана, который также расстреливал

алитусских евреев тем утром... А, согласно Ривке, в убийствах участвовали и местные, её соседи из Бутримониса?

Эфраим: Да. Это были Юозас Красинскас и Казис Гриневичюс. Ривка рассказала мне об этом в 1991 году. Затем профессор из Литвы Шмуль Куклянскис дал мне дела еще 12 преступников, реабилитированных в Литве. *New York Times* опубликовала эту историю на первой странице. Как ни странно, но в тот день Литва стала членом Организации Объединённых Наций. Десятки тысяч людей, приговорённых Советами, были реабилитированы, когда Литва обрела независимость. Сколько из них участвовало в расстрелах евреев? Были ли надлежащим образом расследованы их дела и были ли проигнорированы преступления, совершённые во время войны?

Рута: Насколько я знаю, около 26 000 человек в Литве были реабилитированы. Среди них один член Особого отряда. Почему? Я не знаю. Ведь в соответствии с показаниями старшины Йонаса Тумаса, возглавлявшего этот отряд, убивали все «особые»... Я видела форму заявления о реабилитации. Если вы хотите, чтобы ваш отец или дед, которые были осуждены советами, были реабилитированы и им было бы возвращено имущество, а также выплачена денежная компенсация, нужно заполнить заявку. Там нужно указать немного: где родился этот человек, какой приговор, где и сколько был в заключении. Генеральная прокуратура после получения этого заявления решает и даёт ответ в течение трёх недель. В Комиссии, которая расследуют заявление этого человека, всего несколько человек. Было тысячи заявок. В делах осуждённых иногда один, а иногда и 5, 7 или 12 томов, в каждом томе несколько сотен страниц. Были ли эти дела тщательно исследованы, а может, только читали приговор в конце дела, и всё? И ещё. Если человек был реабилитирован благодаря большому реабилитационному буму в первые годы восстановления независимости, возможно ли через 20 лет эту реабилитацию пересмотреть? Стоит ли это делать? Чего мы добьёмся? Человек уже мёртв, возвращённого имущества больше не отнимешь. А Литва будет выглядеть плохо и в своих глазах, и в глазах других – ошиблись, опозорились, реабилитируя убийц, и убийц найдётся больше, чем мы хотим найти, если хотим найти... Сколько было ошибок: даже мемориал Тускуленай, где 700 останков заключенных НКВД – более половины из них признаны виновными в массовых убийствах евреев. «Смерть всех равняет» – сказал вице-министр культуры на открытии мемориала. Убийца равен жертве. Наконец-то. Как на обложке этой книги...

Эфраим: Но литовцы говорят, что люди, которых допрашивали Советы, признали, что их пытали...

Рута: У литовских историков есть своё мнение. Во-первых, советские допрашивали не только обвиняемого, но и десятки его соратников, свидетелей, и обычно совпадают даже детали показаний. Я сама читала эти показания. Во всех примерно то же самое, и из всех протоколов, в которых десятки и сотни случаев, можно составить довольно точную картину преступлений. Конечно, каждый из них уменьшает свою вину, число расстрелянных... Другая интересная вещь: когда речь идёт о допросах, на которых литовцы говорят советским следователям о своей антисоветской борьбе, мы не считаем, что эти признания под пыткой. Мы верим в них, и считаем этих людей героями антисоветского сопротивления. И если человек рассказал о том, что расстреливал евреев, нет оснований полагать, что он признался под пытками. Человек прославляется за то, что он был антикоммунистом. Гитлер тоже был величайшим антикоммунистом в истории, верно?

Поэтому, очевидно, наше желание быть красивее, чем мы на самом деле были... Иногда я шучу с друзьями, что литовская история, в общем, была такая: что с лошади Витаутаса перескочили прямо в НАТО, а что было в промежутке? Ну, депортации и 13 января, героизм и страдания...

Паневежис / Понивеж

В конце XIX века в Паневежисе жили 6627 евреев (51,1 процента всего населения города).

Эфраим: В Паневежисе до войны жили 10 000 евреев. После таких городов, как Вильнюс и Каунас, это была третья самая важная литовская еврейская община. Паневежская ешива была одной из самых важных в Литве. Брат моего деда Эфраим Зарас был одним из её учеников. В 1940 г. Советы её закрыли. Тогда раввины отправились в Израиль и там открыли новую Паневежскую ешиву, которая является одной из самых известных в современном еврейском мире.

Рута: Почему Паневежская ешива была так важна?

Эфраим: По двум причинам. Прежде всего, уровень преподавания. Лучшие раввины мира учили в ешиве, поэтому самые талантливые еврейские ученики приезжали сюда, чтобы учиться. Приезжали отовсюду. Некоторые из них позже стали раввинами, другие просто образованными людьми. И многие, конечно, погибли во время Холокоста. Теперь вернёмся к 1941 году. Хочешь или не хочешь, я буду читать свидетельства выживших, опубликованные в Израиле.

Рута: Не хочу.

Эфраим: Я читаю.

Когда евреев бросили в гетто в самом бедном квартале города, над ними постоянно издевались. Евреев ежедневно таскали по городу и избивали. Большая толпа горожан собиралась, чтобы увидеть, как несчастные подвергались пыткам. Многие еврейские интеллигенты были арестованы и подвергнуты особенно жестоким пыткам. Мужчины из гетто были доставлены на цементный завод. Здесь были огромные ямы с известью, где известь всё ещё кипела. Евреям было приказано лить воду в ямы, чтобы известь лучше кипела. Затем евреям приказали прыгать в ямы и плавать в кипящей воде.

Рута: Ну это уж чересчур. Никто не может плавать в кипящей воде...

Эфраим: Вы считаете, что это свидетельство – выдумка? Читаю дальше.

Один еврей пытался удержать голову над водой, и убийцы решили, что он хочет спасти свою бороду. Они ударили этого беднягу по голове прикладом винтовки, и он нырнул. Когда другие евреи вытащили его, его глаза были выжжены и были совсем белыми. Затем этих евреев повезли в лес Пажуосте, чтобы расстрелять.

Рута: Слушай, всё имеет предел. Да, он плавал в кипящей воде, и думал о том, как сохранить бороду... А потом, поплавав, они вышли на берег, а затем их повезли на расстрел... Может быть, я могу предложить вам, вернувшись, вскипятить котёл? Как бы я ни чтитела свидетелей Холокоста, есть предел для всех небылиц.

Эфраим: Здесь не было предела еврейским мукам. Просто не было.

1941 год

Один из моих самых близких и самых замечательных людей – муж тёти Гени полковник лейтенант Антанас Стапулёнис. В конце июня 1941 года он командовал повстанцами Паневежиса*. Когда прибыли немцы, повстанцы стали полицейскими или полицейскими помощниками белоповязочниками. А. Стапулёнис, бывший комендант города и округа, стал начальником штаба местной охраны Паневежиса. Когда на службу вернулись все бывшие служащие городского управления, за исключением бурмистра, Стапулёнис назначил временного, который работал до конца нацистской оккупации. Штаб местной охраны заботился о порядке в городе, издавал

* *Panevėžys nuo XVI a. iki 1990 m.* Autorių kolektyvas. Panevėžys: Nevėžio spaustuvė, 2003, p. 459.

приказы, запрещающие расхищение заброшенной чужой собственности. Какой вклад внёс начальник штаба в переселении евреев в гетто, т. е. в исполнение приказа немецкого ортскоменданта? С 11-го июля евреи были помещены в один квартал, из которого литовцы были выселены. Дома, оставленные евреями, грабило простонародье Паневежиса. Сотрудники службы охраны не могли их остановить... Из 4423 евреев, живущих в гетто, только 3207 имели укрытие над головой, а остальные 1216 жили под открытым небом. Считалось, что по крайней мере половина из этих евреев, оставшихся без крова, могла быть размещена в домах, если из них убрать шкафы, столы и диваны.*

А друг по детским играм моей мамы Лили, тринадцатилетний Ицик, которому оставалось жить месяца полтора, имел ли он крышу над головой? Знала ли моя мать, где он, и почему летом не выходит во двор?

23 августа произошла самая большая казнь евреев Паневежиса в лесу Паюостес. В тот день летучий отряд Хамана посетил Паневежис, как и Бутримонис. Отчёт К. Егера гласит: «1941.VIII.23 “обслужено” 1312 еврейских мужчин, 4602 евреек, 1609 детей». Детская могила отдельно. Вероятно, там и лежит Ицик с разбитой головой.

*Тяжёлую работу делали мужчины Хамана... Из рапорта К. Егера: Наши люди проезжали 160-200 километров до некоторых мест акций и обратно. Только умело планируя время, можно было сделать до 5 акций в неделю.***

Антанас Стапулёнис сохранил свой пост до конца августа 1941 года. Затем, до 15 ноября, он работал в муниципалитете в качестве налогового инспектора. Муниципалитет города должен был распределить имущество убитых евреев до осени. Более дорогая мебель и другие вещи были взяты немцами, худшие вещи были переданы в Паневежский драматический театр, в спортивный зал девочек, больницам, приютам или проданы жителям города. Не всё удалось продать, жители Паневежиса бесплатно получили: «2636 мужских брюк, 7644 покрывала, 12 751 комплектов белья, 8235 наволочки, 10 254 полотенца, 2536 детских пальто, 4827 вещей другой детской одежды и тысячи других вещей от кроватных матрасов до тарелок и чашек»***.

* Там же, стр. 471.

** LYA, K-1, ap. 58, b. 4774/6, t. 4, p. 160-161.

*** *Panevėžys nuo XVI a. iki 1990 m.*, p. 486.

Открыв список отданных жителям вещей и взяв калькулятор, я подсчитала, что осенью 1941 г. паневежцы получили бесплатно в общей сложности более 80 000 предметов. По муниципальным данным, в Паневежисе в 1941 году были расстреляны 4423 еврея. В конце августа в городе проживало 25 540 человек. Таким образом, каждый житель города бесплатно получил по 3-4 вещи или поношенной одежды убитых евреев. Что-нибудь взяла и моя бабушка? И одевала ли что-нибудь из этой одежды моя четырнадцатилетняя мама?

2015 год

Мы с врагом уже в Паневежисе. Мы проходим через город, ищем ешиву. Сотрудник туристического информационного центра чуть ли не берет нас под руку и показывает нам. На ешиве надпись: «Торты и пряники. Мы принимаем заказы». Сейчас здесь кондитерский цех «Eglès» и магазин. Женщины, продающие пироги, не знают, что было здесь раньше.

Мы идём дальше. Одна паневежская синагога была во дворе театра, от неё не осталось и следа. Другая по-прежнему стоит. Она является муниципальной собственностью, в настоящее время агентство *Remax* предлагает её в аренду под офисы и магазины.

Мы находим одно еврейское здание – бывшую гимназию девочек. Здание было возвращено еврейской общине Паневежиса. В нём также находятся разные компании, предприятия, даже штаб-квартира одной партии. Евреи крутятся, как могут... Один коридор, полон людей. Что здесь происходит? Посол Израиля в Литве, несколько евреев и несколько политиков Паневежиса сидят за столом. Произносят речи. Увидев Зуроффа, охотника за нацистами, все ошеломлены. Некоторые его обнимают, но другие недовольны нежелательным гостем. Посол смотрит в тарелку и больше не произносит ни слова. Может быть, израильским властям не нравится Зурофф, который портит их отношения с литовскими властями? Зурофф говорит речь. Все фотографируются с ним. Когда, наконец, обед заканчивается, политики садятся в чёрные автомобили с водителями и венками и отправляются воздать дань памяти жертвам Холокоста в лесу Паюосте. Туда едем и мы в «Шоамобиле», как называет мой автомобиль Зурофф.

Охранники посла внимательно наблюдают за окрестностью места убийств. Посол выступает с речью. Он удивлён (или, может быть, совсем не удивлён), почему власти Литвы, власти Паневежиса оставляют присмотр могил добровольцам школьникам.

Мэр Паневежиса тоже здесь. Он говорит несколько фраз о Холокосте: очень жаль, мы будем помнить всегда, и так далее. Возлагает венок. Кортёж отбывает. Мы остаёмся на месте убийств, остаёмся втроём с одной учительницей из Паневежиса, чьи ученики приводят в порядок место гибели евреев Паневежиса.

Учительница: Одна знакомая, из Паневежиса, 23 августа 1941 г. наблюдала из окна школы, как детей везли в лес Паюосте. Когда грузовики остановились, некоторые из детей не сходили с грузовика, а другие спрыгивали и бежали к яме. Палачи были смертельно пьяны. Все литовцы. Затем они расстреляли тех детей и вылили на этих детей негашёную известь, чтобы не было запаха. Засыпали очень немного. Все эти дети находятся в крайней траншее. Каждый год мы приводим в порядок эту братскую могилу с нашими детьми, а несколько лет назад мои дети нашли золотой зуб. Были очень шокированы.

Летний лагерь «Паневежис» перед войной. Из архива музея Яд Вашем.

Правда, один убийца евреев похоронен в Паневежисе, а его могила по сей день без креста – родные ставят, а кто-то всё опрокидывает. Все знают, что он стрелял в евреев...

Эфраим: Вот один из многих старых памятников, построенных в советские времена. На нём ничего не написано на литовском, и даже на русском языке с ошибками. Но здесь, по крайней мере, трава скошена, и, оказывается, это сделали студенты. Но если на литовском языке нет надписи, никто из пришедших сюда не поймет, кому был построен памятник и что здесь произошло. Никто не будет знать, что огромная насыпь на краю территории отмечает отдельную массовую могилу еврейских детей Паневежиса.

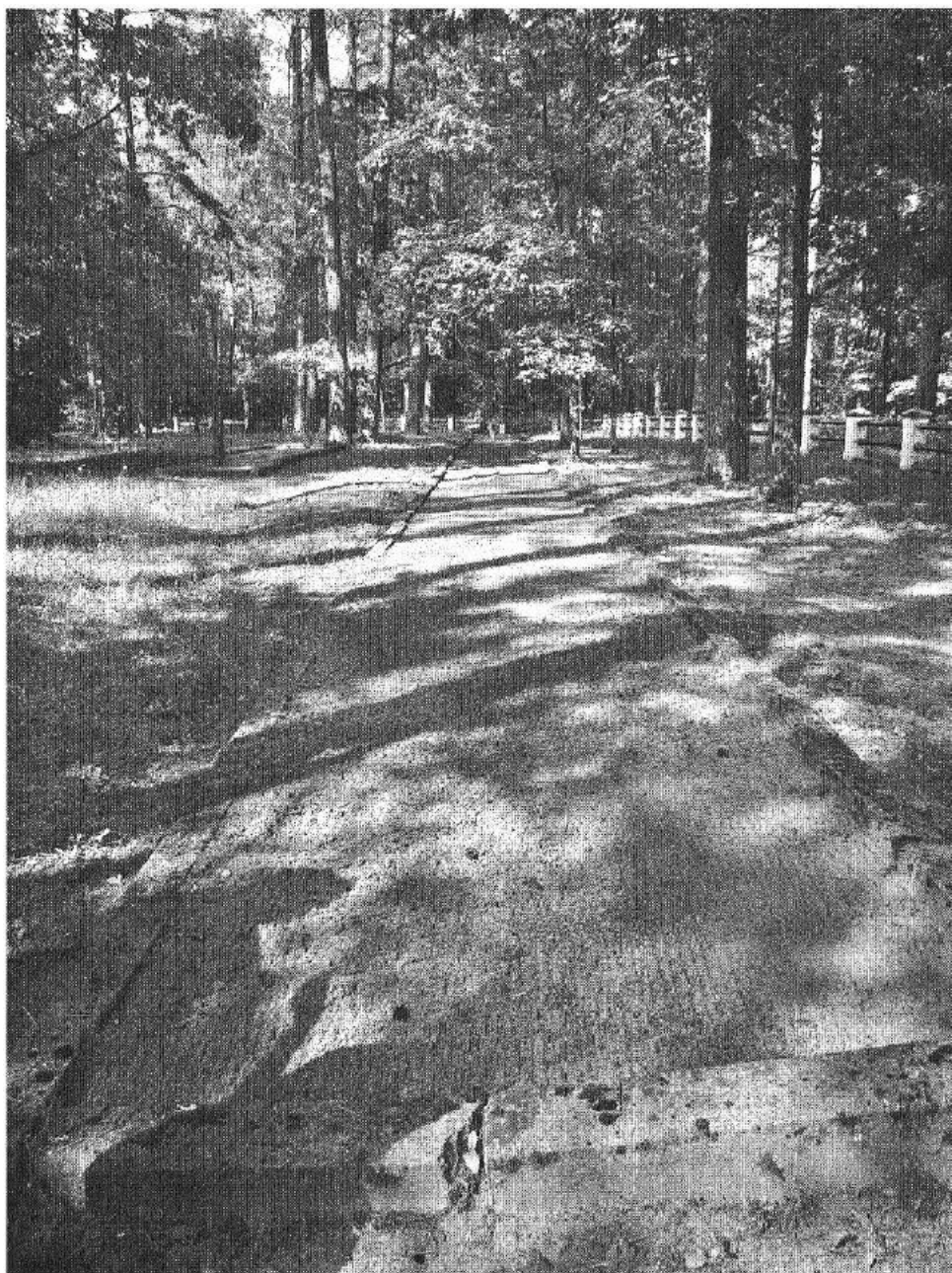
Рута: Не знали бы, если бы не нашли золотой зуб... Поскольку ученики приводят в порядок массовые захоронения, властям нечего вмешиваться. Они могут приезжать с цветами, как сегодня, сопровождая посла Израиля. И если мы спросим прибывшего вице-мэра или мэра, почему город ничего не делает, чтобы почтить 7 000 человек, которые тут погибли, ответ будет один: мычание или тишина. И то, и другое будет означать то, что мы и так знаем: «Ибо они не наши... Есть евреи, и пусть они приводят в порядок еврейские могилы». Или школьники, если хотят. В конце концов, это гражданское образование, не так ли?

Учительница сопровождает нас в краеведческий музей в центре города. Прощаясь, напоминает нам, чтобы мы никогда не упоминали её имя и фамилию. Не упомянем. Ещё попадёт кому-нибудь... Музей находится рядом с другим музеем – специальным, посвящённым истории Саюдиса, расположенным в доме убитого еврея. В краеведческом музее нет экспозиции о евреях Паневежиса или об их массовом убийстве. Нет так нет. В конце нашего путешествия Эфраим, кажется, проявляет всё меньше и меньше терпения, и ни с того ни с сего, вступает в спор с молодым музейным работником.

Эфраим: Паневежис был одним из самых важных центров еврейской жизни и культуры в довоенной Литве. А вы это знаете?

Музейный работник: Всё может быть. Но, я думаю, вы должны поговорить обо всём этом с нашей еврейской общиной.

Эфраим: Конечно, я уже был у них. Но я думаю, что если вы работаете с историей города, а значительная часть городского населения были евреями,

Могила 1609 погибших еврейских детей Паневежиса.

которые способствовали развитию города, развитию культуры, которая сделала Паневежис знаменитым во всём мире. А вы это знаете? И знаете, почему имя Паневежиса известно во всем мире? Потому что здесь была ешива. Её адрес теперь ул. Саванорю д. 11. И по сей день в Израиле есть Паневежская ешива. Это важно? Не имеет значения? Или вы хотите сказать мне, что история еврейской общины – это не история Паневежиса? Это были «не ваши», а другие, чужие вам люди?

Всемирно известное здание паневежской ешивы в центре города. Теперь пекарня.

Фото автора.

Музейный работник: Думаю, вы могли бы подать жалобу в правительство. На самом деле, напишите городским властям. Они – наши основатели, и они решают, что показывать и что не показывать в этом музее.

Эфраим: Но я хочу спросить вас, дала ли эта община что-нибудь городу?

Музейный работник: А я вас. Сколько людей в мире знают Паневежис из-за того, что вы говорите?

Эфраим: Четыре миллиона.

Музейный работник: Вы так думаете?

Эфраим: Я знаю это. Паневежис был уникальным.

Музейный работник: Хорошо, я подумаю об этом. Я рад, что услышал это, потому что теперь я смогу рассказать об этом и посетителям музея. Всего хорошего.

Осуждённые округа Паневежис, участники Холокоста, социальный портрет (исследования Римантаса Загрецкаса):

Профессии:

Из 47 человек 22 крестьянина, остальные профессии: 5 учителей, 3 сторожа, 2 швеи, 2 сельскохозяйственных рабочих, а также страховщик, почтальон, бухгалтер, кузнец и заготовитель торфа.

Образование:

*Из 47 человек 24 неграмотных или закончили до 3 классов начальной школы.**

РАЗГОВОР С ВРАГОМ. ВИЛЬНЮС – КАУНАС

Эфраим: Мы ещё не говорили об антисемитизме в Литве...

Рута: Хорошо, давай поговорим. Я не могу скрыть, что некоторые из моих друзей или знакомых значительные антисемиты. Только поколение моих детей – нет. Я понимаю тех людей, которых я знаю. Мы все приехали из деревень. Лишь несколько процентов литовцев до войны жили в Вильнюсе. А в других городах, кроме Каунаса, не больше. Наши дедушки и бабушки, прадедушки и прабабушки были не очень хорошо образованы, и они, естественно, принимали законы, установленные Церковью и вместе с ними суеверия. Когда наши родители отправились жить в города, евреи там исчезли. Я имею в виду литовских евреев литваков – образованных, высококультурных людей. Людей книги. Моё поколение не знает литваков, может быть, даже не встречалось с ними. Они были убиты или покинули Литву в советские времена, уехав за границу. Другие евреи – с территории СССР, русскоязычные, часто просоветские, плохо образованные, прибыли на место литваков после войны. Они получили квартиры, работу, потому что официальный язык был тогда русским, поэтому все двери были открыты для них. Конечно, мы не связывались с этими евреями. Мы не уважали их, я думаю, и они нас, потому что они не интересовались нашей культурой, не изучали наш язык. Эти советские евреи окончательно уничтожили наше желание интересоваться еврейской культурой и ещё больше укрепили стереотип еврейского коммуниста в наших умах. Можно ли обвинить нас в том, что мы были антисемитами? Наш антисемитизм, унаследованный от

* Rimantas Zagreckas. Holokausto dalyvio socialinis portretas. Iš: *Genocidas ir rezistencija*, 2012, Nr. 1 (31), p. 75.

* Римантас Загрецкас. Социальный портрет участника Холокоста. Из: *Геноцид и сопротивление*, 2012, № 1 (31), стр. 75.

наших дедушек и бабушек, усилило послевоенное советско-еврейское вторжение.

Эфраим: Но вы учились в университетах, и вам приходилось встречаться с еврейскими учителями, которые открыли вам глаза на более широкий мир истории, философии...

Рута: Что вы говорите? Ведь мы окончили советские университеты, где большинство учителей нам открывали глаза в марксистско-ленинский мир. Только некоторые, которых не выловила советская госбезопасность, были другими. Возможно, среди них были евреи, но я этого не слышала. Я сама училась в Москве, и я встретила много чрезвычайно интересных евреев, потому что Москва была центром еврейских интеллектуалов, учёных и художников. Но в Литве этого не было. Мы, литовцы, не знаем нашу собственную еврейскую культуру. И чем меньше мы знаем, тем больше места суевериям, тем сильнее наш старый добрый антисемитизм.

Эфраим: Это очень интересный аргумент. Это объясняет многое, например, почему многие из ваших родственников или знакомых, с которыми говорили о книге, смотрят на неё отрицательно. Эти люди, вероятно, умные и образованные, но всё, что имеет отношение к еврейским темам, им неприемлемо. Как будто в их сознании была одна глухо закрытая дверь.

Рута: Я не сломаю эту дверь, чтобы добраться до сознания этих людей. Никто её не разобьёт. Дверь откроется, когда откроется, когда этому придёт время. В этом смысле мы, вероятно, являемся потерянными поколением. И уже не изменимся.

Эфраим: Вы, наверное, правы. Потерянное поколение. Люди, с которыми я говорил в Литве все эти 25 лет, и были представителями этого поколения.

Рута: Они смотрели на тебя и думали, что этот еврей, конечно, также просоветский, кроме того, он делает деньги на Холокосте. Это его бизнес.

Эфраим: Так что я должен делать, чтобы ваше мнение обо мне изменилось?

Рута: Дай нам деньги. Поделись.

Эфраим: Нет. Вы слишком коррумпированы... А что, по вашему мнению, взгляд людей этого поколения на евреев говорит о нынешнем литовском обществе?

Рута: Вы сами знаете, что говорите. Говорят, что мы должны винить Советы за много больше вещей, чем мы до сих пор думали. За свой антисемитизм тоже.

Эфраим: Но литовцы были антисемитами до прихода Советов. Они только ухудшили ситуацию.

Рута: Да. Советы ситуацию ухудшили. И теперь мы очень плохие.

Каунас / Ковно

В конце XIX века в Каунасе проживало 25 548 евреев (35,9 процента от общей численности населения города).

2015 год

Гараж «Лиетукис». Здесь 27 июня 1941 года произошло одно из первых и самых страшных массовых убийств евреев в Литве. В присутствии любопытной толпы, металлическими стержнями забили насмерть 52-х евреев Каунаса. Убивали, как рассказывают, выпущенные из тюрьмы заключённые, которых ранее пытал НКВД. Один из них позже сказал, что он делал это охваченный гневом, а потом очень сожалел.

Впервые нас сопровождают не литовцы, а еврей, известный старый знаток еврейского Каунаса Хаим Баргман. Его имени скрывать, слава богу, не надо, как других людей, сопровождавших нас... Он не боится.

Эфраим: Мы стоим перед памятником жертвам убийств в «Лиетукисе». Надпись на памятнике свидетельствует об убийстве здесь нескольких десятков евреев. Но кто их убил? Вулкан, цунами, землетрясение?

Рута: Я читала показания одного из убийц. Это был унтер-офицер литовской армии, который был заключен в Каунасе в тюрьму тяжёлых работ. Он заговорил только через несколько десятилетий. Я цитирую: «Я один из

тех, кто исполнял казни. Когда меня освободили из тюрьмы, я хотел мести, и когда эти евреи стали сопротивляться, мои нервы не выдержали».*

Хаим: Я имею в виду рассказ Вацлава Водзинского. На семинаре, организованном Университетом Витаутаса Великого, Водзинский рассказал, что он тогда был 16-летним мальчиком, катался на велосипеде около гаража «Лиетукус» и увидел группу арестованных евреев из «жёлтой тюрьмы». «Жёлтой» называлась каунасская тюрьма тяжёлых работ, её здание было покрашено в жёлтый цвет. Евреев сопровождали только 4-5 охранников в VII форт, где был создан концентрационный лагерь.

Гаражный двор «Лиетукус» до прибытия немцев был конюшней с красноармейскими лошадьми. Нацисты приказали сторожу очистить гараж, потому что он был полон конского навоза. Но сторож увидел, что идёт еврейская колонна, подбежал к охранникам и сказал, что евреи – друзья русских, и пусть они очищают этот навоз русских лошадей. Охранники привели евреев в гараж. Вот почему всё это случилось, произошло здесь.

Водзинский поставил велосипед к дереву, залез на дерево и смотрел, как евреи чистят гараж. Они собирали навоз руками. Другие дети также залезли на деревья и смотрели на это. В то время грузовик с четырьмя немецкими солдатами въехал во двор. Грузовик тоже был грязным, и евреям

* Henrikas Žemelis. Juodasis Lietuvos istorijos lapas. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla*, p. 598-599.

было приказано его очистить. Но руки евреев были испачканы навозом, поэтому кто-то вытащил шланг мойки и пустил воду, чтобы евреи могли мыть руки и чистить грузовик.

Эфраим: Что здесь делала толпа людей?

Хаим: Евреи были убиты очень жестоко. Люди на улицах слышали крики и приходили посмотреть, что происходит.

Эфраим: Правда ли, что евреи были убиты двумя способами: одни из них до смерти забиты металлическими прутьями, другие были убиты ещё хуже: жертвам были вставлены в рот поливочные шланги, которые наливали воду в кишечник, пока кишки не взрывались...

Хаим: Это совершенно неверно. Водяные шланги были принесены, чтобы позволить евреям вымыть руки от навоза. Один еврей, когда ему велели голыми руками чистить конский навоз, ударил литовского охранника и побежал на еврейское кладбище с другой стороны забора. Он был быстрым, но выстрел был ещё быстрее. С того всё и началось. Охранники начали бить евреев металлическими прутьями. Убивали всех по одному. Толпа собралась у гаражного забора, чтобы посмотреть это до конца. Водзинский тоже. Позже он сказал, что убийства его не потрясли вообще, потому что «евреи ещё и не таких бед натворили».

Рута: Эфраим, но ты 30 лет всему миру говорил о том, что в гараже «Лиетукус» литовцы убивали евреев, закачивая воду в их внутренности. Это неверно. Вы лгали 30 лет.

Эфраим: Я читал показания немецкого армейского фотографа. Он рассказал, что видел. У этого человека не было причин лгать. Это свидетельство беспристрастного наблюдателя.

Рута: Удивительные новости: охотник за нацистами верит в нацистское свидетельство больше, чем чему-либо! Хорошо, я пожалею вас. Я слышала один рассказ литовского врача: она была здесь, когда произошло убийство, и видела то, о чём вы сказали, цитируемое нацистами. Вода, налитая в рот, и всё остальное.

Эфраим: Правда ли, что в конце массовых убийств толпа начала петь литовский гимн? Это рассказал немецкий фотограф.

Хаим: Ничего подобного. Когда все евреи были убиты и лежали на земле, с железнодорожной станции пришли два бездомных. У одного из них была гармоника. Кто-то из охранников попросил: «Сыграй их еврейский марш Слободка». Старые каунасы очень хорошо знали этот марш, по крайней мере, его мелодию.

Рута: Этот немецкий фотограф не знал, что за песня, спросил людей, стоящих рядом с ними, и они пошутили.

Хаим: Да, легенда известна на весь мир, что после убийства толпа исполнила гимн Литвы. Евреи и распространяли легенду. Они не знали еврейского марша «Слободка», это была песенка антисемитского простонародья в Каунасе.

Рута: Эфраим, вы распространяли эту ложь о литовцах 30 лет по всему миру, ложь об исполнении гимна Литвы после бойни в «Лиетукисе». И это было опровергнуто не мной, литовкой, а евреем, вашим... Спасибо, Хаим, от всего литовского народа за разоблачённую ложь.

Каунас, VII форт

Каунасский форт VII не пуст. Там сейчас детский летний дневной лагерь. Молодой человек, один из вожатых этого лагеря, приводят нас к месту убийств в крепости на территории возле забора, за которым – жилые дома. Высокая трава, заросшая яма. Торчит мемориальный столбик, которым отмечено место убийства. Когда, кто, сколько здесь было убито?

Мы спрашиваем молодого человека, что в настоящее время находится в форте. Здесь работает музей холодной войны. Остальные комнаты – химическая лаборатория. Проходят занятия классов.

Здесь, в каунасском VII форте, в июне 1941 года временное правительство приняло решение создать первый концентрационный лагерь в Литве и выделило деньги батальону, охранявшему собранных здесь евреев Каунаса. Здесь, в каунасском VII форте, 6 июля первая и третья роты батальона национальной обороны убивает людей. Убивает, экономя время: вечером расстреливает одну часть, на следующий день всех остальных загоняют в яму, кладут их рядом друг с другом и расстреливают в течение полутора часов. Они стреляют до тех пор, пока никто не шевелится. Сколько людей были только ранены, страдали, пока, возможно, только часа через полтора их не прикончил выстрел какого-то зубного техника Матюкаса или другого солдата батальона?

В советское время форт был военным объектом, поэтому его не посещали, не проводили расследований, не почитали жертвы. Литва является независимой в течение 20 лет. За эти 20 лет также ни расследований, ни почтения жертв. В 2009 г. VII каунасский форт был приватизирован. Вот так. Со всеми 5000 евреев, погребённых здесь, убитых батальоном национальной обороны. В 2012 году владелец начал наводить порядок на 7 гектарах земли. При этом произошла следующая неожиданность. Вот что рассказал нынешний владелец форта Владимир Орлов:

Со стороны улицы Гервеяй мы выгружали из самосвалов мусор. В яме, сверху мусора, мы нашли слой извести, из которого торчали вроде бы какие-то палки – это были кости расстрелянных людей.

*Когда выкачали воду, заливавшую яму, руками нащупали слой костей, который мог достигать нескольких метров.**

* Нериус Повилайтис. Консенсуса относительно того, как хоронить еврейские кости, нет. Из: *Lrytas.lt*, 3 октября 2014 г.

О находках была проинформирована полиция, Департамент культурного наследия, Еврейская община. Никто не предпринял никаких действий, поэтому хозяева форта собрали кости и сложили их в три мешка для мусора и оставили стоять.

Раскрыв этот факт в средствах массовой информации, муниципалитет Каунаса создал комиссию с мудрёным названием «Для останков партизан и других лиц, убитых в период оккупационных режимов в Литве, перемещения их захоронения и увековечивания». Комиссию возглавил бывший устроитель каунасского джазового фестиваля Министр культуры Йонас Джучас. В течение двух лет комиссия собиралась дважды.

Только в 2014 году кости вернулись в могилу – три мешка были помещены туда, где они были найдены.

Веб-сайт VII каунасского форта в настоящее время представлен как «Природный и исторический оазис». В оазисе организуются праздники, детские дни рождения и корпоративные вечеринки. Возмущённые шумными событиями жители Каунаса или гости города (евреи, не иначе) обратились к охране наследия Каунаса, эти, в свою очередь, обратились к владельцам форта, попросив их не делать праздников, игр и подобного. Владельцы ответили, что все организованные здесь мероприятия носят образовательный характер.

На данный момент сайт VII форта Каунаса приглашает детей на дни рождения с надувными шариками, на другие образовательные мероприятия, среди которых есть мероприятие, названное «Поиск сокровища». Им занимаются на площади 7 гектаров.

75 лет назад в одной большой яме, полной мёртвых, тоже искал «сокровища» этот убийца, любитель золотых вещей Пранас Матюкас, который после войны работал в стоматологии в Йонишкелисе зубным техником. Сколько золота, выдранныго из ртов мёртвых, он переделал и вставил во рты жителей Йонишкелиса? А, может быть, ещё один-другой золотой зуб остались в Каунасе, в яме форта, и жаждущим сувениров стоит заплатить эти 3 евро за образовательную игру «Охота за сокровищами»?

Каунасский форт VII – первое место массового убийства в Литве (теперь частная собственность). Могила 5000 жертв. *Фото автора.*

Вильнюс / Вильно

В конце XIX века в Вильнюсе проживало 63 996 евреев (41,4% от общей численности населения города).

Последний день путешествия. Остался Вильнюс. Мой город. И город их, евреев, называвшийся литовским Иерусалимом. Чеслав Митошас пишет:

*Сегодня я с удивлением думаю о навсегда исчезнувшем еврейском Вильнюсе. Это был город огромной сосредоточенной энергии, там печатались книги на иврите и идише, это была литературная и театральная столица. Благодаря этому тогда только Нью-Йорк мог конкурировать с Вильнюсом.**

Начнём с районов Вильнюса, которые усеяны еврейскими могилами. Особый отряд также работал здесь, а не только в Понарах... В окрестностях Вильнюса, недалеко от Науосиос Вильниос (Новой Вильны), есть гора Пликас (Лысая), у которой особый отряд 22 сентября 1941 г. расстрелял 1159 евреев. До расстрела евреи находились несколько дней под стражей в колонии Велючёнис.

Где теперь этот Велючёнис? Где эта колония? Что такое Лысая гора? Я живу в Вильнюсе пять десятилетий, я ничего не слышала об этих местах.

* *Garažas: aukos, budeliai, stebėtojai*, p. 112.

Мы очень долго плутали на дороге, и вот видим указатель в Велючёнис, а рядом с ним находится надпись «Еврейское кладбище – 2 км».

Колония Велючёнис – это старинная усадьба, не видевшая ремонт с царских времен. Мы спрашиваем одну женщину, которую встретили в деревне, другую, третью, где еврейское кладбище, или это просто место кладбища или смерти евреев. Все встреченные женщины не понимают по-литовски. Все они отвечают по-русски: «Мы не знаем, вы спросите у охраны колонии».

Колония была основана в 1900 году, теперь называется Центром социализации детей. В ней те дети, с которыми нельзя справиться в домах опеки (интернатах). На сайте Центра написано, что в царские времена здесь были 10-16-летние мальчики из Вильнюса, Каунаса, Гродно, Минской губернии. После Первой мировой войны здесь была колония сельскохозяйственных ремёсел для еврейских мальчиков. Во время Второй мировой войны здесь был создан еврейский детский лагерь. «Куда они были увезены, старожилы деревни не знают...» – так написано.

А везли их недалеко. Точнее, в один прекрасный день все были расстреляны, потому что Особый отряд и в больших количествах расстреливал всего за день. Пожилые сельчане не знают, но их родители, вероятно, слышали, что еврейские мальчики и еще тысячи других были расстреляны в километре или нескольких от них. Вы также не найдете места расстрела. Напрасно мы ходили по дорожкам, которые кончались в зарослях, пока, наконец, в усадьбе у железной дороги мы не увидели человека. Мы его попросили сесть в машину и показать нам место смерти евреев, почему-то называющееся кладбищем. Этот человек был заядлым грибником, поэтому однажды в лесу он нашел это место и памятник. Потом не был там, пожалуй, лет пять. По-видимому, это негрибное место.

Дороги нет, тропинки тоже нет, лезем через крапиву, которая выше человека, но по пути канава. Приходится вернуться и попытаться перейти с другой стороны. Там также крапива, а также огромная куча мусора. Согласно европейской директиве в Литве мусорные полигоны уничтожались, и этот был закрыт, но наш грибник говорит, что жителям наплевать, у них всегда были привычки носить мусор сюда. «Здесь это символический памятник мёртвым евреям» – говорит Эфраим, указывая на вонючую мусорную гору... ну, враг – он и есть враг.

Грибник упорный. Упорны и мы с врагом. Через час мы, наконец, нашли то, что искали. На склоне зарослей советский памятник, построен в 1951 году. 1159 убитых.

Один из убийц, от которых погибли в этом укромном месте еврейские дети, в 1978 году писал своим детям о своём ожидании смерти в тюрьме:

Не ждите

Отец не вернётся

Потому что жёлтый могилы песок

Глаза мне засыплет.

Боялся человек смерти. Очень любил детей.

Грибник за труды получает плату в размере 5 евро. Переживает, что колония близко, все мучаются, потому что подростков охраняют пожилые женщины, они убегают оттуда, ограбили магазин, а недавно на дороге убили одного своего друга.

Мы находимся в 15 километрах от Вильнюса. Возвращаемся молча. Нам нужно купить мазь для обожжённых крапивой рук. Возвращение из зарослей в цивилизованный мир, в те места, где мы ещё не были, но мы обязательно должны туда добраться. Напоследок мы посмотрели на дом погибшего тезки Зуроффа, Эфраима Зараса, на улице В. Шопена у железнодорожной станции. Дом № 3, квартира № 19.

Эфраим Зарас возглавлял ешиву в восточной Польше, когда в 1939 году её оккупировали Советы. Вильнюс тогда достался Литве. Евреи – раввины и студенты 23-х ешив поняли, что русские закроют все учебные заведения. Поэтому в большинстве потянулись в Вильнюс. В 1939 г. там было 2660 учеников и 171 раввин из восточной Польши. Эфраим Зарас был одним из них. Он был очень любим студентами, на его лекциях были полные аудитории как в Польше, так и в Литве. В 1939 г. Вильнюс стал лучшим городом в мире – городом ешив.

13 или 14 июля 1941 г. рабби Эфраим Зарас покинул свою квартиру на улице В. Шопена и повернул к улице Пилимо. В тот день белоповязочники искали раввинов, узнавали их по бородам и задерживали. Они также арестовали и Эфраима. Говорят, что увезли в Лукишкес, но мы искали в книге заключенных Лукишкеса за 1941 год, которая хранится в Центральном государственном архиве, и мы не нашли его фамилии. Вероятно, Эфраим Зарас непосредственно с улицы Пилимо был отправлен в Понары и был застрелен вместе с одними из первых осуждённых евреев Вильнюса. Дневник Казимежа Саковича описывает расстрелы в Понарах с 11 июля. После Эфраима, через несколько дней или недель, в Понарах, но, вероятно, в другую яму, отправилась семья Эфраима: жена Бейла и два их сына – Хирш и Элияху.

2015 год

По адресу ул. В. Шопена д. 3 во дворе мы находим пару человек. Дом ремонтируется, здесь работают молодой мужчина и женщина – оба с запашком. У женщины на руках – девочка нескольких месяцев. Они договорятся, чтобы мы добрались до подъезда. Кому-то звонят, организуют. Наконец, из окна лестничной клетки высовывается голова мужчины. Злой взгляд на Зуроффа. «Что вам здесь нужно?» Я говорю, что из Израиля приехал человек, желая увидеть, где жил брат деда, который был убит в Понарах. «Врёт, – говорит мужчина. – Он не это ищет. Я видел его по телевизору». Однако, через некоторое время, подумав, пускает, мы входим в подъезд, где на четвёртом этаже квартира № 19. Человек стоит рядом с нами, сердито бормоча: «Пусть не говорит, этого не было. Не было здесь ни его деда, ни брата. Что он здесь ищет?»

Когда мы выходим из подъезда, мы хотим поблагодарить женщину с девочкой. «Может быть, что-нибудь купить вашей дочке?» «Я не знаю, что она ест, – говорит мама. – Мы только что взяли её из детского дома, мы не знаем, что дать. Её отняли у нас, когда наш дом сгорел, и теперь дали только на выходные. Может быть, вы можете купить памперсы?»

Последний пункт путешествия – Понары. Здесь семью раввина Эфраима Зараса ждали выстрелы в голову от Особого отряда и полная яма трупов.

Музей Понаров – только один домик, только одна большая комната и несколько десятков еврейских имён на стенах комнаты, только несколько десятков из 70 000 здесь убитых. Есть несколько фотографий, на одних евреи, на других – поляки, советские военнопленные, погибшие литовцы. На

экране показывают фильм о японском дипломате Тиунэ Сугихаре. Цена за вход в дом составляет 3 Евро.

Путь, по которому везли или вели осуждённых, не обозначен. Спрашиваем людей в магазине, может быть, они знают. Нет, никто не знает. Никто не говорит по-литовски. Говорят, идите, есть мама Риаль, и спросите. В каком доме живёт мама Риаль? Нет, не мама Риаль, а мемориал. А, мемориал... Наконец, с мемориальным гидом и узнаём. Путь осуждённых, оказывается, это не та дорога, которая сейчас подходит к Понарам. Он шёл со стороны железной дороги. В каком месте была будка железнодорожника Янковского? Где дом Саковича, из которого он видел все массовые убийства со своего чердака? Где находился двор Сенюциса, из которого страшная собака Мышка бегала по вечерам к яме и грызла мёртвые тела, а однажды утром вернулась с человеческими кишками в зубах?

Здесь всего четыре дома. Пойдём от одного к другому. Некоторые заброшены, нежилые, другие уже отремонтированы. Людей нет нигде. Лают собаки. Бывшие ворота «базы» находятся у сарая, который почти рухнул. Мы видим, как из него выходит большая чёрная собака. Не лает. Медленно идёт к нам, цепь собаки тянется вслед, собака останавливается. Глядит на нас, глядит очень странно, словно не видя нас. Глаза голубые, без зрачков. Собака слепая. Чёрная собака панярайского ада. Мы вдвоём подумали одинаково.

Наша поездка по Литве закончилась.

Белоруссия / Беларусь

Могу ли я закончить книгу на разделе Понары? И да, и нет. Не дают покоя показанные в этой книге свидетельства двух солдат батальона А. Импулявичюса.

Свидетельства тех, кто в 1941 году были отправлены из Литвы в Белоруссию. Командированные убивать, отбывая, они, как и другие 475 человек батальона А. Импулявичюса, не знали, что до весны 1942 года в 15-ти местах они убьют более 15 000 человек.

Мы должны туда добраться. Враг, который никогда не был в Белоруссии, тоже поехал.

Мы едем по следам повествования Юозаса Алексина. В город Дукора.

6 октября люди А. Импулявичюса торжественно отбыли из Каунаса («Везде и всегда будьте достойны звания литовского солдата, потому что вы будете представлять весь литовский народ»), 8 октября они уже были в маленьком городке Дукора в 40 километрах от Минска. Здесь всего две улицы.

Солдаты 2-го (12-го) батальона литовской полиции во главе с командиром роты лейтенантом Зеноном Кемзурой прибыли на грузовике. Вместе с ними на легковой машине ехали четыре или пять немецких офицеров. Прибыв на место, солдаты батальона окружили городок Дукора, евреев вывели на рыночную площадь. Потом приговорённых к смерти

*построили на площади в колонну и конвоировали по улице Речная по мосту через речку Свислочь на луг за городком.**

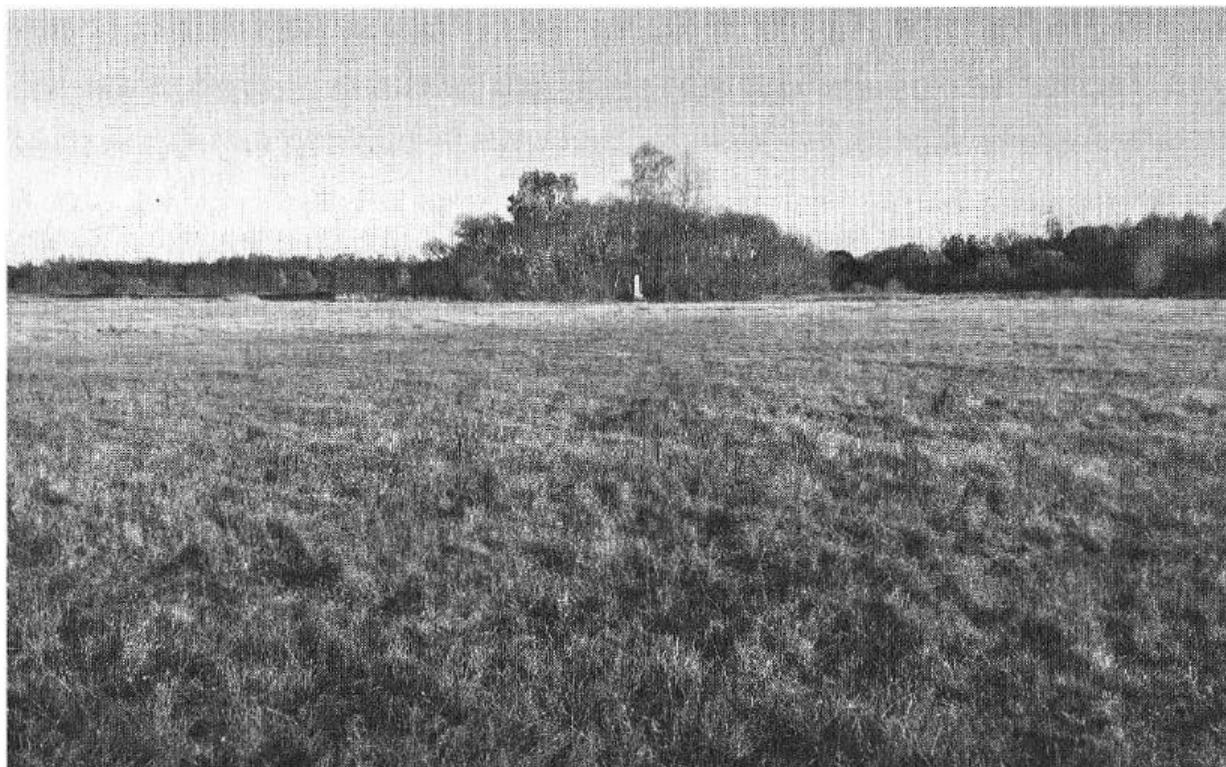
Мы проходим через Дукору. Плитка тротуара, ведущего к реке, столетней давности, та же самая, по которой только что прибывшие с родины молодые литовцы вели 394 еврея городка. Это были первые люди, которых здесь вели на казнь. Их вела первая рота батальона, которая уже имела опыт расстрела людей в VII форте. Опытные убийцы, хотя в Дукоре их ждало новое: стрельба разрывными пулями. Как сказал солдат батальона Юозас Алексинас: «Были разрывные пули, очень быстро разрывали затылок человека». В первый раз их использовал только командир роты Зенонас Кемзура. Как рассказал Алексин, одежда и тела убитых горели, другие люди шли на горящих, другие на них, пока яма не заполнялась.

Мост через речку Свислочь тот же, очень старый. Тот же очень большой луг. Он заканчивается в кустах. Когда разрывные пули размозжили затылки 394 человек, литовцы начали искать спрятавшихся в лесу, нашли семерых и их тоже расстреляли, в расстреле принимали участие и немцы. Не ушли, не закончив работу.

В октябре 2015 г. мы стоим на лугу возле кустарников, возле советского памятника. Убитые люди, вероятно, прятались в самих кустах – там подъём, там же, видимо, согнанные литовцами жители Дукоры и похоронили своих соседей. Соседей, с которыми вчера только здоровались на улице или покупали у них хлеб. На наши вопросы об убийствах две старушки Дукоры говорят, что когда-то земля шевелилась здесь несколько дней, и никто не знал, что за люди их убивали. Наверное, немцы. Откуда людям знать?

Из Дукоры мы едем туда, где в 1941 году свой первый и единственный выстрел сделал солдат батальона А. Импулявичюса Леонас Стонкус, его рассказ приведён в этой книге. Руденск, город недалеко от железной дороги. Сюда 10 октября 1941 года, через несколько дней после первой казни в Дукоре, прибыли в грузовых вагонах литовцы 2-й роты, возглавляемой лейтенантом Юозасом Крикштапонисом. Для роты это был первый расстрел, до этого солдаты батальона в Каунасе охраняли здания, аэродром. Командир роты Крикштапонис до прибытия в Руденск никогда не отдавал приказ стрелять в людей: «Приготовься, прицелиться, огонь!»

* Alfredas Rukšėnas. Kauno 2-asis pagalbinės policijos batalionas ir gyventojų žudynės Baltarusijoje 1941-1943 m. Iš: *Genocidas ir rezistencija*, 2007, Nr. 2 (22), p. 30.

Место массового убийства в Дукоре. Здесь литовские солдаты, которые только что прибыли в Беларусь, расстреляли 394 местных жителей – евреев. *Фото автора.*

*Часть литовских солдат, по приказу офицеров, окружила город и охраняла его. Другие вместе с немецкими жандармами отправились в еврейские дома, там они хватали мужчин, женщин и детей и гнали на площадь рядом с почтовым отделением. Оттуда приговорённые были доставлены на место казни, возле железной дороги, в гравийные или песчаные карьеры (здесь уже были выкопаны ямы). Приговорённых евреев расстреляли солдаты 2-й роты под руководством офицеров. Около 15 человек из 2-й роты отказались стрелять, им командир роты лейтенант Юозас Крикштапонис приказал отойти в сторону.**

Леонас Стонкус, по-видимому, был одним из тех пятнадцати отказавшихся. Он тогда выстрелил и ранил мужчину, и «он этого не видел, он клонился, клонился и клонился. Старшина, который стоял рядом с ним, выстрелил, и тот внезапно упал».

После этого выстрела Леонас удалился в сторону. Это ему разрешил командир роты Крикштапонис, который после убийств в Руденске возглавил большинство операций в местечках Белоруссии. Юозас Крикштапонис –

* Там же, стр. 32.

племянник Антанаса Сметоны, позже партизан в Литве. Теперь он уже литовский герой, которому в Укмерге мы поставили памятник и назвали площадь в центре его именем.

2015 год

Мы в Руденске, у почты, где когда-то собирались евреи города. Стоящий у магазина местный любитель выпить садится вместе с нами в машину и показывает карьер у железной дороги, находящийся в самом городе. Идеальное место: плоский тупик и глубокая яма. На пустыре есть забор, за ним – сад местного жителя. Литовцы, наши, Леонас и другие стояли на этом тупике. В яме стояли, а затем падали на землю руденские евреи. Памятник – на нём венок из искусственных цветов, на котором написано: Героям Великой Отечественной войны – от коллектива Руденского совхоза». Кто убил евреев Руденска? Любитель стаканчика отвечает, что никто в городе не знает. Получив платёж, 13 000 рублей – частично в евро, он пытается ответить, что показал нам место убийства не за деньги, а потому, что никто не посещает это место.

Тупик возле Руденска, на котором стояли литовские солдаты во главе с Юозасом Крикштапонисом, расстреливали людей впервые. *Фото автора.*

Идём дальше. Следующее место убийств, совершённых батальоном А. Импулявичюса – Смиловичи, 14 октября. Поскольку в Смиловичах убивали посреди города, в яме неподалеку от центральной улицы, солдаты 3-й роты, согласно показаниям, «расстреливали неохотно, поэтому они были сняты с расстрела».* Третья рота до того ещё никогда не убивала. Её командир, Юозас Усялис, тоже. Хотя все они были новички в этой работе, хотя и неохотно расстреливали, но от их рук в Смиловичах, в самом центре города, 14 октября 1941 года в яму упали 1000-1600 местных жителей.

Одно место очень важно для нас. Сегодня 28 октября, годовщина казни в Слуцке. В Слуцке был уже целый батальон А. Импулявичюса – там было много работы. Как раз о казни в Слуцке написал своим командирам удивленный зверствами литовцев немецкий гебитскомиссар Х. Карл: «Я молю, чтобы удовлетворили одну мою собственную просьбу – я прошу, чтобы в будущем этот батальон держался как можно дальше от меня».

Место казни в Слуцке, как и другие массовые захоронения в Белоруссии, невозможно найти – на дорогах нет указателей. Темнеет. На местном рынке мы уговорили пенсионерку, продавца яблок, что она сядет с нами в машину и поедет искать это место в 12 километрах от города, в деревне Селище у березняка. Мы едем. Пенсионерка Женя 40 лет назад работала в Селищенской библиотеке, и каждый год в День Победы они должны были организовывать пионеров, чтобы идти к памятнику с венками. Она не была здесь с 1965 года. Но место убийства и памятник Женя находит. За 50 лет мало что изменилось. На единственном пластиковом венке надпись «Героям – освободителям в Великой Отечественной войне». 27-28 октября 1941 г. здесь были убиты 8712 будущих «героев освободителей». По меньшей мере 2250 из них, согласно рассказу Альфреда Рукшенаса, «организовали» солдаты батальона А. Импулявичюса за два дня. Однако часть евреев была похоронена заживо и, как писал гебитскомиссар Карл, они могли выбраться из закопанных могил. Кажется, этого не случилось. 3000 тел евреев были сожжены в соседней силосной яме.

На следующий день после расправы в Слуцке, убийцы отправились в Клецк, где их ждали ещё больше – около 5000 евреев. Евреев Клецка собрали якобы на митинг. Затем загнали в яму, где, согласно последующим свидетельствам убийц Импулявичюса, они ложились в яму ничком, один за другим, на тела уже убитых.

* Там же, стр. 33.

Мы едем в Клецк, где Ольга – сотрудник Краеведческого музея – соглашается показать нам яму. Она сожалеет, что в музее ничего нет ни о евреях Клецка, ни об их смерти. Яма в Клецке – посередине города. Кто убил? Наверное, фашисты, говорит Ольга. На холме, за забором – большие ухоженные православное и католическое кладбища. А на этой стороне от забора – просто глубокая яма, где 5000 останков мёртвых. По словам историков, 2000 из них были убиты 30 октября приехавшими из Минска литовцами. Нашими. Согласно показаниям, расстреливали добровольцы, но когда не находили для расстрелов достаточно добровольцев, брали солдат.

Наверное, я первый человек из Литвы, который находится недалеко от Руденска, Смиловичей и Слуцка и этих ям Клецка, который приехал, действительно зная, куда он едет и почему? И я последняя? Ведь, насколько я знаю, даже литовские историки, когда писали о Холокосте, они не ездили по этим дорогам. У нас в государстве нет для этого денег.

В Минске мы ждём торжественного открытия Александром Лукашенко Мемориала Малого Тростенца. Здесь убиты 206 000 евреев – почти втрое больше, чем в Понарах. Мемориальная территория огромна. Много надписей, но нигде не упомянуто, кто погиб. Просто – погибли *люди*. Идёт отряд двенадцатилетних школьников. Не вытерпев, спросила, знают ли они, что здесь было. Один из мальчиков отвечает: «Здесь фашисты убили партизан и подпольщиков». Спрашиваю «Были ли евреи?» – «Нет, наши, белорусы». – «Почему их убили?» – «Была война, их взяли в плен и здесь держали». – «Разве убивали только мужчин?» – «Нет, держали и детей. Их кормили свёклой и брали кровь. Учительница рассказывала». – «А зачем эта кровь?» – «Для экспериментов», – уверенно отвечают дети. Потом один интересуется, откуда мы, мы ответили, что прибыли из Литвы. «Там у вас действительно ужасно хорошо?» («Круто там у вас?»)

В Минском национальном архиве мы пытаемся найти больше материала об убийствах, совершённых батальоном А. Импулявичюса. К сожалению... архивы КГБ с протоколами допросов в Беларуси недоступны. В других государственных и региональных архивах есть только общие сведения о фашистских палачах и их пособниках, которые убивали невинных советских граждан. Это официальная, старая и неоспоримая версия... Ни дети, ни взрослые в этой стране не знают, что не просто мирные граждане и не воины, а сотни тысяч простых евреев погибли на этой земле. 15 452 из них были убиты обычными молодыми литовцами. Запутанные, обманутые, чтобы убивать. Когда читаешь протоколы допросов этих мужчин, то самое ужасное,

что большинство из них даже не знали названия городов, в которых они убивали. На допросах только вспоминали, что там был своего рода «холм» или «железная дорога». В этих городах Белоруссии, в которые литовцы были привезены на несколько часов, евреи жили на протяжении десятилетий, а умерли за несколько секунд. Последнее слово, которое они слышали до своей смерти, было священное литовское слово: «Угнис!» – «Огонь!»

Прощание с врагом. Дорога в аэропорт

Рута: В Белоруссии я была очень удивлена, что советская легенда всё ещё жива: евреи, убитые в Холокосте, по-прежнему остаются «мирными жителями» или «Героями Великой Отечественной войны» и даже «освободителями». Это означает, что смерть сотен тысяч по-прежнему используется для пропаганды. В Литве мы называем это «танцами на могиле», *danse macabre*.

Эфраим: Вся Белоруссия, особенно поездка в Малый Тростенец, была для меня очень болезненным опытом. Огромный мемориал и ни слова о евреях. Встретить детей и слышать, что здесь были расстреляны 200 000 советских партизан, как если бы оказаться в Диснейленде, ужасном Диснейленде Холокоста, где создана искусственная реальность. Теперь я действительно узнал, что история Холокоста искажается двумя разными способами. Националистическим в Литве и коммунистическим, я бы сказал, сталинским в Республике Беларусь. Ни литовцы, ни белорусы не отрицают, что сотни тысяч людей были убиты. В Литве признано, что убитыми были евреи, но скрывают личность убийц, а в Белоруссии скрывают личность убийц и жертв. Есть только жертвы и фашисты.

Рута: Значит, вы согласны с тем, что ситуация в Белоруссии намного хуже, чем в Литве?

Эфраим: Знаете что? Это не международный конкурс, кто более или менее искажает историю. И всё же: эта книга о Литве. Факт, который нас интересует, это то, что литовцы ехали убивать евреев, которые не имели к

ним никакого отношения, которые жили в другой стране. Вы можете утверждать, что литовцы убивали евреев в своей собственной стране, потому что считали, что они служат Литве. Это ещё как-то можно понять, хотя это неприятная теория. Однако миссия в Белоруссии не имела никакого отношения к независимости Литвы. Единственным мотивом такой поездки мог быть тот факт, что литовцы хотели помочь нацистам выполнить свою «священную» миссию: смести евреев с поверхности Земли.

Рута: Однако есть одна важная вещь, о которой говорят наши историки. Солдаты батальона А. Импулявичюса ехали в Белоруссию, чтобы не убивать евреев, а помогать немцам сражаться с советскими партизанами. Это было сказано им перед отъездом. А потом, через несколько дней после их прибытия, их отвезли в Дукору, Руденск или Смиловичи, чтобы арестовывать евреев у себя дома и стрелять в мужчин, женщин, стариков и детей. Для многих солдат всех трёх рот это было совершенно неожиданно. Вот почему так много солдат в Смиловичах не стреляли, а в Руденске пятнадцать человек вообще отказались стрелять.

Эфраим: Я согласен с тем, что вы только что сказали, что ситуация намного сложнее. Но хоть и «неохотно», они всё же стреляли. Литовские солдаты расстреливали невинных белорусских евреев.

Рута: Я просто хотела подчеркнуть, что всё было не только белым или чёрным.

Эфраим: Всё было не белое и чёрное до последнего момента. Перед массовым убийством. Белое и чёрное – такой был конечный результат.

Рута: Вы не совсем правы. Конечный результат был чёрный и чёрный. И он всё ещё такой.

Эфраим: Всё это путешествие «Шоамобилем» в 30 или 40 районов массовых убийств было чёрным.

Рута: Путешествуя по Литве и Белоруссии, мы нашли одного общего врага – безразличие. Безразличие к произошедшей трагедии и к памяти убитых людей.

Эфраим: Два общих врага. Безразличие и невежество. Книга будет в первую очередь нацелена на борьбу со вторым противником. Я мало что знал о себе, во время этой поездки я обнаружил много нового. Я понял, насколько мала ваша страна. Вы просто не сможете сделать то, что я требую от вас с самого начала. В конце концов, Франция признала свою вину за прогитлеровское правительство Виши только через пятьдесят лет после войны. А Франция – очень сильное государство. Литва – небольшая, слабая и сильно травмированная страна. У неё нет глубокой традиции прав человека и

справедливости. Для формирования этой традиции требуется много времени. А о Белоруссии я даже и не говорю.

Рута: Вы приехали в Литву в 1991 году, надеясь, что наша страна стала сильной и демократической за одну ночь?

Эфраим: Да, и эта надежда была необоснованной. Было наивно ожидать, что вы будете готовы оставаться в курсе своего прошлого. Но, даже признав это, я не мог требовать, чтобы в Литве судили кого-либо, некоторых из преступников, которых Америка депортировала, и вы получили их на серебряном блюде. Суд в Литве над такими преступниками, как Лилейкис, Дайлиде, Гимжаускас был бы очень примерным делом. Проведя суд над одним или несколькими военными преступниками, ваша страна продвинулась бы на пути демократии как минимум на 20-30 лет вперёд. Но вы не приговорили ни одного из тех пятнадцати убийц.

Рута: Слишком поздно сожалеть о том, что мы этого не сделали. Все наши военные преступники мертвы. Может быть, поэтому люди так хотят всё забыть: убийцы мертвы, а те, кто погиб в Холокосте, всё равно бы умерли к 2015 году. Так что давайте оставим мёртвых в покое. Пусть они отправятся в суд Бога. Может, Бог всё-таки есть?

Эфраим: Я думаю о своей миссии в Литве. Однажды мы провели час с вами в Национальной библиотеке Мартинаса Маживидаса. Для меня это был очень неприятный опыт. Наконец я понял, что ни один иностранный гражданин не может убедить Литву на очную ставку с её прошлым. Я был удивлен, сколько много сделали историки, о которых я даже не знал, исследуя Холокост в Литве. Я почувствовал, что я заблуждался. Я понятия не имел, сколько в Литве сделано в раскрытии истины. Нужно сделать так, что то, что было написано в Литве, было бы переведено, и я мог бы читать исследования историков и полагаться на них в своей работе. Это определённо должно быть сделано.

Рута: Я не согласна, потому что вы сначала сражались с позицией официальной Литвы. Независимо от того, что пишут историки, независимо от того, чего вы придерживаетесь в своих исследованиях, это не приведёт к радикальному изменению чего-либо. Не изменит позицию правительства, не изменит общественное мнение. Только время изменит. И если вы будете вмешиваться, историков будут замалчивать, а белое пятно, которое мы называли чёрным, делается ещё чернее...

Эфраим: Да, вы мне говорили, что почти всё, что написано о Холокосте в Литве, почти не читалось. Вот почему эта книга так важна. Эта книга делает истину, открытую историками, понятной для многих людей,

потому что это будет книга для простых людей. Об обычных людях. Захватывающая книга.

Рута: Потому что это было захватывающее путешествие. Поначалу моя поездка – это месяцы, потраченные на чтение дел об убийствах в архивах. Затем – поездка с врагом через Литву, в 15 городов, на более чем 30 мест массовых убийств. Через Белоруссию и её места массовых убийств. И до этой поездки, и даже после неё, я всё ещё не могу осознать число жертв в моей голове: 10 000 в Укмерге? 70 000 Понары? 206 000 Минск? Я помню, как один еврей, кажется, писатель, сказал, что в Холокосте не было убито мистические шесть миллионов евреев. Нет. Было шесть миллионов убийств, и каждый конкретный человек погибал каждый раз. Всё, что я могу себе представить – это один погибающий человек. Это человек. Я вижу, как он стоит спиной к убийцам, глядя на яму, в которую скоро упадёт его тело. Упадёт и останется навсегда на других мёртвых телах, наложенных на других. Я могу видеть, как простой молодой, может выпивший, литовский парень пускает пулю в затылок еврея. Входное отверстие будет 0,8 см, выходное – 8 см. В десять раз больше. Пуля просто разрывает человеческий мозг изнутри. Мозг еврея, который с раннего возраста учился, изучал Тору, много читал. Затем я подумала о другом человеке, о еврее из Руденска, о котором сказал солдат Импулявичюса Леонас Стонкус. Когда Леонас застрелил единственную жертву, еврея среднего возраста, он «клонился, клонился, клонился», а затем стоящий рядом унтер-офицер прикончил его. Для Леонаса это был первый выстрел, после которого он больше не мог стрелять. Я его понимаю. Он наш человек. Вы никогда не поймёте этого моего чувства.

Эфраим: Нет, действительно никогда не пойму.

Рута: Прежде чем мы простимся, может, мы снова послушаем псалом, гимн нашего путешествия?

Эфраим: Хорошо.

Мы приближаемся к аэропорту. Враг повернулся к окну. Я услышала, как он плачет, сильнее, чем он плакал у Шедувы в прошлый раз.

Рута: Ты в порядке?

Эфраим: ...

Рута: Не хотите говорить?

Эфраим: Нет. Хотя, может быть и да. Меня внезапно охватило ужасное чувство вины, что я предаю жертв из Литвы. Думаю, как я могу

оставить их в земле в ямах, которые так далеки от глаз людей, от памяти и восприятия людей...

Рута: Ты много сделал для них. Помни это. И помни, что я остаюсь.

Эфраим: Ты права. Я их не предал. Но кто-то, кто живет в Литве, должен помнить о них. По крайней мере, кто-то... Единственный способ для Литвы встать на очную ставку со своим прошлым – если литовцы понесут знание дальше. Понесут другим литовцам. И знаете что? Вот что будет очень интересно. Убитые мои люди станут вашими. Но ваши никогда не станут моими. Никогда.

Рута: Я тебя понимаю.

Р. С. После окончания поездки и после начала учебного года в Литве я, наконец, получила слова псалма от учительницы школы Саулетекио на иврите и отправила их в Иерусалим, попросив Эфраима перевести. Зурофф написал:

Одна вещь, которая меня озадачивала, когда я слушал песню, заключалась в том, что я не понял её слов. Дети пели как будто на иврите, но я мог расшифровать только два слова: «Ерушалаим» (Иерусалим) и «Хашем» (Бог). Но песня всё равно была очень захватывающей.

Когда вы прислали мне слова песни, я остолбенел. Особенно я был поражён второй строкой:

«Ерушалаим, харим сукив ла; ve-Hashem saviv le-am».

(«Иерусалим окружён (защищён) горами, а Хашем (Бог) окутывает (защищает) свой народ».)

Эти слова ужасно контрастируют с тем, что произошло в Литве, и с тем, что мы видели в поездке. Тогда, когда мы посещали 30 мест массовых убийств, я произносил молитвы – Кадиш, Эль мале рахамим, иногда добавляя тексты из наших псалмов, и я спрашивал себя: где был Бог Израиля?

Почему во время Холокоста произошли эти жестокие преступления в Литве, а также в других частях света?

Жертвы были беспомощны, поэтому было необходимо, чтобы Хашем (Бог) был вместе с ними. Но его не было.

Эпилог. Где был Бог?

Разговор с Томасом Шернасом

Томас Шернас – единственный живой свидетель убийств в Медининкай, священник евангеликов реформатов.

Евреи жили в Литве со времён Великого княжества Литовского – значит, им здесь было хорошо. В 1941 году эта благодать закончилась и в Литве за короткое время были истреблены почти все местные евреи. Тем не менее, не следует всё упрощать: евреи говорят, что литовцы были их убийцами, наши деды, возможно, утверждали, будто евреи были предателями Литвы и «пили христианскую кровь». Действительность бывает намного сложнее. Почему того, что произошло в Литве, не было в Дании? Литва с конца XVII века подвергалась постоянным потрясениям: крепостное право, запрет письменности, два неудачных восстания, уничтоживших литовскую и польскую элиту, несколько войн, несколько оккупаций – всё это не осталось без последствий. Если бы Данию сначала захватили не немцы, а Советы, и целый год там распоряжались бы так же, как это происходило в Литве, может быть, и там сложилась бы такая ситуация.

Так что случилось?

Не забывайте, что с началом войны Литва была занята практически за сутки. Люди только что пережили депортацию, и некоторые на самом деле хотели отомстить. Следует также помнить, что Литва была очень молодая страна, и тогда она только пыталась понять свою идентичность. Самый простой способ понять себя – это дистанцироваться. Мы не поляки и не русские, мы порядочные литовцы. Интеллигенты стали поговаривать, что мы, возможно, арийцы. На радио и в печатных изданиях началась

пропаганда, направленная против евреев, их называли слугами большевиков, клещами и т.п. Обычные люди получили продукт – мощную антисемитскую пропаганду. Сформировалась во всех отношениях очень неблагоприятная к евреям ситуация. Меня заинтересовало и опечалило положение обычного человека: он оказался загнанным в угол, ему грустно, ему страшно, его близкие депортированы, он находится в замешательстве. И вот этот человек получает большую дозу пропаганды, объясняющей, кто виноват в его бедах и что делать. И человек берёт в руки оружие. Это сделала небольшая часть Литвы, но сделала.

Ты первый знакомый мне человек, который признал, что и среди его родни были причастные к Холокосту. Кто это был?

В моей родне никто об этом явно не говорил. Были другие времена. Но из старых рассказов я знаю, что Йонас, брат моего деда Йокубаса Шярнаса, вроде бы участвовал. Когда евреи в Биржае были согнаны в церковь, он, вроде бы, очень испугался и ушёл оттуда, отправился в Вильнюс к моему деду. Может быть, он конвоировал евреев, возможно, расстреливал – я не знаю, но в семье были убеждены, что он по своему характеру не мог убивать. Позже его по ошибке вместо моего дедушки гестапо отправило в концлагерь Штуттгоф. Его описал Балис Сруога в книге «Лес богов» – там это Йонас из Биржая. Он спас от смерти Балиса Сруогу и спас некоторые его произведения. Позже родственники удивлялись, отчего, оказавшись в США, Йонас стал маниакально подозрительным. Эти перемены в нём родственники связывали с лагерными переживаниями. Сегодня я думаю, что причин могло быть больше.

Почему нам, литовцам, так трудно смотреть на прошлое и своих родных, и страны?

Может быть, в этом, отчасти, повинна слабая урбанизация нашей страны? Я немного шучу, но правда в этом, я думаю, имеется. Там, где люди издавна жили в городах и местечках, они привыкли больше доверять социуму, ставить открытые вопросы, говорить правду. Литва была и остаётся крестьянской страной, где каждый сам за себя, родня – за себя, а другим не доверяют. А в том, что не говорят об этих болячках – ничего удивительного. Литва до сих пор не научилась мусор сортировать, так где уж там говорить о своих прегрешениях. Но всё равно это однажды придётся начать. Не ради других, но только для самих себя. Понять себя, своё прошлое и не говорить, что того, что было, не было. Люди боятся очной ставки с самими собой. Ведь самое трудное – отдаться истине. Но не следует бояться, что Литве придёт конец, если мы эту истину выскажем.

Что бы вы ответили тем, кто утверждает: это, дескать, старые дела, что было, то было, давайте оставим мёртвых в покое...

Видите ли, не может быть так: минувшее прошло, и не вернётся. Сегодня это настоящее, а завтра будет будущее. Это будущее зависит от того, насколько мы осознаём настоящее, а настоящее зависит от того, насколько мы понимаем прошлое. Еврейская теологическая мудрость говорит, что мы можем изменить прошлое, если изменим настоящее. Ведь если сами не вспомним, не назовём то, что было, всегда найдутся те, кто напомнят. Путин, Зурофф или кто-то ещё. И тогда мы или наши дети не будем знать, что ответить. Так лучше это знать, и пусть это будет правда, нежели какие-то выдумки.

Почему Бог допустил все эти ужасы? Этим же вопросом задаются и сами убийцы.

Я не думаю, что эти убийцы были людьми религиозными. Формально – да. Но сердцем – нет. Может быть, они уверовали, будто «евреи распяли Иисуса» или во что-нибудь подобное. Многие вообще не думали. Не было времени думать. Все были в смятении. Не осознавали. Когда у нас отобрали государство, начали депортировать близких, часть людей просто парализовало. Они создали Литву, верили, и вдруг – одна оккупация, другая... И сажали хороших людей. А те, кто хуже и глупее, подумали: сколько можно страдать и терпеть? И взялись за оружие. Этих людей можно частично понять. Это не только возможно, но и необходимо. Однако их нельзя оправдывать. В конце концов, человек не является скотом. Кто-то сказал, что человек – существо бесконечного горизонта. Это означает, что человек может быть бесконечно глупым и чрезвычайно хорошим и бесконечно страшным.

Вы помните историю, когда Витаутас Шустаускас сказал: «Если бы не немцы, мы сейчас евреям обувь бы чистили»? Вы ответили ему так: «Я сам согласился бы всю оставшуюся жизнь чистить обувь Шустаускасу и ненавистным мне нацистам, если бы так мог спасти хотя бы одного еврейского ребёнка».

Да, я тогда увидел по телевидению то интервью Шустаускаса. Долгое время раздумывал, потом написал, что думаю. Я получил в том году титул Человека толерантности, хотя написал под влиянием обиды, гнева, и никакой толерантности с моей стороны не было. Это был, скорее, агрессивный ответ.

Только разве это хорошо? Сколькие из нас ранят другого человека своим гневом, плохим словом, насмешками или равнодушием? Ведь это не прямое убийство, это как бы намёк. Декларация, что «я тебя не люблю».

Поэтому у меня нет сомнений, что это историческое зло когда-нибудь снова повторится – в той или иной форме, так как человек склонен убивать. И так много способов внушить ему ту или иную мысль.

Так имеет ли смысл говорить о массовых убийствах, которые имели место, если подобное неизбежно повторится?

Чем больше правды мы говорим, тем меньше шансов манипулировать. Зло неизбежно существует всё время. Всегда будут люди, которые захотят эксплуатировать других. Наше оружие – это правда и мужество. Если мы будем бояться самих себя, своих людей, с такой психологией мы далеко не уйдём.

Так где же был Бог?

Существует Божье обещание Аврааму, Исааку и его сыну Израилю. И оно исполнено. Народ Израиля не уничтожен, мало того, он вернулся на Землю обетованную, и это чудо. Евреи живут на своей родине, крепнут, и это тоже чудо. И ещё. Папа Иоанн Павел II высказал эту идею. Советский режим виноват в гибели миллионов людей, но Бог позволил ему продержаться более 70 лет. Сколько продержался нацистский режим после прихода Гитлера к власти в 1933 году? До 1945 года. Как только серьёзно затронули богоизбранный народ, нацистам настал конец.

Ответил ли я вам, где был Бог? Нет? Но кто сказал, что Бог подобен Бэтмену или Капитану Америка, который прыгает с небоскреба, чтобы немедленно прекратить глупость или зло? Нигде в Писании этого не написано. Бог гораздо страшнее, ближе и сложнее, чем мы хотим видеть. Бог – это бесконечный дух, и в самое страшное время Он был с осуждёнными, делал свои невидимые решения, чтобы худшие дела стали лучше. Он принимает эти решения. И вопрос о том, где был Бог, когда беспомощные люди уничтожались – это вопрос батрака. Тора и христианская Библия спрашивают одно и то же: что такое свобода и ответственность человека? Вы знаете заповеди Бога, поэтому вы обязаны принимать собственные решения. Но батрак всегда кажется невиновным, всегда жертвой. Батрак не сомневается, что все остальные несут ответственность за всё: господин, власти, даже Бог. Только не он. Мы должны потратить много времени, пока мы не избавимся от мышления батрака и не изменимся. Я сам спокоен: время идёт, и мы неизбежно приближаемся к правде.

Разговор со священником Ричардом Довейкой

Тема Холокоста, разговор о людях, которые подняли руки против другого человека – это кровоточащая рана. Эта книга также кровоточит. На рану можно наложить бинт, но шрамы из-за того, что произошло, всегда останутся. Да, это случилось. В этом событии приняли участие люди нашего народа, члены нашего общества: наши прабабушки и прадедушки, бабушки и дедушки, соседи, дяди. Это правда. Обладать мужеством, чтобы открыто взглянуть на эту истину, является очень сильным шагом для исцеления, примирения, надежды на будущее. Эта книга должна вдохновлять нас на то, чтобы проанализировать прошлое, раскрывать факты, чтобы идти вперёд. Мы, поколения наследников, должны говорить, обсуждать, расставаться с прошлым и идти вперед.

Холокост – не что иное, как следствие злоупотребления свободой воли. Неправомерное использование Божьей свободы воли для нас является причиной всех язв, которые мы испытали: разногласий, войн, краха цивилизаций, а также великого Холокоста.

Те люди, которых послали стрелять в других людей – они в основном это делали не по своей воле, их подталкивали в эту ситуацию и они просто выполняли приказы?

Источником появления зла является воля злоупотребляющего свободой человека. Он стремится достичь своих целей, беря на себя роль Бога, манипулируя другими людьми, превращая их в свои собственные жертвы. Я

хочу ещё раз напомнить вам, что Бог не лишил человека свободы. Каждый раз, когда человек отвергает Бога, когда он решает: я сам как Бог – Бог даёт ему возможность обойтись без его руководства.

Полагая, что они имеют власть сами решать, организовав свои игры, палачи втянули в них абсолютно невинных людей. Они нашли жертв и превратили их в палачей, чтобы уничтожить других, невинных людей, даже детей. Люди были поставлены перед простым фактом: мировоззрение, идеология, которым они подчиняются, заканчиваются щелчком курка. Тот, кто должен нажать на курок, сам не понимает, как он здесь оказался. Один стоит в яме без оружия, другой стоит с оружием на краю ямы. И за тем с оружием стоят ещё несколько с оружием. И тогда встаёт вопрос: или я убью тебя, или тот, кто стоит за мной – нас обоих?

Но можно было отказаться стрелять, покинуть службу. Тяжело, но возможно. А может быть, из-за того, что стрелки были верующими людьми, им было легче нажать на спусковой крючок: как они сказали себе, если Бог допускает такие ужасы, то что я могу сделать?

У каждого из нас есть естественное знание: не делайте ничего такого, чего вы не хотите, чтобы делали с вами. Нет большей любви, чем отдать жизнь за другого. Великий моральный вопрос: сколько у меня мужества, чтобы пожертвовать собой, чтобы дать жить другим? И это был экзамен, который выдерживал каждый человек. Некоторые прошли этот экзамен, другие подумали, что я всего лишь винтик и буду ли я это делать, или я ничего не буду делать, ничего не изменится. Не выстрелю я, выстрелит кто-то другой, стоящий рядом со мной. Третий отдал всё в руки Божьи. Но мы забываем: Бог не виноват в том, что человек сделал что-то не так. Тем не менее, люди тогда были помещены в такую структуру, в такие обстоятельства, что решали не люди, но инстинкт жизнесохранения.

Были те, кто в подвалах прятал евреев в опасности для себя и своих семей. Скрывали от страха перед соседом, который мог на них донести, чтобы решить любые свои дела, угодить властям или получить от них что-то. Они поняли, что не смогут жить с бременем вины и рискнули спасти других людей, чтобы дети и внуки когда-нибудь посетили его могилу и сказали: «Вот могила праведника». Те, кто выбрал выживание, убив другого, затем прожили кошмарную жизнь. Их ждали угрызения совести, отсутствие смысла жизни, самоубийство, болезнь, преждевременные смерти, а также годы тюрьмы или смертная казнь.

Считаете ли вы, что Бог наказал этих палачей?

Я думаю, что Бог сильно страдал из-за этих парней, потому что и жертва, и палач его дети. Они оба являются жертвами зла. Что чувствовало сердце Бога, когда один из его детей стрелял в другого? Как чувствует себя папа или мама, когда они видят одного из своих детей поднявшего руку на другого, брат против брата?

Где был Бог в Холокост?

Знаете, где был Бог? У меня есть ответ. Жертвы Холокоста действительно знали его. Бог был рядом с ними. Он был в теле этих людей. Бог страдал так же, как и они.

Это очень неожиданный ответ. Но, вы, вероятно, не знали, что свидетели убийства и сами убийцы задавались вопросом, почему евреи, когда их вели на расстрел, не сопротивлялись, молчали, как будто парализованные, были спокойны как овцы. Послушно лезли в ямы, обнимали своих детей и ложились на другие трупы. От гетто Каунаса до IX Форта восемь литовских солдат вели 400-500 евреев несколько километров. Они могли атаковать этих стражников, бежать, спастись... Но ни одна из 10 000 жертв этого не сделала. Что это было – предсмертное послушание божьих овец?

Мы не можем говорить о евреях как о людях без религиозного аспекта. Давайте ещё вспомним, что было время, когда религия была очень важной частью повседневной жизни этих людей. Мы не можем знать, что чувствует человек, ложась в яму, чтобы ждать выстрела, когда он знает, что он прав и невиновен. Я убеждён, что смирение евреев, их спокойствие, на самом деле, свидетельствует об их близости к мировоззрению предков. Это было экзистенциальное, прямое переживание божественной близости. Мы, христиане, знаем: есть Божье обещание исправить нанесённый урон. Он также компенсирует ущерб, нанесённый Холокостом, гарантируя, что выжившие в Холокосте будут освобождены от болезненных воспоминаний.

Могли бы вы стать капелланом в батальоне убийц? 450 молодых людей батальона А. Импулявичюса каждый день убивали белорусских евреев, а в воскресенье отправлялись на молитву и исповедь, получали отпущение грехов...

Я бы не смог, если бы мой мозг не был промыт, и я бы не служил определённой идеологии. Если бы я не стал жертвой этой идеологии, то пришлось бы нанимать других жертв. Да, и в Католической церкви были священники, которые были очарованы этой идеологией, но было много людей, которые в приходах скрывали евреев и рисковали жизнью.

Всё это относится не только к Холокосту: и теперь также имеются идеологии убийства. Мы возмущаемся тем, что кто-то бросил в окно щенка или котёнка, но если начатая жизнь прерывается, то это не жестокость, а наше право на наше тело. И снова мы становимся жертвами убийственной идеологии. А что мы видим сейчас, когда в исламских государствах ружья носят боевики пятнадцати лет? Разве идеология в настоящее время не использует амбиции молодого человека, желание стать кем-то, иметь кого-то, превращая его в жертву?

Нам нужно жить, спрашивая, почему это произошло? Почему люди нашего народа это сделали? Если у меня хватит смелости посмотреть правде в глаза, как я буду жить дальше? Я, вероятно, буду жить по-другому. Я никого не смогу осудить, потому что, возможно, и в моей семье были люди, которые участвовали в Холокосте. Мне не нужен этот очень хороший вариант, чтобы надеть плащ жертвы. Плащ исчезнет и растворится. И эти плащи очень приятные! И ещё мне по носу хорошо ударят дверями. И всё же я хочу узнать о своей родне, возможно среди них были те, которые скрывали людей или осуждали их на смерть... Я хотел бы знать, потому что правда освободит меня.

Мы все должны сказать себе: это прошлое нашей нации. Глядя на правду, мы достигнем зрелости и будем строить будущее дальше. Речь идёт не только о Холокосте, но и о нашем советском прошлом. Когда я учился в школе, я был опозорен учителем публично, стоя у доски, тем, что я хожу в церковь. Этот учитель или учительница, который тогда унизил меня в классе, после того, как Литва обрела независимость, и я стал священником, потерял отца или мать. Он позвонил мне и попросил услуги на похоронах. Как мне нужно было действовать? Напомнить испытанное тогда мной унижение и сказать: «Пусть твою отца или мать хоронит кто-нибудь другой?»

И как вы поступили?

Я спросил, в какой час отпевание и когда похороны. Это был мой ответ. Этот учитель был жертвой той идеологии. Он сделал это или из-за работы, или из-за дохода, или для спокойствия.

Как вы думаете, то, что произошло 75 лет назад в Литве, может ли это повториться?

В настоящее время в Литве также действуют националистические движения. Они уже готовятся к «встрече» эмигрантов, приезжающих в Литву. Если в Литве будет построена мечеть для прибывших мусульман, возможно, её окна будут разбиты... Я спрашиваю себя, есть ли у нас гражданское общество или национальное государство? Разве мы так

погрязли, что отказываемся быть национальным государством и только говорим о гражданском обществе, в стране, где многие века жило много народов, культур и рас? Как так получилось, что мы стали жертвами новой националистической идеологии? Мы должны быть осторожны в том, чтобы хвалить себя и осуждать других, в том числе и русский народ, и отделять русский народ от идеологии Кремля.

Когда вы говорили о дверном ударе, я подумала: я уже испытала это. Мои родственники и некоторые из моих друзей узнали, о чём будет эта книга, и сказали: ты предатель своей родни, своего народа. Что бы вы им ответили?

Как вы считаете, что более важно – осуждение семьи или чувство вечности, ощущение того, что кто-то осмелился защитить их, сказав правду: и они тоже были жертвами. Мы должны сказать, что наши расстреляли евреев, а затем в лесах стреляли друг в друга, писали доносы друг на друга и одни тащили других в Сибирь... Что мы сделаем в 21 веке: пересмотрим свою совесть или нет? Выучим ли, наконец, этот урок или будем ждать снова, чтобы круг истории развернулся и повторились подобные события? Чтобы наш нос уткнулся в это же болото? И позволит ли пересмотр моей совести сделать шаг вперед к пониманию, к примирению, подав руку человеку, чьи близкие могли осудить кого-либо из моей родни на смерть? Но сегодня я протягиваю руку его ребёнку и говорю: «Мне больно и тебе больно, мне грустно и тебе грустно, я не понимаю, и ты не понимаешь». Может быть, мы можем, наконец, избавиться от всех этих идеологий и сознательно взять на себя ответственность? В конце концов, это зависит от меня – придёт идеология убийц или нет. Сегодня – от меня. Являюсь ли я обычным человеком или политиком, образованным или нет – не имеет значения. Палачу нужны любые жертвы. Чем глупее жертва, тем агрессивнее она атакует. Глупый человек всегда просто винтик. Сколько систем – таких, кому нравятся эти винтики! Могу ли я спокойно спать, если увижу, что эти винтики начинают формироваться в моей среде и находится человек, который собирает их в одно место?

Так какой самый важный урок нам нужно изучить?

Мы наследники, и мы должны принять наследство. Наши деды, другие родственники или их соседи участвовали в Холокосте. Кто-то составил списки. Кто-то выстрелил, кто-то спасал, кто-то присвоил вещи убитых. Мы гордимся тем, что унаследовали знаменитую фамилию, землю или титулы от наших дедушек и бабушек. Мы принимаем это наследие. Но если в моей семье был кто-то, кто обрёк жизнь другого на страдания – я являюсь

наследником этой истины. Я могу отвергнуть эту истину, спрятать, чтобы избежать очной ставки с ней, но от того эта истина не изменится. Однако, насколько хорошо, что истина не контролируется нами и не зависит от нашей воли. Мы либо принимаем это, либо нет. Кто выигрывает больше: кто принимает истину и делает выводы, совершает покаяние, смотрит на совесть и пытается снова восстановить мосты дружбы и отношений? Или тот, кто отвергает истину и впадает в такую трясину самообмана, в которую погружает всё глубже каждый день, и это остаётся для многих будущих поколений? Скорее всего, он обвинит того, кто принял правду: для кого вы копаетесь, посмотрите, как мы веселимся с этой иллюзией, поэтому мы будем и впредь становиться жертвами и не выцарапывать правду.

Да, наш народ мучили другие. Запрещали язык, веру, не позволяли путешествовать по миру. Но если в нашей стране были палачи, почему мы должны бояться этой истины? Разве это разрушает наши судьбы? Возможно, нас будет раздражать, когда мы поговорим о наших предках, о которых мы узнаем правду, нам не будет так приятно смотреть на унаследованный антиквариат, когда мы узнаем, как он попал в наши дома. Да, так будет. Но давайте знать, что это раздражение – это наши извинения и покаяние. Мы будем знать, что те, кто будет жить после нас, не пострадают за нашу жизнь и наши решения. Мы не поднимем ни одного из могилы, мы не помирим палача с жертвой, но, возможно, мы сделаем так, что случившееся не повторится.

Ресурсы и литература

LCVA – Lietuvos centrinis valstybės archyvas.

LYA – Lietuvos ypatingasis archyvas.

Vašingtono Holokausto muziejaus fondas. Jeffo ir Toby Herrų kolekcija.

Žemėlapis „Lietuvos žydų gyvenami miestai ir miesteliai XIX a. pabaigoje“. Parengė Tarptautinė komisija nacių ir sovietinio okupacinių režimų nusiultimas Lietuvoje įvertinti, 2003.

Baltramonaitis Juozas. *Dienoraštis (1942-1944)*. Vilniaus sunkių darbų kalėjimo kronika. Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis. T. 22. Vilnius, 2003.

Bubnys Arūnas. *Vokiečių okupuota Lietuva (1941-1944)*. Vilnius: Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras (LGGRTC), 1998.

Eidintas Alfonsas. *Žydai, lietuviai ir holokaustas*. Vilnius: Vaga, 2002.

Fromm Erich. *The Anatomy of Human Destructiveness*. London: Penguin books, 1977.

Garažas: aukos, budeliai, stebėtojai. Sudarė Saliamonas Vaintraubas. Vilnius: Lietuvos žydų bendruomenė, 2002.

Genocidas ir rezistencija. Vilnius: LGGRTC, 2006, Nr. 2 (20); 2007, Nr. 2 (22), 2011, Nr. 2 (30); 2012, Nr. 1 (32), Nr. 2 (32).

Gyvybę ir duoną nešančios rankos. 4 knyga. Vilnius: Valstybinis Vilniaus Gaono žydų muziejus, 2009.

Holokaustas Lietuvoje 1941-1944 m. Straipsnių rinkinys. Sudarė Arūnas Bubnys. Vilnius: LGGRTC, 2001.

Laikas. Istorijos vadovėlis 10 klasei. Vilnius: Briedis, 2007.

Lietuvos laikinosios vyriausybės posėdžių protokolai. Parengė Arvydas Anušauskas. Vilnius: LGGRTC, 2001.

Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys. Sudarė Alfonsas Eidintas. Vilnius: Vaga, 2001.

Masinės žudynės Lietuvoje, 1941-1944. Dokumentų rinkinys. I dalis. Vilnius: Mintis, 1965.

Panevėžys nuo XVI a. iki 1990 m. Autorių kolektyvas. Panevėžys: Nevėžio spaustuvė, 2003.

Povilaitis Nerijus. Nesutariama, kaip laidoti nužudytų žydų kaulus. *Lrytas.lt*, 2014 m. spalio 3 d.

- Žydų muziejus: almanachas*. Vilnius: Valstybinis Vilniaus Gaono žydų muziejus, 2001.
- Rainių tragedija, 1941 m. birželio 24-25 d.* Parengė Arvydas Anusauskas ir Birutė Burauskaitė. Vilnius: LGGRTC, 2000.
- Rezistencijos pradžia: 1941-ųjų Birželis: dokumentai apie šešių savaičių laikinųjų Lietuvos vyriausybę.* Sudarė Vytautas Landsbergis. Vilnius: Jungtinės spaudos paslaugos, 2012.
- Sakowicz Kazimierz. *Panerių dienoraštis. 1941-1943 m.* Iš lenkų k. vertė UAB „Magistrai“. Vilnius: LGGRTC, 2012.
- Sakowicz Kazimierz. *Ponary Diary, 1941-1943.* A Bystanders Account of a Mass Murder, edited by Itzhak Arad. Yale University press, 2005.
- Savaitės pokalbis. Alfredas Rukšėnas: „Jie pakluso įsakymui, o ne sąžinei“. *Bernardinai.lt*, 2012 m. sausio 17 d.
- Šepetys Nerijus. „Būti žydu“ Lietuvoje: Šoa atminimo stiprinimas, pilietinio sąmoningumo ugdymas, o gal... naudingų idiotų šou?“ *15min.lt*, 2015 m. balandžio 30 d.
- Škirpa Kazys. *Sukilimas Lietuvos suverenumui atstatyti: dokumentinė apžvalga*. Vašingtonas, 1973.
- Šoa (Holokaustas) Lietuvoje*. Skaitiniai. II dalis. Sudarė Josifas Levinsonas. Vilnius: Valstybinis Vilniaus Gaono žydų muziejus, 2004.
- Švenčionių krašto žydai*. Pratybų sąsiuvinis. Švenčionys, 2004.
- Truska Liudas, Anušauskas Arvydas, Petravičiūtė Inga. *Sovietinis saugumas Lietuvoje 1940-1953 metais*. Vilnius: LGGRTC, 1999.
- Truska Liudas. *Lietuviai ir žydai nuo XIX a. pabaigos iki 1941 m. birželio: antisemitizmo Lietuvoje raida*. Vilnius: Vilniaus pedagoginis institutas, 2005.
- Vaitiekūnas Vytautas. *Vidurnakčio dokumentai* (3 knyga). Vilnius: Katalikų pasaulis, 1996.
- Valiušaitis Vidmantas. *Kalbėkime patys, girdėkime kitus*. Vilnius: UAB „Petro ofsetas“, 2013.
- Van Voren Robert. *Neįsisavinta praeitis: Holokaustas Lietuvoje*. Iš anglų k. vertė Linas Venclauskas. Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas, 2012.